This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Блезъ Паскаль.

МЫСЛИ

(О РЕЛИГІИ).

Съ предисловіемъ Прево-Парадоля.

Переводъ съ французскаго П. Д. ПЕРВОВА.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе второе, исправленное.

МОСКВА 1899

PRINTED IN RUSSIA

Въ книжномъ магазинѣ А. А. КАРЦЕВА, Москва

(Фурнасовскій пер., домъ Обидиной)

и въ другихъ книжныхъ магазинахъ гг. Москвы, Петербурга, Кіева и Одессы

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ? Эрнеста Навиля, заслуженнаго профессо Женевскаго университета. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р 50 к.

Изъ отзыва о книгѣ Навиля журнала *Revue Philosophique* (1894 г., № 11).

„Полезное для всѣхъ чтеніе его труда, по нашему мнѣнію, особенно можетъ рекомендовано тѣмъ, которые, приступая къ изученію философіи, хотятъ, чтобы оно дѣйствительно плодотворно для образованія ихъ духа"; въ трудѣ автора „лучшія философ традиціи соединяются съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій".

Изъ отзыва журнала *Русская Мысль*, Августъ, 1896 г.

„Несомнѣнно, что произведеніе женевскаго профессора является очень дѣль и полезною книгою. Авторъ подробно и логично разъясняетъ понятія о филосо указываетъ ея принципы, методы, значеніе и отношеніе къ частнымъ наукамъ и всѣ свои взгл формулируетъ въ цѣломъ рядѣ тезисовъ. Обладая дисциплинованнымъ и яснымъ умомъ, На строго систематиченъ и мысль его развивается послѣдовательно, плавно и неторопливо; он дѣлаетъ скачковъ и за нею легко слѣдить. Вотъ почему его книгу и можно рекомендо начинающимъ заниматься философскими проблемами; они сразу будутъ введены въ к дѣла и увидятъ передъ собою тѣ дороги, по которымъ направляются различныя философ теченія философіи... Трудъ Навиля изобилуетъ вѣрными и симпатичны мыслями..."

ИДЕИ БОГА И БЕЗСМЕРТІЯ ДУШИ предъ судомъ новѣйшихъ критико соч. **Каро**. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р.

Изъ отзыва журнала *Русская Мысль* о книгѣ Каро (кн. 12, 1898 г.):

„Сочиненіе Каро критически излагаетъ воззрѣнія Ренана, Тэнд и Вашро и выясняетъ и Бога и безсмертія такъ, какъ ихъ понимаетъ спиритуалистическая философія. Въ лицѣ доктрины, которыя онъ опровергаетъ, имѣютъ во всякомъ случаѣ честнаго противника съ солид аргументаціей. Богъ — реальное живое, разумное и любящее существо; индивидуальное (личн безсмертіе несомнѣнно, но безполезны всякія попытки предвидѣть и выяснить его конкрет форму: таковы господствующія идеи всей книги".

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ, соч. **Олэ-Ляпрюна**, Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75

Изъ отзыва новаго апологетическаго духовнаго журнала *Вѣра и Церковь* (январь, 1899

„Читать эту книгу — наслажденіе. Ясность и доступность изложенія; мастерство, съ как авторъ ведетъ читателя отъ одной важной истины къ другой; жизненность, многосторонн изображенія современныхъ взглядовъ и нравственныхъ явленій — вотъ ея особенно замѣт достоинства. По множеству затронутыхъ вопросовъ — это цѣлая нравственная энциклопе Кто возьметъ ее съ цѣлью найти логически-убѣдительный и христіански-правильный отв на свои сомнѣнія о долгѣ, счастіи, дѣлѣ, жизни и т. п. тотъ не будетъ обманутъ".

Изъ отзыва о книгѣ г. Олэ-Ляпрюна: **ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ**, журнала *Русская М* (кн. 12, 1898 г.):

„Книга Олэ-Ляпрюна посвящена вопросу о смыслѣ и цѣнности жизни. Это произведе французскаго автора содержитъ въ себѣ много правильныхъ мыслей, и съ его существенн выводами согласятся люди всякаго лагеря".

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭВОЛЮЦІИ, Дж. Кроля. Ц. 75 к., съ перес. 90 налож. патежомъ 1 р.

Струнниковъ, А. И. НАЧАТКИ ФИЛОСОФІИ. Общедоступное изложе существеннаго содержанія философіи. Полный курсъ. Ц. 1 руб. 50 к съ пересылкой 1 руб. 80 коп.

Изъ отзыва о „Начаткахъ философіи" г. Струнникова журнала *Вопросы филос и психологіи* (кн. 2, 1890 г.):

„Признавая, что стремленіе къ философіи заложено въ самой природѣ разумнаго сущест человѣка, авторъ замѣчаетъ, что это стремленіе проявляется въ нашемъ обществѣ и иногда с людей совершенно неподготовленныхъ къ философіи. Понятно, что философствованіе такихъ л оказывается отрывочнымъ, поверхностнымъ, одностороннимъ и туманнымъ. И это естестве изъ свѣтскихъ училищъ философія почти вовсе изгнана, а въ литературѣ у насъ нѣтъ общедоступ изложеній существеннаго содержанія философіи. Въ виду этого авторъ поставилъ себѣ ц восполнить пробѣлъ, существующій въ нашей литературѣ, и издалъ книгу, въ которой по общепонятно и доказательно излагается существенное содержаніе философіи... Книга г. Струнни можетъ служить хорошимъ руководствомъ при ознакомленіи съ содержаніемъ философіи не то для начинающихъ заниматься философіею, но и для студентовъ высшихъ учебныхъ завед Философскіе вопросы обсуждаются авторомъ ясно, просто и убѣдительно. Изложеніе связн послѣдовательное. Душу сочиненія составляетъ глубокое религіозное чувство самого авт вопросы о Богѣ, объ отношеніи человѣка къ Богу и о важности вѣры въ личнаго Бога для ж чумнаго существа излагаются авторомъ съ сильнымъ воодушевленіемъ.

Введенскій, А. И. профес. Моск. Дух. Академіи. **ВѢРА ВЪ БО ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ОСНОВАНІЯ.** Положительное рѣшеніе вопроса въ св историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи. Ц. 3 р

Блезъ Паскаль.

МЫСЛИ

(О РЕЛИГІИ).

170
П-19

Съ предисловіемъ Прево-Парадоля.

Переводъ съ французскаго П. Д. ПЕРВОВА

Изданіе второе, исправленное.

МОСКВА. – 1899.
Типо-Литографія Д. А. Бонч-Бруевича, Кузнецкій мостъ, д. кн. Голицына.

Дозволено Цензурою. Москва, 24 октября 1898 г.

Паскаль, какъ моралистъ.

Очеркъ **Прево-Парадоля.**

I.

„Отрицать, вѣрить и сомнѣваться такъ же свойственно человѣку, какъ лошади—бѣгать", говоритъ гдѣ-то Паскаль *), среди блестящаго калейдоскопа тѣхъ мыслей, которыя, въ дополненіе къ давно обнародованнымъ, сравнительно недавно (съ 1843 г.) увидѣли свѣтъ, благодаря внимательному разбору и въ высшей степени точному изданію автографа. И дѣйствительно, мы нерѣдко видимъ, какъ человѣкъ то отрицаетъ или сомнѣвается, то вѣритъ, проходя черезъ эти различныя стадіи съ большимъ смущеніемъ духа и жестокими терзаніями сердца. Часто бываетъ и то, что человѣкъ, благодаря этимъ колебаніямъ и усиліямъ избѣжать этой неопредѣленности, благодаря самой вѣрѣ, въ которой онъ хочетъ найти успокоеніе, доходитъ до глубокой грусти, до горькаго отвращенія ко всѣмъ благамъ жизни, до горячаго и тревожнаго стремленія къ неизвѣстному счастію,—къ счастію безъ мѣры и конца. Онъ отвращается тогда отъ всѣхъ удовольствій, презирая низкія, оставаясь холоднымъ передъ болѣе возвышенными и не довѣряя самымъ благороднымъ; ничто тогда не въ силахъ его приманить, кромѣ того, чего ему нельзя ни видѣть, ни постигнуть въ этомъ морѣ, и онъ справедливо сравниваетъ самъ себя съ оленемъ, который изне-

*) Паскаль родился въ Клермонѣ 9 іюня 1623 г., умеръ 29 августа 1662 г.

могаетъ отъ жажды среди пастбищъ, слыша отдаленный шумъ ручья и пылая желаніемъ утолить жажду изъ невидимаго источника.

Сколько людей до и послѣ Паскаля отвращало такимъ образомъ свои взоры отъ земли, начиная съ тѣхъ индѣйскихъ подвижниковъ, которые, за нѣсколько еще вѣковъ до Христа, страстно предавались уединенію и молчанію, умерщвленію плоти и мукамъ, и кончая тѣми изъ нашихъ современниковъ, которые и теперь вдали отъ людского шума ищутъ свободы для страданія и молитвы! Но какъ въ хорахъ античной трагедіи одинъ кто-нибудь говорилъ отъ имени толпы, такъ и всеобщія и вѣчно волнующія человѣчество чувства въ лицѣ нѣкоторыхъ людей находятъ столь совершенныхъ или столь глубоко затрогивающихъ выразителей, что кажется, будто они говорили за всѣхъ; и каждый, кого одушевляетъ подобная мысль, узнаетъ въ ихъ словѣ ясное и сильное выраженіе того, что смутно волнуетъ его собственную душу. Никогда безъ законной причины одинъ человѣкъ не воплощаетъ въ себѣ голоса толпы; и если Паскаль скорѣе всякаго другого служитъ представителемъ людей, которые, терзаясь желаніемъ рѣшить задачу жизни, рѣшили ее въ томъ смыслѣ, что стали презирать жизнь и стремиться къ небу, то мы имѣемъ не мало основаній связать съ его именемъ эту скорбную славу. Никто, можетъ-быть, не испыталъ больше мукъ передъ неизвѣстностью, никто изъ насъ такъ горячо не желалъ знать послѣднее слово человѣческой судьбы; самая интенсивность этого желанія, перешедшаго въ томленіе, и служитъ пружиной его краснорѣчія. Появившись въ то время, когда французскій языкъ близокъ былъ къ совершенству, онъ не мало содѣйствовалъ этому совершенству; интересъ къ его сочиненіямъ, даже написаннымъ вчернѣ и долго издававшимся въ испорченномъ видѣ, обусловленъ не только силою и глубиною его мысли, но и большою оригинальностью выраженія. Наконецъ, этотъ молодой человѣкъ получилъ отъ природы столь прекрасные и рѣдкіе дары, обладалъ столь проницательнымъ геніемъ, что, когда мы разсматриваемъ все это, наше удивленіе доходитъ до высшей степени, и никто не можетъ сказать, насколько онъ ушелъ бы впередъ въ дѣлѣ человѣческаго знанія, если бы

съ первыхъ же шаговъ не остановился и не потерялся въ созерцаніи безконечнаго. Стремительно исчезнувшее сомнѣніе, глубоко захватившая вѣра, съ нѣкотораго рода отчаяніемъ, страсти, скорѣе заглушенныя, чѣмъ сдержанныя, пренебреженіе къ славѣ, даже въ томъ возрастѣ, когда иной готовъ умереть за нее, геній, посвятившій или, скорѣе, замкнувшій себя въ одномъ кругу предметовъ, всецѣло обрекшій себя на спасеніе душъ, величіе характера и духа, дѣлающаго постоянныя усилія, чтобы уничижить себя предъ Богомъ, чахнущая и умерщвляющая себя жизнь въ слабомъ тѣлѣ, преждевременная смерть за неоконченной работой,— вотъ исторія Паскаля, исторія болѣе трогательная, чѣмъ если бы она была наполнена необычайными приключеніями, и достойная занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества, такъ какъ она цѣликомъ составлена изъ тѣхъ особаго рода тревогъ и печалей, которыя уже потому составляютъ достоинство нашей природы, что ничего не имѣютъ общаго съ низменными житейскими интересами.

Какъ разсказать такую жизнь даже по тому неподражаемому повѣствованію, которое оставила намъ сестра Паскаля? Простота этихъ поистинѣ христіанскихъ страницъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этому великому человѣку. Вотъ передъ нами ребенокъ, который въ томъ возрастѣ, когда еще лепечутъ, упрямо и пытливо разспрашиваетъ обо всемъ, умѣетъ отличать отговорки и не довольствуется ими; рожденный какъ бы для знанія, онъ уже теперь не способенъ остановиться внѣ истины или успокоиться, не добившись полнаго свѣта. Извѣстно, какъ онъ, будучи отстраненъ отъ занятій геометріей *), изобрѣлъ ее; извѣстны его добытыя въ уединеніи открытія, тайныя слезы его отца, испуганнаго и восхищеннаго этимъ чудомъ, извѣстенъ совѣтъ добраго Палера, который „находилъ несправедливымъ держать въ плѣну этотъ духъ и прятать отъ него эту область знанія“. Но вотъ ему позволяютъ углубиться въ эти точныя науки, и онъ свободно наслаждается въ нихъ истиной, которой такъ горячо искалъ. Съ 24-хъ-лѣтняго возраста онъ

*) Отецъ думалъ, что математическія занятія могли бы отвлечь сына отъ изученія языковъ.

могаетъ отъ жажды среди пастбищъ, слыша отдаленный шумъ ручья и пылая желаніемъ утолить жажду изъ невидимаго источника.

Сколько людей до и послѣ Паскаля отвращало такимъ образомъ свои взоры отъ земли, начиная съ тѣхъ индѣйскихъ подвижниковъ, которые, за нѣсколько еще вѣковъ до Христа, страстно предавались уединенію и молчанію, умерщвленію плоти и мукамъ, и кончая тѣми изъ нашихъ современниковъ, которые и теперь вдали отъ людского шума ищутъ свободы для страданія и молитвы! Но какъ въ хорахъ античной трагедіи одинъ кто-нибудь говорилъ отъ имени толпы, такъ и всеобщія и вѣчно волнующія человѣчество чувства въ лицѣ нѣкоторыхъ людей находятъ столь совершенныхъ или столь глубоко затрогивающихъ выразителей, что кажется, будто они говорили за всѣхъ; и каждый, кого одушевляетъ подобная мысль, узнаетъ въ ихъ словѣ ясное и сильное выраженіе того, что смутно волнуетъ его собственную душу. Никогда безъ законной причины одинъ человѣкъ не воплощаетъ въ себѣ голоса толпы; и если Паскаль скорѣе всякаго другого служитъ представителемъ людей, которые, терзаясь желаніемъ рѣшить задачу жизни, рѣшили ее въ томъ смыслѣ, что стали презирать жизнь и стремиться къ небу, то мы имѣемъ не мало основаній связать съ его именемъ эту скорбную славу. Никто, можетъ-быть, не испыталъ больше мукъ передъ неизвѣстностью, никто изъ насъ такъ горячо не желалъ знать послѣднее слово человѣческой судьбы; самая интенсивность этого желанія, перешедшаго въ томленіе, и служитъ пружиной его краснорѣчія. Появившись въ то время, когда французскій языкъ близокъ былъ къ совершенству, онъ не мало содѣйствовалъ этому совершенству; интересъ къ его сочиненіямъ, даже написаннымъ вчернѣ и долго издававшимся въ испорченномъ видѣ, обусловленъ не только силою и глубиною его мысли, но и большою оригинальностью выраженія. Наконецъ, этотъ молодой человѣкъ получилъ отъ природы столь прекрасные и рѣдкіе дары, обладалъ столь проницательнымъ геніемъ, что, когда мы разсматриваемъ все это, наше удивленіе доходитъ до высшей степени, и никто не можетъ сказать, насколько онъ ушелъ бы впередъ въ дѣлѣ человѣческаго знанія, если бы

съ первыхъ же шаговъ не остановился и не потерялся въ созерцаніи безконечнаго. Стремительно исчезнувшее сомнѣніе, глубоко захватившая вѣра, съ нѣкотораго рода отчаяніемъ, страсти, скорѣе заглушенныя, чѣмъ сдержанныя, пренебреженіе къ славѣ, даже въ томъ возрастѣ, когда иной готовъ умереть за нее, геній, посвятившій или, скорѣе, замкнувшій себя въ одномъ кругу предметовъ, всецѣло обрекшій себя на спасеніе душъ, величіе характера и духа, дѣлающаго постоянныя усилія, чтобы уничижить себя предъ Богомъ, чахнущая и умерщвляющая себя жизнь въ слабомъ тѣлѣ, преждевременная смерть за неоконченной работой,— вотъ исторія Паскаля, исторія болѣе трогательная, чѣмъ если бы она была наполнена необычайными приключеніями, и достойная занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества, такъ какъ она цѣликомъ составлена изъ тѣхъ особаго рода тревогъ и печалей, которыя уже потому составляютъ достоинство нашей природы, что ничего не имѣютъ общаго съ низменными житейскими интересами.

Какъ разсказать такую жизнь даже по тому неподражаемому повѣствованію, которое оставила намъ сестра Паскаля? Простота этихъ поистинѣ христіанскихъ страницъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этому великому человѣку. Вотъ передъ нами ребенокъ, который въ томъ возрастѣ, когда еще лепечутъ, упрямо и пытливо разспрашиваетъ обо всемъ, умѣетъ отличать отговорки и не довольствуется ими; рожденный какъ бы для знанія, онъ уже теперь не способенъ остановиться внѣ истины или успокоиться, не добившись полнаго свѣта. Извѣстно, какъ онъ, будучи отстраненъ отъ занятій геометріей *), изобрѣталъ ее; извѣстны его добытыя въ уединеніи открытія, тайныя слезы его отца, испуганнаго и восхищеннаго этимъ чудомъ, извѣстенъ совѣтъ добраго Палера, который „находилъ несправедливымъ держать въ плѣну этотъ духъ и прятать отъ него эту область знанія“. Но вотъ ему позволяютъ углубиться въ эти точныя науки, и онъ свободно наслаждается въ нихъ истиной, которой такъ горячо искалъ. Съ 24-хъ-лѣтняго возраста онъ

*) Отецъ думалъ, что математическія занятія могли бы отвлечь сына отъ изученія языковъ.

прощается съ наукой и, воодушевленный любознательностью высшаго порядка, пускается въ поиски за истиной дорогой болѣе трудной; онъ думаетъ сразу схватить ее, онъ обнимаетъ ее съ жаромъ, который распространяетъ и вокругъ себя. Отецъ его, уже бывшій настоящимъ христіаниномъ, получаетъ отъ сына уроки нравственной строгости; сестра его поступаетъ монахинею въ Поръ-Рояль; всѣ окружающіе были согрѣты тѣмъ огнемъ, который сожигалъ его.

Между тѣмъ недуги напали на него съ самой юности; съ 18-лѣтняго возраста онъ не провелъ ни одного дня безъ страданій. Среди изнурительныхъ болѣзней, онъ кое-какъ влачилъ свое существованіе, благодаря усиліямъ врачей, которые всячески старались внушить ему желаніе поддерживать жизнь; и онъ не прочь былъ даже искать нѣкотораго утѣшенія въ исполненіи обязанностей и развлеченіяхъ человѣческаго общества. Почти несомнѣнно, что его сердце было затронуто, что онъ испыталъ удовольствія и муки любви, что онъ удѣлилъ, хотя и короткое время, тѣмъ наслажденіямъ, которымъ предается большая часть людей. Но что же привело его неожиданно къ тѣмъ самымъ высокимъ мыслямъ, которыя составляютъ великое и единственное дѣло его жизни? Тотъ ли несчастный случай, отъ котораго онъ спасся почти чудомъ? *) Или та ночь, полная религіознаго экстаза, послѣ которой онъ берегъ до самой смерти какую-то записку, зашитую въ подкладку своей фуфайки?**) Или, наконецъ, это результатъ благочестивыхъ увѣщаній той самой сестры, которую онъ убѣдилъ покинуть міръ и воспламенилъ любовью къ Богу? Можетъ-быть, тутъ имѣли мѣсто

---

*) Разсказываютъ, что однажды, когда онъ ѣхалъ по мосту безъ перилъ, лошади взбѣсились и понесли прямо въ воду, но на самомъ краю пропасти постромки оборвались и экипажъ какъ-то остановился. Случай этотъ такъ потрясъ Паскаля, что впослѣдствіи его постоянно преслѣдовали галлюцинаціи: ему казалось, что на лѣвой сторонѣ около него зіяетъ пропасть, и онъ ставилъ на это мѣсто стулъ, чтобы успокоить себя.

**) Записка эта начинается точнымъ обозначеніемъ даты и содержитъ въ себѣ рядъ отрывочныхъ и метафорическихъ выраженій, напр.: „Огонь. Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова, а не философовъ и ученыхъ. Извѣстность. Извѣстность Чувства. Радость, Міръ“, и т. д. Одни полагаютъ, что это воспоминаніе о какомъ-то видѣніи, другіе, что это продуктъ религіознаго экстаза. Паскаль свято хранилъ эту записку до самой смерти.

всѣ эти вліянія, но прежде всего, это было непреодолимое движеніе его собственнаго сердца, непобѣдимое желаніе рѣшить великую задачу человѣческой жизни, невозможность удовлетвориться обычными предметами человѣческой дѣятельности или суеты, неизлѣчимое отвращеніе ко всему, что не касается близко Бога. Какъ бы то ни было, онъ покидаетъ все мірское и начинаетъ искать Бога въ сторонѣ отъ мірской суеты. Съ этихъ поръ начинается жизнь, полная размышленій, нравственной суровости и страданій; правда, эти страданія чаще всего посылала природа, но они принимались охотно и составляли почти предметъ религіознаго утѣшенія. Что бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни молился, что бы ни писалъ, о чемъ бы ни бесѣдовалъ съ нѣкоторыми друзьями, охваченными тою же страстью къ божественнымъ предметамъ, его занимаетъ одно чувство, одна мысль: это— будущее человѣка въ загробномъ мірѣ, средства приготовиться къ нему и ничтожество всего остальнаго. Если онъ увлекается на минуту чѣмъ-нибудь другимъ, внѣ этой идеи, если онъ чувствуетъ, какъ поднимается въ немъ нѣкоторая гордость отъ сознанія, что онъ обладаетъ этой идеей и сообщаетъ ее другимъ, если онъ начинаетъ находить удовольствіе въ похвалѣ и подчасъ заслушивается своими собственными словами, то желѣзныя вериги, которыми онъ опоясанъ, напоминаютъ ему о ничтожествѣ его и о принятомъ имъ рѣшеніи. Его горячее стремленіе къ блаженству, его томленіе о спасеніи души не имѣютъ однако въ себѣ ничего эгоистическаго; ему жаль въ равной степени и другихъ, ему хочется спасти ихъ отъ страданій сомнѣнія, отъ таинственныхъ опасностей загробной жизни; а такъ какъ онъ обладалъ, по общему мнѣнію, полученною отъ неба чудесною силою проникать въ души и трогать сердца, то онъ предпринимаетъ большой трудъ, чтобы успокоить на лонѣ вѣры тѣхъ, которые изнемогаютъ въ мірѣ или, что еще хуже, которые счастливы въ немъ. Онъ хочетъ, по его словамъ, избавить ихъ отъ той болѣзни, которою онъ самъ страдалъ; но изъ усилій, употребляемыхъ имъ для этого, видно, что онъ не излѣчилъ ихъ. Онъ пишетъ изъ чистой любви къ ближнему; ни одинъ писатель не отрѣшался настолько отъ личныхъ интересовъ въ своей работѣ и не выказывалъ

такого рѣшительнаго презрѣнія къ славѣ. Между тѣмъ, его болѣзни увеличиваются; всякое усиліе въ работѣ становится невозможнымъ, его послѣдніе годы—это постоянная агонія. За это время удваивается его уничиженіе, его отрѣшеніе отъ всякихъ земныхъ привязанностей, его тревожная и простодушная любовь къ бѣднымъ, его терпѣніе или скорѣе вкусъ къ страданію: „Не жалѣйте меня“, говоритъ онъ, „болѣзнь есть естественное состояніе христіанъ, потому что въ этомъ случаѣ они бываютъ такими, какими должны быть всегда. Она пріучаетъ къ перенесенію бѣдствій, къ лишенію всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій, пріучаетъ удерживаться отъ страстей, которыя всю жизнь обуреваютъ человѣка, быть безъ честолюбія, безъ жадности, въ постоянномъ ожиданіи смерти“. Онъ и угасъ среди такихъ мыслей.

Если мы посмотримъ на минуту на эту короткую жизнь съ той точки зрѣнія, съ которой цѣнимъ всѣхъ остальныхъ людей, если, принимая обычную мѣрку нашихъ сужденій, мы спросимъ себя: какое мѣсто занимало въ ней то, что называется обыкновенно счастьемъ, то мы едва найдемъ нѣсколько счастливыхъ моментовъ въ этой длинной цѣпи физическихъ страданій и нравственнаго томленія. Паскаль былъ счастливъ, несомнѣнно, въ тотъ моментъ, когда его юношескій духъ, освободившись отъ путъ, въ которыхъ его держала излишняя предусмотрительность воспитателей, могъ углубиться въ точныя науки и найти въ нихъ здоровую для себя пищу. Онъ познакомился тогда, на короткое, правда, время, но зато во всей полнотѣ, съ счастьемъ понимать и знать, съ невыразимою радостью открытія. Онъ былъ счастливъ и тогда, когда переживалъ тѣ разнообразныя сердечныя волненія, которыя описываетъ и объясняетъ съ удивительною тонкостью пониманія въ своихъ *Discours sur les passions de l'amour*. Конечно, и влюбленный Паскаль не перестаетъ быть христіаниномъ и философомъ. Его любовь—не слѣпой восторгъ, она не имѣетъ ничего опьяняющаго, она не мѣшаетъ этому невольному моралисту изучать самого себя. Его любознательный умъ старательно слѣдуетъ за движеніями души, его грустная мысль находитъ себѣ новую пищу даже въ явленіяхъ постепеннаго ослабленія любви. Онъ удивляется, что любовь не можетъ поддерживать

себя постоянно на одинаковой степени, что нужно „набирать себѣ силъ, чтобы больше любить“; онъ узнаетъ „жалкое послѣдствіе человѣческой природы“ въ этомъ неизбѣжномъ утомленіи сердца. Тѣмъ не менѣе эти краснорѣчивыя страницы, достойныя быть незабвенными, освѣщены и согрѣты счастьемъ любить и любя страдать. Но если эта напряженность и проницательность мысли, эта чудесная нѣжность впечатлѣній дѣлаютъ сердце столь чувствительнымъ къ несовершенствамъ любви, зато эти же качества дѣлаютъ его болѣе способнымъ подмѣтить и извѣдать всѣ наслажденія любви. Паскаль, кромѣ того, долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ, хотя и короткое время, при видѣ блестящаго успѣха своихъ „*Провинціальныхъ писемъ*“ (Provinciales),—не только потому, что онъ страстно любилъ свое дѣло и своихъ друзей, не только потому, что такой рьяный любитель полемики не могъ быть совершенно нечувствителенъ къ удовольствію нанести столь вѣрный ударъ и видѣть противника пораженнымъ, но и потому, что его трудъ былъ поистинѣ удивителенъ, и онъ не могъ этого не чувствовать. Онъ любилъ во всемъ совершенство. „Одною изъ страстей, относительно которыхъ онъ больше всего подвергалъ себя испытанію“, говоритъ его сестра, „была потребность изящества во всемъ, напр., потребность пользоваться работой лучшихъ мастеровъ и т. п.“ Онъ часто говорилъ, напр., что бѣднымъ нужно помогать *бѣдно*, т.-е. каждому по средствамъ, безъ гордаго самодовольства, безъ рисовки (sans excellence, *безъ изящества*). Однако, этотъ великій и чуткій духъ больше, чѣмъ ему хотѣлось, былъ увлекаемъ и прельщаемъ *изяществомъ*; всякаго рода образцовое произведеніе помимо воли доставляло ему удовольствіе; совершенство его „*Провинціальныхъ писемъ*“ не могло не волновать его сердца. Если, наконецъ, считать всѣ моменты его счастья, то кто скажетъ, сколько разъ, даже среди самыхъ жгучихъ тревогъ, онъ наслаждался, за неимѣніемъ другого удовольствія, уже тѣмъ, что боролся съ собою и побѣждалъ себя, приносилъ себя въ жертву и чувствовалъ всю силу своей жертвы? „Что худого будетъ, если вы примете это рѣшеніе“, спрашиваетъ онъ на тѣхъ приковывающихъ вниманіе страницахъ, гдѣ онъ заставляетъ вѣрующаго стать въ спорѣ на сторонѣ Бога и

загробной жизни:—„вы будете вѣрны, честны, смиренны, признательны, благотворительны, искренни, будете истинными друзьями. Правда, вы не будете вращаться въ зачумленныхъ удовольствіяхъ, среди славы, среди наслажденій, но развѣ у васъ не будетъ *другихъ* удовольствій?!“ Это—тѣ *„другія удовольствія“*, перемѣшанныя съ продолжительною печалью, которыхъ мы не знаемъ, потому что они остались извѣстны только Богу да ему самому: въ здѣшнемъ мірѣ нельзя подвести имъ итога; инстинктивная потребность свести когда-нибудь эти итоги и заставляетъ человѣка такъ часто поднимать взоры къ небу.

Но то, что мы видимъ въ его жизни, и особенно, что онъ самъ показываетъ намъ всякій разъ, какъ изображаетъ, въ столь тѣсной связи съ своею личностью и въ то же время столь истинно, природу человѣка, все это позволяетъ намъ думать, что душевный міръ былъ почти всегда чуждъ ему, и что самая вѣра, поддержанная волею, въ которой чувствуется усиліе, очень часто была не въ силахъ успокоить волненій его сердца. Для Паскаля была ужасающею дѣйствительностью эта непрочность человѣческихъ дѣлъ, эта шаткость самыхъ благородныхъ или самыхъ сладкихъ привязанностей, это постоянное исчезновеніе всего того, что насъ окружаетъ, и насъ самихъ,—явленія, о которыхъ моралисты любятъ толковать намъ, не всегда трогаясь ими въ дѣйствительности, о которыхъ и мы часто говоримъ, не-то-что не вѣря въ нихъ, но не проникаясь настолько глубоко мыслью о нихъ, чтобы страдать по этому поводу. Эта идея непрочности всего земного всегда была присуща его духу и никогда не ослабѣвала въ немъ въ силу привычки; онъ разсматриваетъ ее всегда съ столь живымъ и глубокимъ волненіемъ, какъ будто она только что охватила его, и всякій разъ, какъ онъ ее выражаетъ, онъ это дѣлаетъ съ такимъ горячимъ желаніемъ внушить ее намъ, что мы какъ будто видимъ и слышимъ, какъ онъ, возвѣщая намъ о ничтожествѣ міра, умоляетъ насъ выйти изъ него, подобно тому, какъ еврейскій пророкъ предвѣщалъ жителямъ Ниневіи неизбѣжную гибель. Развиваетъ ли онъ эту мысль на нѣсколькихъ страницахъ, какъ, напр., въ удивительномъ *„Письмѣ объ обращеніи грѣшника“*, или она у него выражается какъ жа-

лоба или крикъ ужаса передъ „вѣчнымъ молчаніемъ этихъ безконечныхъ пространствъ“, окружающихъ насъ, передъ этою „нѣмою вселенною“, которая поглощаетъ и насъ, и самое себя, онъ такъ безпокоится и мучится ею, какъ будто она была физическою болью, не дающею намъ ни минуты покоя, и преданіе, что онъ постоянно пугался матеріальной и видимой пропасти, зіяющей сбоку, даетъ намъ самое вѣрное и наглядное понятіе о состояніи его души. Это было состояніе, котораго онъ не могъ сносить, и если онъ столь упрямо хотѣлъ привести въ него и другихъ, то дѣлалъ это въ надеждѣ, что они, какъ онъ самъ, найдутъ его несноснымъ и томительно зададутся вопросомъ: какимъ путемъ изъ него выйти? „Я могу одобрить только тѣхъ, которые ищутъ съ болью въ сердцѣ“, говоритъ онъ въ началѣ своего великаго произведенія. Эти слова выражаютъ всю его жизнь: онъ искалъ съ болью въ сердцѣ. Посмотримъ, что онъ нашелъ.

II.

Какъ похожъ на развалины матеріалъ, заготовленный для какого-нибудь обширнаго зданія и разбросанный пока по землѣ! Съ одинаковою грустью глазъ разсматриваетъ и то, что не окончено человѣкомъ, и то, что разрушено временемъ. Великая апологія христіанской религіи, которую задумалъ и началъ писать Паскаль, представляетъ намъ, въ точныхъ изданіяхъ, обнародованныхъ въ послѣднее время, почти тотъ же видъ, какъ какой-нибудь древній манускриптъ, на половину испорченный, плохо разобранный и представляющій для нашей любознательности лишь нѣсколько отрывковъ. Эти написанныя вчернѣ главы, едва намѣченныя подробности, неполныя сентенціи, въ которыхъ иногда мы не можемъ даже добраться до смысла, похожія на изящные портики, но безъ выхода, на гордо поднимающіяся ступени, которыя никуда однако не ведутъ, на первый взглядъ кажутся избѣжавшими разрушенія, лишившаго насъ наибольшей части этого прекраснаго труда; но постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей въ различныхъ выраженіяхъ, слѣды многочисленныхъ поправокъ и варіацій, и безъ вся-

кихъ другихъ указаній, приводятъ насъ къ заключенію, что авторъ не только не могъ собрать въ одно цѣлое своихъ матеріаловъ, но не имѣлъ времени и сдѣлать изъ нихъ выбора. Хотѣлъ ли онъ методически-послѣдовательно изложить свои взгляды или въ формѣ горячей и спѣшной полемики? Хотѣлъ ли онъ дать рядъ діалоговъ или избрать форму переписки? Паскаль ничего еще окончательно не рѣшилъ по этому поводу, и мы не разъ въ видѣ летучихъ замѣтокъ находимъ у него обсужденіе вопроса о формѣ изложенія, которая лучше всего соотвѣтствовала бы его мысли.

Но насчетъ самой основы этой мысли, т.-е. насчетъ метода доказательствъ истинности христіанской религіи, у него не было никакихъ сомнѣній; въ этомъ отношеніи его произведеніе вполнѣ законченно и доведено до того совершенства, до того *изящества*, которое такъ нравилось Паскалю помимо его воли. Намъ не зачѣмъ искать бо̀льшаго освѣщенія его мысли съ этой точки зрѣнія: мысль Паскаля вполнѣ очевидна, его планъ ясенъ и не допускаетъ уклоненій, всѣ отрывки, всѣ фразы, всѣ слова, выходящіе изъ-подъ его пера, могутъ занять свое мѣсто въ его методѣ доказательства, такъ что Паскалю принадлежитъ одно изъ оригинальныхъ и высокихъ мѣстъ въ ряду защитниковъ христіанства. Этотъ величавый умъ, охваченный среди точныхъ и естественныхъ наукъ любовью къ религіи и страстью ее распространять, рѣшилъ примѣнить къ доказательству истинности христіанства прямо тотъ самый методъ, которымъ пользуются въ научныхъ доказательствахъ, и не оставить для ума человѣческаго ни одной, если можно, лазейки, посредствомъ которой онъ могъ бы уклониться отъ вѣры въ истинность христіанства, подобно тому, какъ мы теперь не имѣемъ ни одной лазейки, чтобы отрицать движеніе земли. Онъ рѣшилъ дать христіанству, въ общемъ знаніи человѣка, ту же роль, которую играетъ гипотеза при доказательствахъ въ наукахъ, изучающихъ природу; иначе говоря, онъ хотѣлъ собрать въ одно цѣлое извѣстное число неопровержимыхъ фактовъ и, разъ добившись нашего согласія на признаніе этихъ фактовъ, доказать намъ не только то, что христіанство есть неизбѣжное объясненіе этихъ фактовъ, но и то, что оно есть единственно-возможное объясненіе и что,

если бы христіанская религія не была истинной, то невозможно было бы и объяснить ихъ.

Чтобы понять почти непреодолимую силу этого рода доказательства, когда его прилагаютъ къ допускающимъ это наукамъ, достаточно припомнить, какимъ законнымъ довѣріемъ пользуется теперь между людьми, напримѣръ, гипотеза, извѣстная подъ именемъ закона всеобщаго тяготѣнія. Никто не видалъ и не касался этого тяготѣнія, причина этого явленія служитъ столь же непроницаемой тайной, какъ все то, что уму человѣческому можно только предполагать; но когда все, начиная съ камня, который катится у насъ подъ ногами, начиная съ текущей воды ручья, начиная съ песчинки, которая, скользя между нашими пальцами, падаетъ на землю, и кончая тѣми огромными разстояніями небесныхъ тѣлъ, которыя такъ измѣняютъ для нашего глаза видъ неба,—все объясняется гипотезой, что тѣла притягиваются другъ другомъ съ силою, которая опредѣляется ихъ массою и разстояніемъ; когда, благодаря этой гипотезѣ, видимое движеніе міра дѣлается яснымъ и простымъ, понятнымъ даже для ребенка, межъ тѣмъ какъ безъ нея какъ великія, такъ и малыя передвиженія матеріи взорамъ самаго мощнаго генія представлялись бы только безысходнымъ хаосомъ; когда, наконецъ, эта гипотеза, наполняя своимъ яркимъ свѣтомъ все то, что мы видимъ, позволяетъ нашей мысли опережать наше зрѣніе, предсказывать возвращеніе извѣстнаго рода свѣтилъ въ точно-опредѣленные сроки, даже болѣе, открывать свѣтила, не видя ихъ, на основаніи одного вліянія ихъ на ходъ своихъ сосѣдей, принимать это вліяніе даже за основаніе нашихъ вычисленій и описаній массы, тяжести и скорости этихъ невидимыхъ еще небесныхъ странниковъ, ожидая неизбѣжнаго часа, когда они появятся наконецъ, чтобы оправдать насъ; когда доказательства, такимъ образомъ, постоянно и вездѣ на нашихъ глазахъ, когда истина бросаетъ, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ свои лучи, то развѣ возможно, чтобы умъ человѣческій отказался принять вѣроятность, доходящую почти до степени несомнѣнности, и не согласился съ самимъ собою, справедливо гордясь, что охватилъ своимъ пониманіемъ и постигъ одну изъ главныхъ пружинъ и одинъ изъ высшихъ зако-

новъ этой обширной вселенной? Вотъ о какомъ родѣ очевидности для христіанской религіи мечталъ съ трогательнымъ честолюбіемъ Паскаль; вотъ степень убѣжденія, до которой его горячая любовь къ людямъ желала насъ довести.

Итакъ, въ вопросахъ вѣры онъ поступаетъ въ родѣ того, какъ имѣлъ привычку поступать Сократъ въ вопросахъ философіи: онъ какъ бы сводитъ теологію на землю и хочетъ положить въ прочномъ фундаментѣ ея факты, констатированные въ самой природѣ человѣка. А если разъ допустить эти факты, если христіанство всѣ ихъ можетъ объяснить, то какъ же христіанская религія, ставшая такимъ образомъ ключомъ къ нравственному міру, послѣднимъ словомъ человѣческой природы, будетъ не истинной религіей? „Чтобы выполнить этотъ планъ“, говоритъ Этьень Перье, передавая разговоръ, въ которомъ Паскаль излагалъ друзьямъ планъ своего труда, „онъ началъ съ изображенія человѣка и не забылъ ничего такого, что могло бы ознакомить съ человѣкомъ, внѣ или внутри его, вплоть до самыхъ тайныхъ движеній его сердца“. Вотъ какъ Паскаль по необходимости сдѣлался моралистомъ. Ему нужно хорошо обрисовать человѣка, чтобы доказать намъ, что человѣкъ есть загадка, совершенно необъяснимая и неразрѣшимая никакой другой гипотезой, кромѣ истинности христіанской религіи. Чѣмъ болѣе странна, значитъ, природа человѣка, чѣмъ болѣе полна противорѣчій и непостижима съ помощью одного разума, тѣмъ очевиднѣе и выше та истина, которая одна только можетъ объяснить ее. Чѣмъ глубже мракъ, тѣмъ живѣе и благотворнѣе покажется намъ смѣняющій его свѣтъ. Паскаль хотѣлъ сначала привести насъ въ смущеніе видомъ противорѣчій нашей природы и нашимъ безсиліемъ примирить ихъ въ такой теоріи, объясняющей человѣка и міръ, которая была бы пріятна нашему разуму. Такой именно смыслъ и имѣютъ упорныя усилія Паскаля запереть насъ въ этотъ лабиринтъ и навести насъ на христіанство, какъ на единственный выходъ, который остается для нашего отчаянія, въ ожиданіи, что мы примемъ его съ радостью, какъ свѣтлую дорогу, открытую для нашей надежды; это тотъ непоколебимый методъ, который позднѣе осуждалъ со всею горячностью юности Вовенаргъ. „Нѣтъ вовсе противорѣчій

въ природѣ", восклицалъ онъ, „мнимые философы усиливаются привлечь къ себѣ вниманіе людей, указывая имъ въ нашемъ духѣ на противорѣчія и трудности, созданныя ими же самими. Кто запутывалъ такимъ образомъ вещи, чтобы потомъ приписать себѣ заслугу распутыванія, тотъ шарлатанъ въ морали". Вовенаргъ проникнутъ былъ духомъ XVIII в.; онъ не зналъ, до какой степени Паскаль былъ искрененъ, съ какимъ волненіемъ онъ разсматривалъ самъ себя, какъ неразрѣшимую загадку, какъ проблему, которую можно рѣшить только признаніемъ истинности религіи.

Послѣдуемъ за Паскалемъ въ его захватывающемъ и плѣнительномъ изложеніи противорѣчій человѣческой природы и посмотримъ, какъ онъ заставляетъ насъ чистосердечно удивляться самимъ себѣ. Первыми признаками необычайнаго нашего ослѣпленія служитъ въ глазахъ Паскаля индифферентность огромнаго числа людей къ самымъ грознымъ вопросамъ, легкое отношеніе къ жизни и непредусмотрительность къ смерти, даже когда мы въ двухъ шагахъ отъ нея и не имѣемъ никакого иного оплота противъ грозящаго намъ уничтоженія или гнѣва оскорбленнаго Божества, кромѣ этого, столь непрочнаго обладанія жизнью. Не есть ли это такое состояніе духа, которое противорѣчитъ здравому смыслу и необъяснимо съ помощью одного разума? Какъ же это иные люди гордятся этимъ незнаніемъ будущаго, гордятся этою самою индифферентностью, бравируютъ передъ Богомъ, который все-таки можетъ же существовать, какъ для тѣхъ, которые не заботятся вовсе познать Его или даже хулятъ Его, такъ для и тѣхъ, кто созерцаетъ и почитаетъ Его? Есть ли состояніе болѣе жалкое, какъ сомнѣваться, не ища выхода изъ сомнѣнія, и гордиться своимъ сомнѣніемъ? Но „человѣкъ такъ исказилъ свою природу, что въ его сердцѣ есть даже сѣмя радости по этому поводу". Онъ предпочитаетъ вовсе не заботиться объ этой великой задачѣ и, чтобы избѣжать случая видѣть самого себя воочію, онъ придумалъ развлекать себя. Игры, охота, честолюбіе, политика—все это развлеченія. Духовная нищета человѣка положила основаніе всему этому, но все это не избавило отъ нищеты.

Кромѣ того, увлеченіе даже самымъ важнымъ изъ на-

шихъ интересовъ не что иное, какъ одна изъ одолѣвающихъ насъ иллюзій. Все вокругъ насъ ложь, пустая внѣшность, плохо скрывающая дѣйствительные недостатки, все—лицемѣрная условность, или, какъ энергично выражается Паскаль, *властвующій обманъ*. За недостаткомъ истинныхъ познаній и истинной правды, знаніе и справедливость инстинктивно ищутъ пышной внѣшности и поражаютъ воображеніе человѣка; весь міровой строй покоится на взаимныхъ обманахъ, вошедшихъ въ привычку. „Человѣкъ не что иное, какъ притворство, ложь и лицемѣріе, въ отношеніи къ самому себѣ и въ отношеніи къ другимъ. Онъ не хочетъ, чтобы ему говорили истину, онъ избѣгаетъ и самъ говорить ее другимъ; всѣ эти склонности, столь уклонившіяся отъ справедливости и разумности, имѣютъ естественный корень въ его сердцѣ“. И далѣе, какъ повѣрить, что мы въ состояніи достигнуть истины, когда мы привязаны или скорѣе затеряны въ небольшомъ углу этой земли, когда видимый міръ не что иное, какъ одна черта на „обширномъ лонѣ природы?“ Вися между двумя пропастями безконечности и ничтожества, не будучи въ состояніи обнять ни безконечно великаго, ни безконечно малаго, человѣкъ, благодаря этой самой *несоизмѣримости*, стоитъ далеко отъ дѣйствительности. Знаетъ ли онъ немного больше или немного меньше, беретъ ли онъ вещи скорѣе сверху или скорѣе снизу, онъ, все равно, всегда безконечно далекъ отъ конца и начала вещей; конецъ и начало одинаково ускользаютъ отъ него, онъ постоянно въ обманѣ.

Между тѣмъ, это естественное для насъ состояніе находится въ противорѣчіи съ нашей истинной наклонностью. Мы стремимся знать и притомъ знать достовѣрно. „Мы горимъ желаніемъ найти прочную кладку и самый твердый базисъ, чтобы построить на немъ башню, которая возвышалась бы въ безконечность; но весь нашъ фундаментъ рушится и земля зіяетъ пропастью“. Безсиліе познать и потребность знать—это еще только одна сторона нашего величія и нашей ничтожности. Паскаль открываетъ много и другихъ сторонъ въ этомъ вѣчномъ конфликтѣ, который онъ хочетъ показать намъ въ насъ самихъ. Имѣть величіе значитъ, въ концѣ концовъ, чувствовать себя жалкимъ; раз-

рушенный домъ, срубленное дерево не чувствуютъ себя жалкими. Мы жалки, какъ властелинъ, какъ король, лишенный владѣній. Мы жалки до послѣдней степени, но въ насъ все-таки живъ инстинктъ, насъ возвышающій. „Человѣкъ—это лишь тростникъ, и при томъ очень слабый отъ природы, но этотъ тростникъ мыслитъ“... Не хочется прерывать, хотѣлось бы привести цѣликомъ тѣ приковывающія вниманіе страницы, гдѣ Паскаль говоритъ о величіи и ничтожествѣ человѣка. Онъ самъ резюмировалъ, такъ сказать, свою мысль слѣдующими словами: „Если онъ хвалится, я его унижаю; если онъ унижаетъ себя, я его восхваляю; я противорѣчу ему постоянно, до тѣхъ поръ, пока онъ не пойметъ, что онъ непостижимое чудовище“.

Итакъ, вопросъ поставленъ, обнаружено противорѣчіе человѣческой природы: что скажутъ на это философы? Они видятъ только одну или другую сторону; они попадаютъ, увлекая насъ съ собой, то въ одну, то въ другую крайность. „Одни“, говоритъ Паскаль, „рѣшили отречься отъ страстей и стать богами, другіе—отречься отъ разума и стать скотомъ“. Но добродѣтель стоиковъ это только „лихорадочное движеніе, которому не можетъ подражать здоровый“. Что касается другихъ, тѣхъ, которые предлагаютъ намъ искать счастья въ развлеченіяхъ, то они насъ обманываютъ: „болѣзни неизбѣжны“. Та же война между скептиками и догматиками, и съ обѣихъ сторонъ та же ошибка. „Мы испытываемъ подчасъ безсиліе доказать, непреодолимое ни для какого догматизма; мы носимъ въ себѣ идею истины, непреодолимую ни для какого пирронизма“. Гдѣ же выходъ и кто, наконецъ, намъ скажетъ, что̀ мы такое?

Вотъ тутъ-то Паскаль и торжествуетъ: „Какую, значитъ, химеру представляетъ человѣкъ“, восклицаетъ онъ, „какую рѣдкость, какое чудовище, какой хаосъ, какой предметъ противорѣчій, какое диво! Это судья всѣхъ вещей, глупый червь земляной, хранитель истины, клоака неизвѣстности и ошибокъ, слава и отбросокъ вселенной“. Но это самое опредѣленіе и есть то, которое даетъ намъ христіанская религія, представляя человѣка падшимъ вслѣдствіе первороднаго грѣха и все-таки сохраняющимъ въ себѣ неизгладимые слѣды своего славнаго происхожденія. Вотъ къ чему Паскаль

хотѣлъ прійти, вотъ къ какой цѣли стремился весь его трудъ. Онъ хотѣлъ, чтобы изъ нашего собственнаго самонаблюденія, помимо всякаго религіознаго вѣрованія, вышло такое изображеніе человѣка, какимъ можетъ признать его одно христіанство, которое вполнѣ бы согласовалось съ ученіемъ христіанства, и притомъ съ нимъ однимъ, которое, наконецъ, могла бы объяснить и оправдать лишь тайна грѣхопаденія. Эта тайна и "распутаетъ эту запутанность человѣческой природы". Если бы человѣкъ никогда не былъ испорченъ, то онъ обладалъ бы невинностью, счастіемъ и истиной. Если бы онъ всегда былъ испорченнымъ, то онъ не имѣлъ бы никакого понятія объ истинѣ и красотѣ. Но онъ уклонился отъ совершенства, — отсюда это удивительное смѣшеніе инстинктивнаго величія и дѣйствительной ничтожности. Тайна грѣхопаденія, т.-е. идея наслѣдственнаго грѣха, наказуемаго преемственно отъ отца къ сыну, „жестоко задѣваетъ" наше жалкое понятіе о справедливости, „между тѣмъ въ этой тайнѣ, самой непостижимой изъ всѣхъ, мы непостижимы для самихъ себя. Узелъ нашего существованія завязанъ на днѣ этой пропасти, такъ что человѣкъ еще болѣе непонятенъ безъ этой тайны, чѣмъ эта тайна непонятна человѣку".

Если кто здѣсь скажетъ съ улыбкой: „Только-то? это и есть рѣшеніе грознаго искателя, который такъ гордо отвергалъ всѣ другія рѣшенія и котораго, по-видимому, такъ трудно было удовлетворить!"—если кто скажетъ такъ, тотъ несправедливъ къ Паскалю, тотъ не совсѣмъ понялъ замѣчательныя усилія этого великаго и искренняго ума. Прежде всего нужно сознаться, что это точное соотвѣтствіе между истинною природою человѣка и тайною грѣхопаденія имѣетъ свое значеніе и всѣ права на обсужденіе, если только оно ясно установлено. Паскаль восклицаетъ: „Чтобы быть истинною, религія должна понять нашу природу, наше величіе и ничтожество и объяснить то и другое; а какая религія сдѣлала это, кромѣ христіанской? Никакая другая не поняла, что человѣкъ есть самое превосходное твореніе; никакая другая не научила питать отвращеніе къ самому себѣ...",— когда Паскаль выражаетъ подобныя мысли, развивая ихъ на свой манеръ, то нужно быть или очень упорнымъ или вполь-

нѣ слѣпымъ, чтобы нисколько не тронуться и не сказать вслѣдъ за нимъ: Дѣйствительно, есть странное совпаденіе между объясненіями, предлагаемыми христіанствомъ, и природой человѣка. Далѣе, Паскаль, который далекъ, насколько можно, отъ всякаго притворства и не имѣетъ ни малѣйшей склонности преувеличивать силу своихъ доводовъ или твердость своего собственнаго вѣрованія, нисколько и не заявляетъ претензіи, чтобы тайна грѣхопаденія была яснымъ рѣшеніемъ задачи, которое онъ далъ и къ которому принудилъ насъ прибѣгнуть. Онъ настаивалъ только на томъ, что, если мы принимаемъ это рѣшеніе, то оно объясняетъ вопросъ, что задача не можетъ быть рѣшена никакимъ другимъ путемъ и что, слѣдовательно, умъ нашъ долженъ принять это рѣшеніе даже и тогда, когда онъ попытался бы избѣжать его. Онъ признается въ то же время, что это рѣшеніе темно, даже болѣе, — что оно является „безуміемъ передъ людьми“; онъ выдаетъ его за таковое именно, и мы не можемъ сказать, что онъ хочетъ обмануть насъ. Этотъ толкователь христіанской религіи каждую минуту съ полною чистосердечностью признаетъ таинственность грѣхопаденія, тѣмъ болѣе что въ самой этой таинственности онъ видитъ новое доказательство того, во что онъ хочетъ заставить насъ увѣровать. Дѣйствительно, въ нашей душѣ затемнилось до послѣдняго слѣда сознаніе грѣхопаденія, оно почти невидимо для нашихъ собственныхъ глазъ, если только не откроетъ ихъ благодать. Мы не сознаемъ себя падшими, мы не сознаемъ себя спасенными и, слѣдовательно, не можемъ спастись, если благодать, которая пребываетъ, гдѣ хочетъ, не сдѣлаетъ нашъ духъ или, скорѣе, наше сердце доступнымъ для этихъ великихъ тайнъ. Эта темнота религіи для насъ служитъ, значитъ, просто признакомъ того, что благодать еще не осѣнила насъ. Такъ понималъ это Паскаль, желая, чтобы и мы такъ же понимали его. Сомнѣваться или быть искушаемымъ — было для него одно и то же: сомнѣніе дѣлалось, такимъ образомъ, двойной мукой для этой тревожной души.

Если, однако, религія не темна только для избранныхъ душъ, хотя она одна лишь можетъ объяснить человѣческую природу, если, выдавая тайну за рѣшеніе задачи, Паскаль

сознается, что ему, можетъ-быть, вовсе не удалось убѣдить насъ, то не испытываетъ ли онъ другихъ средствъ убѣжденія? или онъ такъ и оставляетъ насъ, пока мы не получимъ помощи съ неба? Нѣтъ, онъ не покинетъ насъ такъ скоро; если онъ дастъ намъ отдохнуть, то для того только, чтобы въ слѣдующую минуту сильнѣе на насъ напасть и одолѣть насъ. Онъ показалъ намъ, что христіанская вѣра одна только способна удовлетворить наше разумѣніе; теперь онъ докажетъ, что подчиненіе христіанской вѣрѣ — единственный выборъ, который мы можемъ сдѣлать, если хотимъ соображаться съ нашими интересами, и эти страницы, извѣстныя прежде только въ искаженномъ и переиначенномъ видѣ, принадлежатъ, можетъ-быть, къ самымъ увлекательнымъ во всемъ этомъ замѣчательномъ произведеніи.

III.

Расчетъ Паскаля, пріобрѣтшій такую извѣстность, имѣющій цѣлью заставить насъ, во имя самаго очевиднаго нашего интереса, держать пари, что Богъ существуетъ — понимая подъ этимъ словомъ всю христіанскую религію съ ея тайнами и ученіемъ, — основанъ на двухъ пунктахъ, которые, дѣйствительно, разъ ихъ допустить, дѣлаютъ этотъ расчетъ непоколебимымъ: первый пунктъ состоитъ въ томъ, что религія полна неизвѣстности, и что мы неспособны постигнуть истину въ вопросѣ о религіи съ помощью природнаго разумѣнія, какъ постигаемъ ее въ другихъ вопросахъ; второй, — что мы не можемъ все-таки уклониться отъ принятія того или другого рѣшенія, потому что, если Богъ и христіанство истинны и мы откажемся ихъ признать, то подвергнемся послѣ смерти божественному гнѣву; выходитъ, что не принять пари значитъ стать на противную сторону, что намъ остается только одинъ выборъ — держать пари, что Богъ существуетъ, или держать пари, что Онъ не существуетъ.

Примемъ ли этотъ отрывокъ за настоящій діалогъ, какъ иные утверждаютъ, такъ что невѣрующій представляется ведущимъ бесѣду съ Паскалемъ, или, скорѣе, будемъ видѣть въ немъ бесѣду писателя съ самимъ собою, при чемъ онъ одновременно ставитъ возраженія и даетъ отвѣты, — во всякомъ случаѣ, Паскаль съ самаго начала этой бесѣды согла-

шается безъ колебаній, что Богъ и религія недоступна усиліямъ одного нашего ума. „Богъ, не имѣя ни частей, ни границъ, не имѣетъ никакого соотношенія съ нами. Мы неспособны постичь умомъ ни того, что̀ такое Онъ, ни того, есть ли Онъ“. Что касается религіи, то, хотя ея скрытое содержаніе немного и можно видѣть изъ Св. Писанія и пр., сами христіане признаютъ, что они не въ состояніи все въ ней объяснить. Они объявляютъ, излагая миру ученіе религіи, что оно „глупость“, съ точки зрѣнія разума. Между тѣмъ, они — правы или не правы; Богъ есть или Его нѣтъ. Разсужденіе ничего тутъ не можетъ рѣшить: „Насъ раздѣляетъ безконечный хаосъ. Приходится биться объ закладъ о конечномъ предѣлѣ этого безконечнаго пространства: тамъ, на этомъ предѣлѣ только, выпадетъ орелъ или рѣшетка. За что держите вы пари? Разумъ совѣтуетъ,—и Паскаль признаетъ это,—не держать пари ни за, ни противъ, потому что никакъ невозможно предвидѣть, выиграешь или проиграешь; но держать пари все-таки нужно: „Это уже не въ вашей волѣ, вы уже впутались въ дѣло“. На какую же сторону стать? Разъ шансы равны, такъ какъ возможенъ одинъ выборъ, т.-е. Богъ есть или Его нѣтъ, то вѣроятность выигрыша и проигрыша одинакова, и мы не находимъ никакого повода уклониться въ одну или другую сторону. Но въ чемъ заключается этотъ выигрышъ и въ чемъ проигрышъ? другими словами: какія приходится сдѣлать ставки?

Сузивши такимъ образомъ рамки вопроса и поставивши интересъ, изъ-за котораго держится пари за или противъ, въ зависимость отъ относительной величины ставокъ, Паскаль легко добивается цѣли и заставляетъ насъ, въ силу самаго простого расчета, держать пари за утвердительный отвѣтъ. Какую, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы поставить ставку? Мы должны пожертвовать всею своею жизнью—принять обязательство повиноваться требованіямъ христіанства, если только это обязательство можно назвать жертвой. Вотъ чѣмъ мы рискуемъ, держа пари, что Богъ есть, такъ какъ, если Бога нѣтъ, то мы не будемъ вознаграждены за эту жертву, и наша ставка пропадетъ. Но если Богъ есть, взамѣнъ жалкой ставки, которою мы рискуемъ, мы выиграемъ безсмертіе и блаженство, т.-е. безконечность безконечно счастли-

вой жизни; итакъ мы рискуемъ конечнымъ (къ тому же, какъ печально это конечное!) для безконечнаго, иначе говоря, мы держимъ такое пари, какое насъ заставилъ бы держать даже самый узкій, самый низкій, самый пошлый расчетъ. Съ другой стороны, если бы мы держали пари, что Богъ не существуетъ, или,—что̀ сводится къ тому же,—если бы мы отказались держать пари, а Богъ существуетъ, то мы, правда, сберегли бы и промотали бы по своей прихоти свою жалкую ставку, но зато мы потеряли бы неоцѣнимый выигрышъ, предложенный намъ; даже болѣе, мы искупили бы свой грубый расчетъ или свой отказъ сдѣлать расчетъ вѣчными наказаніями, потому что „Богъ“ означаетъ здѣсь все христіанство, а слѣдовательно, означаетъ и дѣйствительность страданій, которыя грозятъ на томъ свѣтѣ невѣрующимъ.

Положимъ, нужно держать пари, потому что къ этому принуждаетъ необходимость, и при томъ держать пари за дѣйствительность Бога и религіи, потому что этого требуетъ нашъ интересъ; но вѣдь для этого можетъ и самой доброй воли не хватить: вѣра не есть актъ чистой воли; бываетъ такъ, что иной не въ состояніи вѣрить. Извѣстно, что̀ сказалъ на это Паскаль. Онъ съ удивительнымъ чистосердечіемъ, которое будетъ вѣчной прелестью его произведенія, ставитъ самого себя въ примѣръ; онъ испыталъ это; онъ знаетъ эту дорогу; нужно поступать такъ, какъ будто мы вѣровали: посѣщать богослуженія, исполнять требованія и обряды церкви, нужно *поглупѣть*, т.-е., какъ это видно изъ мыслей Паскаля, наложить молчаніе на опасныя тонкости разума и склониться подъ постоянно возрастающимъ бременемъ привычки. „Привычка это наша природа“, говоритъ онъ: „кто пріучаетъ себя къ вѣрѣ, тотъ вѣритъ и не можетъ уже не бояться ада“. Итакъ, вѣра придетъ сама собою, по привычкѣ,—неговоря уже о благодати: и человѣкъ тотчасъ пойметъ, что то конечное, которымъ онъ рисковалъ, ничто въ сравненіи съ безконечнымъ; мало того, онъ пойметъ, что изъ этой жизни нельзя сдѣлать лучшаго употребленія, какъ поставить ее на ставку, что ее нельзя лучше устроить даже съ точки зрѣнія земного счастія, тѣмъ болѣе, что моментъ жизни, которымъ человѣкъ рискнетъ

для вѣчнаго блаженства, вмѣсто того, чтобы посвятить его удовольствію, почти мимолетенъ. „Что вы мнѣ обѣщаете помимо печалей? вѣдь только лѣтъ десять безуспѣшныхъ попытокъ угодить самолюбію?“ Десять лѣтъ жизни или около того — вотъ и вся ставка.

Таково содержаніе той чудной главы, которой Паскаль, отличающійся такимъ умѣньемъ выразить мысль однимъ словомъ, одной чертой, далъ въ своихъ замѣткахъ названіе: „*Безконечное, ничто*“, желая этимъ сказать, что тутъ ставится въ закладъ „ничто“ за „безконечность“, т.-е. человѣческая жизнь за вѣчность. Онъ могъ бы обнять все и другимъ оглавленіемъ, которое точно резюмируетъ эти чудныя страницы: „*Средства достигнуть вѣры: разумъ, привычка, вдохновеніе*“, если подъ разумомъ понимать ясный практическій расчетъ, основанный на разумѣ, который принуждаетъ насъ держать пари, что Богъ существуетъ и христіанская религія истинна, а подъ привычкой—тѣ испытанные имъ практическіе пріемы, которые онъ рекомендуетъ, чтобы направить по должному пути человѣческую природу, заставить ее принять тотъ складъ, котораго она не могла бы потомъ измѣнить,—чтобы вызвать вѣру, идя впереди ея; наконецъ, подъ вдохновеніемъ нужно понимать помощь свыше, благодать, которая увѣнчаетъ, если это угодно Богу, наши великія усилія, которая одна только и можетъ сдѣлать истиннымъ христіаниномъ человѣка, побужденнаго сначала однимъ практическимъ интересомъ итти къ религіи, заставляющей отказываться отъ всѣхъ личныхъ интересовъ.

Итакъ, вотъ основные пункты апологіи или, скорѣе, доказательства, на которомъ Паскаль задумалъ утвердить истинность христіанства, выставивъ тѣ главные мотивы, которые побуждаютъ насъ вѣрить. Оставляя на первыхъ порахъ въ сторонѣ, не безъ нѣкотораго пренебреженія, обычные способы приведенія насъ къ вѣрѣ, какъ напр., доказательство бытія Божія созерцаніемъ устройства вселенной или чисто метафизическими доводами или подтвержденіе истинности религіи древностью и всеобщностью вѣрованій, избѣгая избитыхъ путей и идя прямо къ сердцу человѣка, онъ такъ изображаетъ послѣдняго, что дѣлаетъ иначе не объяснимымъ положеніе его въ этомъ мірѣ, какъ съ помощью

тайнъ грѣхопаденія и наслѣдственности первороднаго грѣха; а чтобы сдѣлать эти тайны основами религіи, ему не было нужды быть янсенистомъ, ему достаточно было быть христіаниномъ. Потомъ, допуская, что этотъ родъ доказательства можетъ не оказать дѣйствія на человѣческій разумъ, окутанный, какъ онъ самъ это описалъ, густою тьмою, которую прорѣзываютъ только нѣсколько лучей свѣта, онъ, помимо своихъ собственныхъ усилій, ставитъ нашу тревожную душу лицомъ къ лицу передъ тѣмъ неизвѣданнымъ пространствомъ, въ которое готова насъ кинуть смерть, и повелительно требуетъ отъ насъ выбора между легко переносимымъ подчиненіемъ вѣрѣ и ужасами вѣчныхъ мученій. Итакъ, вотъ два основанія для вѣры, которыя Паскаль—по крайней мѣрѣ, въ томъ, что отъ него дошло до насъ—предложилъ уму и сердцу человѣка. Они имѣютъ свою силу; но нужно ли прибавлять, что они не совсѣмъ неотразимы, что трудъ Паскаля, даже если бы онъ былъ окончательно отдѣланъ и даже если бы міръ управлялся логикой, не былъ бы способенъ изгнать изъ міра невѣріе?

Мы не говоримъ, что методъ, которому Паскаль рѣшилъ слѣдовать, устанавливая между нравственнымъ состояніемъ человѣка и тайной грѣхопаденія столь же необходимое соотношеніе, какъ между слѣдствіемъ и причиной,—что этотъ методъ не могъ бы привести къ несомнѣнности; но онъ приводитъ къ такому концу только тогда, когда его прилагаютъ къ предметамъ, которые человѣческій разумъ способенъ понять несомнѣнно, съ полной достовѣрностью. Когда, напр., кто-нибудь, показывая намъ банковый билетъ, заявляетъ, что билетъ этотъ отрѣзанъ изъ такой-то книги и что между обрѣзомъ оставшагося въ книгѣ листа и обрѣзомъ билета существуетъ точное соотвѣтствіе, и въ доказательство приставляетъ одинъ край къ другому, такъ что дѣйствительно обрѣзъ листа въ книгѣ совпадаетъ и точно дополняетъ обрѣзъ билета, то мы имѣемъ на лицо полное доказательство, которое убѣждаетъ насъ съ высшею степенью достовѣрности, на какую только можетъ человѣкъ претендовать. Точно также, когда геологъ показываетъ, что двѣ горы, всѣ выемки и выступы которыхъ настолько соотвѣтствуютъ, по-видимому, другъ другу, что выходящіе углы

одной горы могутъ наполнить входящіе углы другой, нѣкогда были соединены вмѣстѣ и потомъ какою-то силою были раздѣлены, то онъ даетъ намъ фактъ, который, если и не можетъ быть доказанъ съ такою очевидностью, какъ предыдущій, все-таки настолько вѣроятенъ, что близокъ къ достовѣрности. Наконецъ, если какая-нибудь научная гипотеза, въ родѣ закона всеобщаго тяготѣнія, не можетъ быть постигнута осязаніемъ и должна быть принята, какъ необходимое умозаключеніе, она все-таки имѣетъ то преимущество, что объясняетъ намъ факты матеріальные и очевидные, и при томъ столь многочисленные, что никому не придетъ въ голову оспаривать ихъ; и хотя бы эти факты можно было объяснять иначе, она ихъ объясняетъ такимъ простымъ образомъ, который ни въ чемъ не можетъ стать въ разрѣзъ съ человѣческимъ умомъ; она не ведетъ за собой никакого противорѣчія, не нарушаетъ ни одного изъ тѣхъ первичныхъ понятій, которыя составляютъ, такъ сказать, основы нашего разумѣнія.

Паскаль, уже въ силу того, что онъ христіанинъ и понимаетъ христіанство, не можетъ приписать и дѣйствительно не приписываетъ подобнаго значенія тайнѣ грѣхопаденія, выставленной имъ, какъ объясненіе нравственнаго міра. Эту тайну нельзя видѣть тѣлесными очами, какъ мы видимъ листъ, отъ котораго оторванъ банковый билетъ, или совпаденіе выступовъ и выемокъ горы; ее можно только представить въ умѣ; а вмѣсто того, чтобы съ готовностью принять ее, какъ напр., принимаемъ гипотезу всеобщаго тяготѣнія, умъ человѣческій, предоставленный самому себѣ, тотчасъ отвергаетъ эту наслѣдственность грѣха и преемственность наказанія, какъ несовмѣстимыя съ его собственными понятіями о справедливости и какъ еще болѣе непримиримыя съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ дерзаетъ имѣть о Божественной справедливости. Паскаль самъ заявляетъ, что эта тайна сильно задѣваетъ своимъ противорѣчіемъ разумъ; а чтобы обязать разумъ подчиняться, для этого не достаточно повторять, что задача нравственнаго состоянія человѣка можетъ быть объяснена только этой тайной. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ имѣетъ не одинъ исходъ, чтобы ускользнуть отъ заключенія, выведеннаго Паскалемъ. Можно ска-

зать, что эта задача имѣетъ и какое-нибудь другое рѣшеніе, котораго Паскаль не замѣтилъ: допуская даже вслѣдъ за Паскалемъ, что подобное лучшее рѣшеніе никому неизвѣстно, все-таки приходится сказать, что отсутствіе хорошаго рѣшенія не должно необходимо заставить насъ принять худшее. Кромѣ того, можно оспаривать основанія задачи, можно сказать, какъ это сдѣлалъ Вовенаргъ, что она невѣрно поставлена, что природа человѣка вовсе не такова, какою ее изображаетъ Паскаль, потому что подробности человѣческаго сердца менѣе доступны наблюденію и менѣе ярко поражаютъ взоръ, чѣмъ обрѣзъ бумаги, выемки горы или передвиженіе небесныхъ свѣтилъ. Итакъ, ни изложеніе задачи, ни рѣшеніе, данное Паскалемъ, не уничтожаютъ всякаго повода къ сомнѣнію; все это, вмѣстѣ съ другими вопросами, можетъ быть вовлечено въ потокъ человѣческихъ размышленій и разсужденій.

Что касается пари и рѣшительной необходимости держать его, поставленной въ основу тонкой аргументаціи Паскаля, то эта необходимость существуетъ только для того, кто сомнѣвается въ истинности христіанской религіи и въ реальности ада, а не для того, кто абсолютно отрицаетъ то и другое, потому что для ума, настроеннаго подобнымъ образомъ, не существуетъ альтернативы, въ которую заключаетъ насъ Паскаль, шансы выигрыша, составляющіе необходимый элементъ заклада, исчезаютъ, и какъ бы ни коротка была жизнь, все-таки нѣтъ резона ставить ее на ставку за ничто. Правда, что цѣлый трудъ Паскаля имѣетъ цѣлью доказать намъ, что мы одинаково неспособны ни утверждать, ни отрицать что-либо; правда, что Паскаль искусно старается поставить насъ въ такое состояніе всеобъемлющаго сомнѣнія, при которомъ предложеніе пари становится разумнымъ. Но можно и не быть въ такомъ состояніи, можно сомнѣваться во многомъ и въ то же время нѣкоторыя вещи вполнѣ отрицать, и, лишь только адъ окажется въ числѣ послѣднихъ, аргументація Паскаля тотчасъ перестаетъ убѣждать. Итакъ, необходимость держать пари оказывается, если держаться Паскаля, нисколько не болѣе неизбѣжной, чѣмъ рѣшеніе задачи нравственной жизни, и можно прочитать всю его безсмертную книгу и все-таки не найти секре-

та, который долженъ бы покончить всѣ наши сомнѣнія. На этихъ краснорѣчивыхъ страницахъ есть чѣмъ привести въ замѣшательство умъ, но нечѣмъ его покорить. Но зато тутъ есть чѣмъ тронуть его. Если Паскаль не достигъ намѣченной цѣли, которая, можетъ-быть, и недостижима, зато онъ оставилъ на своемъ пути неизгладимые слѣды, передъ которыми всегда будетъ возобновляться удивленіе человѣка. Не одинъ онъ хотѣлъ остановить наше вниманіе на непрочности нашихъ привязанностей и на суетности нашихъ стремленій. Монтэнь, напр., еще до него осмѣивалъ наше знаніе, нашу справедливость, наши честолюбивыя занятія, нашу дѣловую жизнь, наше высокое мнѣніе о самихъ себѣ. Но онъ это дѣлалъ для собственнаго удовольствія и безъ особой цѣли. Паскаль же, тронутый аргументами Монтэня больше, чѣмъ самъ Монтэнь, дѣлалъ это съ такою болью, съ такимъ желаніемъ насъ убѣдить, что его удары, менѣе многочисленные, но зато сильнѣе поражающіе, всѣ доходятъ до самаго сердца. А когда среди этого, часто гордаго и строгаго, краснорѣчія пробивается наружу смягченный языкъ христіанина, какъ глубоко и живо онъ трогаетъ душу! „Іисусъ Христосъ“, говоритъ онъ, „Божество, къ которому приближаются безъ гордости и передъ которымъ унижаются безъ отчаянія“. Это глубокое смиреніе и дало его языку такую грусть и прелесть, которыя способны вызвать новое эхо во всѣхъ душахъ.

Наконецъ, если Паскаль не вездѣ правъ, онъ все-таки часто очень правъ; онъ трогаетъ все способное чувствовать и мыслить въ родѣ человѣческомъ, когда съ несравненнымъ краснорѣчіемъ распространяется о безполезности нашихъ развлеченій и о таинственномъ, но несомнѣнномъ законѣ, который соединилъ въ нашемъ смертномъ существованіи неутомимую жажду счастья съ невозможностью достичь его. Есть возрастъ, въ которомъ человѣкъ не достаточно чувствуетъ, что Паскаль правъ, но есть возрастъ, въ которомъ онъ чувствуетъ, что Паскаль слишкомъ правъ. Но даже и тогда природа беретъ свое и насмѣхается надъ нами, подстрекая насъ постоянно надѣяться, вопреки всякой надеждѣ. „Если то-то со мною случилось бы, я былъ бы счастливъ“,— вотъ слова, которыя до смерти твердятъ уста и сердце че-

ловѣка; но, произнося ихъ, мы поддаемся той самой иллюзіи, въ которой Лукрецій упрекаетъ людей, которые черезъ мѣру озабочены, какъ бы не быть лишенными погребенія. „Вы, сами того не замѣчая“, говоритъ жестокій поэтъ, „воображаете себя стоящими около вашего трупа и съ печалью смотрящими, какъ его растерзали птицы и звѣри“:

„Иной еще живъ, а только представитъ себѣ,
Какъ будутъ по смерти трупъ его птицы и звѣри терзать,
И жаль ему станетъ себя, не въ силахъ себя онъ спасти,
Не въ силахъ отъ трупа себя отдѣлить; стоитъ онъ безсильно
И съ болью сердечною видитъ, какъ оскверняютъ его“.

Точно также и мы въ своихъ мечтахъ о счастьѣ всегда воображаемъ себя такими, что будто мы уже обладаемъ тѣмъ, чего желали; но если съ нами случается это неожиданное благо, если даже оно какимъ-нибудь чудомъ окажется тѣмъ самымъ, о которомъ мы мечтали, то малѣйшее измѣненіе нашего существа, неуловимая перемѣна въ пружинахъ нашего тѣла или нашей души мѣшаютъ намъ наслаждаться имъ, и мы тогда говоримъ: „только-то?“ Если же, сверхъ ожиданія, мы примемъ это счастье отъ всего сердца, если мы охватимъ его всѣми своими силами, то это увлеченіе продолжается вѣдь не больше минуты; не успѣетъ наше сердце забиться, какъ уже все кончилось или помрачилось:

„Surgit amori aliquid quod in ipsis floribus angat...“*)

Паскаль говоритъ правду: все, что только есть подъ солнцемъ, оказывается жалкимъ и несовершеннымъ; онъ самъ служитъ тому доказательствомъ. Какъ несовершенна матерія, какую жалкую она ведетъ борьбу съ духомъ! Какъ скоро изнашивается и какъ часто болѣетъ это тѣло, заключающее въ себѣ такой источникъ свѣта, помрачающее его и наконецъ погашающее! А какую удивительную смѣсь величія и ничтожества, правды и химеръ, проницательности и грезъ представляетъ этотъ самый духъ! Какія терзанія сердца получаются въ обмѣнъ за нѣсколько чистыхъ радостей, испытываемыхъ мыслью! Плодъ, съѣденный червемъ, поле битвы, покрытое трупами, дитя, умирающее среди болѣзней, свободный народъ, впадающій въ рабство, не представляютъ

*) Есть въ любви нѣчто такое, что даже среди цвѣтовъ тревожитъ насъ.

такой печальной задачи для нашей любознательности и не заявляютъ себя такъ громко, какъ наша жизнь заявляетъ о несовершенствѣ всего, что есть въ мірѣ. Но это еще не все: въ самомъ зрѣлищѣ этихъ терзаній и этихъ развалинъ заключается какая-то красота, которая ласкаетъ самыя таинственныя фибры человѣческаго сердца. Если бы Паскаль былъ столько же проницателенъ, но болѣе удовлетворялъ бы разуму, если бы онъ былъ столь же краснорѣчивъ, но менѣе истерзанъ, то онъ менѣе останавливалъ бы на себѣ нашъ взоръ! Но мы не можемъ оторвать глазъ отъ пламени, которое его сжигаетъ, подобно тому, какъ римляне удивлялись измѣняющимся краскамъ, которыми переливалась медленно умирающая мурена, или какъ мы сами удивляемся страннымъ и блестящимъ переливамъ, которые можно наблюдать въ извѣстнаго рода цвѣтахъ, если напоить ихъ ядомъ.

Мысли Паскаля *).

ГЛАВА I.

Противъ невѣрія атеистовъ.

... Пусть, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ оспаривать религію, они постараются узнать, какова она. Если бы она хвалилась, что ясно видитъ Бога, что Онъ доступенъ ей открыто, безъ всякаго покрова таинственности, тогда другое дѣло: тогда утверждать, что въ мірѣ они ничего не видятъ такого, что указало бы на Бога съ подобною очевидностью, значило бы оспаривать религію... Но вѣдь религія, напротивъ, утверждаетъ, что люди ходятъ во мракѣ и въ удаленіи отъ Бога, что Онъ скрытъ отъ непосредственнаго воспріятія, что въ Св. Писаніи Онъ даже называетъ себя Непостижимымъ; притомъ же религія одинаково старается утвердить два положенія, во-первыхъ, что Богъ установилъ въ церкви замѣтные признаки, по которымъ могли бы Его узнать тѣ, кто ищетъ Его искренно, и, во-вторыхъ, что Онъ тѣмъ не менѣе скрылъ эти признаки настолько, что Его можетъ замѣтить только тотъ, кто ищетъ Его отъ всего своего сердца. Какая же послѣ этого польза кричать, что имъ ничто въ мірѣ не указываетъ прямо на Бога, когда они сами, какъ видно изъ ихъ признаній, пренебрегаютъ познаніемъ истины? Вѣдь то невѣдѣніе, въ которомъ они находятся и которое они ставятъ въ упрекъ церкви, только еще больше устанавливаетъ второе изъ указанныхъ выше положеній, не

*) Переводъ сдѣланъ по тексту, изданному подъ редакціей Луандра (Paris, 1869, Charpantier).

задѣвая перваго; вмѣсто того, чтобы разрушать, оно только подтверждаетъ ученіе церкви.

Оспаривая религію, они должны были бы кричать, что они испробовали всѣ свои силы, искали истину всюду и даже въ томъ, что предлагаетъ церковь для просвѣщенія ею, и нигдѣ не нашли никакого удовлетворенія. Если бы они такъ говорили, они, дѣйствительно, оспаривали бы одну изъ ея претензій. Но я надѣюсь показать здѣсь, что ни одинъ разсудительный человѣкъ не могъ бы сказать ничего подобнаго; я беру даже смѣлость утверждать, что никогда никто и не дѣлалъ этого. Мы хорошо знаемъ, какимъ образомъ поступаютъ тѣ, которые дѣйствуютъ въ этомъ духѣ. Они думаютъ, что употребили всѣ свои силы на то, чтобы просвѣтить себя, если потратили нѣсколько часовъ на чтеніе Св. Писанія и если задали какому-нибудь духовному лицу нѣсколько вопросовъ по поводу истинъ вѣры. Послѣ этого они хвалятся, что безуспѣшно искали отвѣтовъ въ книгахъ и у людей. Но, право, я не могу не сказать имъ того, что я часто говорилъ, именно, что подобное нерадѣніе непростительно. Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-нибудь незначительномъ интересѣ какой-нибудь посторонней личности, къ которому можно было бы такъ легко относиться; здѣсь дѣло идетъ о насъ самихъ, о нашемъ существѣ.

Вопросъ о безсмертіи души такъ важенъ для насъ, столь глубоко насъ затрогиваетъ, что нужно потерять всякое чувство, чтобы не интересоваться знать что-нибудь по поводу этого. Смотря по тому, есть ли надежда на вѣчныя блага или нѣтъ ея, всѣ наши дѣйствія и всѣ наши мысли должны принять столь различныя направленія, что невозможно сдѣлать ни одного шага осмысленно и обдуманно, если не направлять его на ту точку, которая должна быть нашею послѣднею цѣлью.

Такимъ образомъ, нашъ первый интересъ и наша первая обязанность—выяснить себѣ этотъ предметъ, отъ котораго зависитъ все наше поведеніе. Поэтому-то среди людей, не убѣжденныхъ въ безсмертіи души, я провожу громадную разницу между тѣми, которые стараются изъ всѣхъ силъ просвѣтить себя, и тѣми, которые живутъ, не налагая на себя подобнаго труда и не думая объ этомъ.

Я могу имѣть только состраданіе къ тѣмъ, которые искренно изнываютъ въ этомъ сомнѣніи, которые смотрятъ на него, какъ на величайшее изъ несчастій, и, не щадя ничего, чтобы выйти изъ него, видятъ въ этомъ исканіи выхода свое главное и самое серьезное занятіе.

Но я совершенно иначе смотрю на людей, которые проводятъ жизнь, не думая о послѣднемъ предѣлѣ жизни, и только потому, что въ самихъ себѣ не находятъ свѣта, который ихъ убѣдилъ бы, не заботятся искать его въ другомъ мѣстѣ и не стараются основательно изслѣдовать, относится ли это мнѣніе къ тѣмъ, которыя принимаетъ толпа, по легковѣрной простотѣ, или къ тѣмъ, которыя, хотя сами по себѣ темны, тѣмъ не менѣе имѣютъ очень прочное и непоколебимое основаніе.

Это нерадѣніе въ такомъ вопросѣ, гдѣ дѣло идетъ о нихъ самихъ, о ихъ вѣчности, о всемъ ихъ существѣ, меня не столько приводитъ въ состраданіе, сколько раздражаетъ; оно меня удивляетъ и ужасаетъ: оно чудовищно для меня, говорю это не по слѣпой ревности въ благочестіи. Напротивъ, я настаиваю, что одно уже себялюбіе, что интересъ чисто человѣческій, что самый простой свѣтъ разума уже долженъ внушить намъ эту заботу о будущемъ. Для этого нужно только видѣть то, что видятъ люди менѣе всего просвѣщенные.

Не нужно имѣть слишкомъ возвышенной души, чтобы понять, что въ этомъ мірѣ нѣтъ вовсе удовлетворенія истиннаго и прочнаго, что всѣ наши удовольствія только суета, что наши бѣдствія безконечны, что, наконецъ, смерть, ежеминутно намъ угрожающая, должна неминуемо въ короткое время довести насъ до страшной необходимости или на вѣки исчезнуть или вѣчно быть несчастными.

Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе, нѣтъ ничего ужаснѣе этого. Какъ бы мы ни храбрились, это — конецъ, который ожидаетъ и самую прекрасную въ мірѣ жизнь. Стоитъ только подумать объ этомъ, и придется сказать, что благо въ этой жизни несомнѣнно обусловлено надеждой на другую жизнь, что люди счастливы только по мѣрѣ того, какъ приближаются къ этой надеждѣ, что какъ для того, кто имѣлъ полную увѣренность въ вѣчности, не будетъ уже несчастій, такъ

нѣтъ счастья для тѣхъ, которые не имѣютъ въ себѣ никакого свѣта религіи.

Большое, конечно, горе быть въ подобномъ сомнѣніи, но все-таки искать выхода изъ него составляетъ нашу неизбѣжную обязанность. Такимъ образомъ, кто сомнѣвается и не ищетъ выхода, тотъ одновременно и очень несчастливъ и совершенно не правъ. А если, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ спокоенъ и доволенъ, если онъ громко заявляетъ объ этомъ и даже хвалится этимъ, если это самое состояніе сомнѣнія служитъ предметомъ его радости и хвастовства, то я не нахожу словъ, чтобы охарактеризовать это сумасбродное созданіе.

Откуда берутся эти чувства? Что за радость въ ожиданіи безнадежнаго уничтоженія? Чѣмъ хвалиться, видя себя среди непроницаемаго мрака? Какъ могло случиться, что подобное разсужденіе является въ разсудительномъ человѣкѣ?

—„Я не знаю, кто меня послалъ въ міръ, я не знаю, что такое міръ, что такое я. Я въ ужасномъ и полнѣйшемъ невѣдѣніи. Я не знаю, что такое мое тѣло, что такое мои чувства, что такое моя душа, что такое эта самая часть моего „я“, которая думаетъ то, что я говорю, которая размышляетъ обо всемъ и о самой себѣ и все-таки знаетъ себя не больше, чѣмъ все остальное. Я вижу эти ужасающія пространства вселенной, которыя заключаютъ меня въ себѣ, я нахожу себя привязаннымъ къ одному уголку этого обширнаго міра, не зная, почему я помѣщенъ именно въ этомъ, а не другомъ мѣстѣ, почему то короткое время, которое дано мнѣ жить, назначено мнѣ именно въ этомъ, а не въ другомъ пунктѣ цѣлой вѣчности, которая мнѣ предшествовала и которая за мной слѣдуетъ. Я вижу со всѣхъ сторонъ только безконечности, которыя поглощаютъ меня въ себѣ, какъ атомъ, какъ тѣнь, которая продолжается только моментъ и никогда не возвращается. Все, что я сознаю, это только то, что я долженъ скоро умереть; но чего я больше всего не знаю, это смерть, которой я не умѣю избѣжать.

Не зная, откуда пришелъ, я точно такъ же не знаю, куда иду; я знаю только, что, выходя изъ этого міра, я на вѣки или обращусь въ ничто, или подпаду Божьему гнѣву; но не знаю, какое изъ этихъ двухъ состояній должно до-

статься мнѣ въ вѣчный удѣлъ. Вотъ мое положеніе, полное ничтожества, слабости, мрака. Изъ всего этого я заключаю, что я долженъ, значитъ, проводить всѣ дни своей жизни, не думая о томъ, что должно со мной случиться. Можетъ-быть, я могъ бы какъ-нибудь прояснить свои сомнѣнія; но я не хочу принимать на себя такого труда, не хочу сдѣлать ни одного шага, чтобы поискать выхода; питая презрѣніе къ тѣмъ, которые мучатся надъ подобной задачей, я хочу неожиданно и безъ страха испытать на себѣ такое важное событіе какъ смерть, и подойти къ ней потихоньку, находясь въ неизвѣстности относительно состоянія, которое ожидаетъ меня въ вѣчности".

Кто пожелалъ бы имѣть другомъ человѣка, который разсуждаетъ подобнымъ образомъ? Кто выбралъ бы его изъ числа другихъ, чтобы подѣлится съ нимъ своими житейскими заботами? Кто прибѣгнулъ бы къ его помощи въ своихъ печаляхъ? Наконецъ, для какого употребленія въ жизни годенъ такой человѣкъ?

Правда, для религіи лестно имѣть врагами такихъ неразсудительныхъ людей; ихъ оппозиція столь мало ей грозитъ опасностью, что даже, напротивъ, служитъ для упроченія ея основныхъ истинъ. Вѣдь христіанская вѣра стремится главнымъ образомъ установить лишь два начала—паденіе человѣческой природы и искупленіе грѣха Іисусомъ Христомъ. И если мы не можемъ, доказывая истинность искупленія, ссылаться на святость ихъ жизни, зато этою испорченностью чувствъ мы можемъ удивительно хорошо доказать паденіе человѣческой природы.

Ничто столь не важно для человѣка, какъ его положеніе; ничто столь не страшно ему, какъ вѣчность. Поэтому, если есть люди индифферентные къ гибели своего бытія и къ опасности вѣчныхъ бѣдствій, то это явленіе совершенно неестественное. Они совершенно иначе относятся ко всѣмъ другимъ вещамъ: они боятся сущихъ пустяковъ, они ихъ стараются предвидѣть, они ихъ чувствуютъ; и вотъ тотъ самый человѣкъ, который проводитъ дни и ночи въ бѣшенствѣ и отчаяніи изъ-за потери какой-нибудь должности или изъ-за какого-нибудь воображаемаго оскорбленія чести, тотъ же самый человѣкъ, зная, что онъ все потеряетъ со смертью,

не чувствуетъ по этому поводу никакого безпокойства, никакого волненія. Чудовищное явленіе—видѣть въ одномъ и и томъ же сердцѣ, въ одно и то же время, эту чувствительность къ ничтожнѣйшимъ вещамъ и эту странную нечувствительность къ самымъ важнымъ вещамъ. Это непостижимое очарованіе, сверхъестественное усыпленіе, которое указываетъ на всемогущую силу, произведшую его.

Только страннымъ извращеніемъ человѣческой природы и можно объяснить фактъ, что человѣкъ хвалится тѣмъ, что онъ находится въ такомъ состояніи, которое кажется невѣроятнымъ для кого бы то ни было. Между тѣмъ мнѣ на дѣлѣ приходится видѣть такъ много подобнаго рода людей, что это было бы изумительнымъ, если бы мы не знали, что большая часть ихъ притворяется, и на самомъ дѣлѣ не таковы. Это люди, которые слышали, что хорошія манеры состоятъ въ томъ, чтобы важничать этимъ. Это, какъ у нихъ говорится, значитъ „сбросить съ себя иго“, и они стараются подражать этому. Но не трудно было бы дать имъ понять, сколько они обманываются, ища подобнымъ путемъ уваженія къ себѣ. Этимъ средствомъ не пріобрѣтешь уваженія даже среди свѣтскихъ людей, которые здраво судятъ о вещахъ и знаютъ, что единственный способъ успѣть въ свѣтѣ это—быть честнымъ, вѣрнымъ, разсудительнымъ и способнымъ оказать полезную услугу своему другу, потому что люди естественно любятъ только то, что имъ можетъ быть полезно. А какую выгоду извлечетъ человѣкъ изъ того, что скажетъ намъ, что онъ сбросилъ съ себя иго, что онъ не вѣритъ въ существованіе Бога, который управлялъ бы его дѣйствіями, что онъ смотритъ на себя, какъ на единственнаго господина своего поведенія, что онъ намѣренъ отдавать отчетъ только самому себѣ? Неужели онъ думаетъ, что этимъ онъ заставитъ насъ отнынѣ питать къ нему полное довѣріе, ожидать отъ него утѣшеній, совѣтовъ и помощи во всѣхъ жизненныхъ нуждахъ? Неужели онъ думаетъ, что очень ужъ насъ обрадовалъ, сказавши намъ, что, по его мнѣнію, наша душа это только частичка вѣтра и дыма, и притомъ сказавши гордымъ и довольнымъ тономъ? Такая ли это вещь, о которой можно сообщать съ радостью? Не на-

оборотъ ли, не та ли это вещь, о которой можно говорить только съ печалью, какъ о самой печальной въ мірѣ?

Если бы подобные люди подумали серьезнѣе, то они увидѣли бы, что это столь дурно ими понято, столь противно здравому смыслу, столь противно честности и столь далеко во всѣхъ отношеніяхъ отъ того спокойствія духа, котораго они ищутъ, что они скорѣе направили бы на путь истины, чѣмъ совратили бы людей, имѣвшихъ какую-нибудь склонность слѣдовать за ними. И дѣйствительно, стоитъ потребовать у нихъ отчета въ ихъ чувствахъ и основаній, въ силу которыхъ они сомнѣваются въ религіи, и они наговорятъ вамъ столь слабыхъ и столь низкихъ вещей, что убѣдятъ васъ скорѣе въ противномъ. Очень кстати вышло бы, если бы кто сказалъ имъ: „Если вы будете продолжать эти розсказни, то вы, право, убѣдите меня въ истинѣ вѣры“. И онъ былъ бы правъ; дѣйствительно, кто не пришелъ бы въ ужасъ, увидѣвши себя солидарнымъ въ чувствахъ съ такими презрѣнными людьми?

Такимъ образомъ, тѣ, которые только притворяются въ своихъ чувствахъ, очень неудачно приневоливаютъ свою природу, чтобы сдѣлаться самыми нелѣпыми изъ людей. Если имъ прискорбно, что они въ глубинѣ своего сердца немного имѣютъ свѣта, пусть они не скрываютъ этого: признаться въ этомъ ничуть не стыдно. Стыдно только вовсе не имѣть его. Ничто такъ не доказываетъ крайней слабости ума, какъ незнаніе того, какое несчастіе быть человѣкомъ безъ Бога; ничто такъ не указываетъ на испорченность сердца, какъ нежеланіе убѣдиться въ непреложности обѣщанія вѣчности; ничто столь не служитъ признакомъ трусости, какъ бравированье передъ Богомъ. Поэтому пусть они оставятъ это нечестіе на долю тѣхъ, которые настолько дурны отъ природы, что и въ самомъ дѣлѣ способны на это: пусть они будутъ, по крайней мѣрѣ, честными людьми, если не могутъ еще быть христіанами; пусть они, наконецъ, сознаютъ, что есть только два рода людей, которыхъ можно назвать разсудительными: это, во-первыхъ, тѣ, которые служатъ Богу всѣмъ своимъ сердцемъ, потому что Его познали, во-вторыхъ, тѣ, которые ищутъ Его всѣмъ своимъ сердцемъ, потому что не познали еще Его.

Что же касается людей, которые живутъ не зная Бога и не ища Его, то они сами себя считаютъ столь мало достойными своихъ заботъ, что не стоятъ и заботъ другихъ; нужно имѣть всю силу любви, заповѣданной тою религіей, которую они презираютъ, чтобы не презирать ихъ до готовности покинуть ихъ въ безуміи. Но такъ какъ эта религія обязываетъ насъ смотрѣть на нихъ, пока они въ этой жизни, какъ на способныхъ воспринять благодать, которая можетъ ихъ освѣтить, обязываетъ вѣрить, что они въ короткое время могутъ больше исполниться вѣрою, чѣмъ мы сами, а что мы, напротивъ, можемъ впасть въ то самое ослѣпленіе, въ которомъ — они, то, значитъ, для нихъ нужно то же дѣлать, чего мы сами желали бы отъ нихъ, если бы были на ихъ мѣстѣ, значитъ, нужно побуждать ихъ сжалиться надъ самими собою и сдѣлать хоть нѣсколько шаговъ, съ цѣлью попытаться, не найдутъ ли свѣта. Пусть они употребятъ на чтеніе этого произведенія хоть нѣсколько часовъ изъ тѣхъ, которые, въ противномъ случаѣ, были бы потрачены ими безполезно; какое бы отвращеніе оно ни внушало имъ, все-таки они, можетъ-быть, встрѣтятъ кое-что полезное или, по крайней мѣрѣ, немного потеряютъ отъ этого. А что касается людей, которые отнесутся къ нему съ полною искренностью и съ сердечнымъ желаніемъ познать истину, то я надѣюсь, что они будутъ удовлетворены, надѣюсь, что они убѣдятся доказательствами истинности столь Божественной религіи, которыя я собралъ здѣсь, слѣдуя почти во всемъ только-что приведенному порядку изложенія.

Между нами и адомъ или небомъ перегородкой служитъ только жизнь, а это самая ломкая въ мірѣ вещь.

Если человѣкъ сидитъ въ тюрьмѣ, не зная, постановлено ли рѣшеніе по его дѣлу, если въ его распоряженіи всего одинъ часъ, чтобы узнать это рѣшеніе, если этого часа достаточно, чтобы представить доводы для отмѣны приговора, разъ онъ уже постановленъ, то конечно, неестественно было бы употребить этотъ часъ на игру въ пикетъ, а не на то, чтобы освѣдомиться на счетъ рѣшенія. Точно такъ же неестественно употреблять свою жизнь не на то, чтобы приготовляться къ будущей. Такое поведеніе истинно было бы карой Божіей.

Такимъ образомъ, существованіе Бога доказывается не только рвеніемъ тѣхъ, которые ищутъ Его, но и ослѣпленіемъ тѣхъ, которые не ищутъ Его.

Мы беззаботно стремимся въ пропасть, поставивши что-нибудь передъ собою, чтобы помѣшать себѣ видѣть ее.

ГЛАВА II.

Величіе и ничтожность человѣка. Удивительныя противорѣчія въ его природѣ.

I.

Несоизмѣримость человѣка съ природой. Пусть человѣкъ созерцаетъ цѣлую природу во всемъ ея гордомъ величіи; пусть онъ удалитъ свой взоръ отъ окружающихъ его низкихъ предметовъ; пусть посмотритъ на этотъ блестящій свѣточъ, поставленный на вѣки, чтобы освѣщать вселенную; земля ему покажется точкой въ сравненіи съ той обширной окружностью, которую описываетъ это свѣтило; онъ удивится, что эта обширная окружность, въ свою очередь, есть самая незначительная точка въ сравненіи съ пространствомъ, которое охватываетъ катящіяся по небесному своду свѣтила. Но если наше зрѣніе останавливается здѣсь, воображеніе идетъ дальше: оно скорѣе устанетъ постигать, чѣмъ природа—доставлять ему матеріалъ. Весь видимый міръ не что иное, какъ незамѣтная черта на обширномъ лонѣ природы. Никакая идея не приближается къ ней по объему. Сколько мы ни напрягаемъ мысль, чтобы расширить воображаемыя пространства, у насъ получаются все-таки только атомы въ сравненіи съ дѣйствительностью. Это безконечная сфера, у которой центръ всюду, а окружности нѣтъ нигдѣ. Словомъ, тотъ фактъ, что наше воображеніе теряется въ этой мысли, служитъ самымъ важнымъ и замѣтнымъ признакомъ всемогущества Божія.

Возвратившись теперь къ самому себѣ, пусть человѣкъ поразмыслитъ, что такое онъ самъ въ сравненіи съ тѣмъ, что есть въ природѣ; пусть онъ представитъ, какъ онъ

запрятанъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ природы; пусть изъ этой маленькой темницы, отведенной ему для жительства,—я разумѣю вселенную,—научится давать настоящую цѣну землѣ, государствамъ, городамъ, самому себѣ.

Что такое человѣкъ въ безконечномъ! Но мы представимъ ему чудо еще болѣе поразительное: пусть онъ отыщетъ среди извѣстныхъ ему предметовъ самые нѣжные, самые малые. Пусть онъ возьметъ клеща: при всей ничтожной величинѣ его тѣла, онъ замѣчаетъ въ немъ части несравненно меньшія, онъ замѣчаетъ ножки съ суставами, вены въ ножкахъ, кровь въ венахъ, жидкости въ крови, капли въ жидкостяхъ, пары въ капляхъ; пусть онъ, раздѣляя и эти элементы, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы постичь ихъ. Возьмемъ послѣдній предметъ, до котораго онъ можетъ дойти: можно, пожалуй, подумать, что тутъ наименьшая въ природѣ величина. Но и внутри этой величины я хочу показать ему новую пропасть. Я хочу нарисовать ему не только видимую вселенную, но и ту неизмѣримость природы, которую можно постичь въ предѣлахъ этого постепеннаго уменьшенія величины элементовъ, доходящаго до атома. Пусть человѣкъ представитъ себѣ безконечность міровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой небесный сводъ, свои планеты, свою землю, въ той же соразмѣрности, какъ видимая вселенная; на этой землѣ пусть онъ представитъ животныхъ и, наконецъ, клещей, у которыхъ онъ найдетъ все то, что находитъ у клещей на нашей землѣ; встрѣчая и въ другихъ мірахъ постоянно все одно и то же, безъ конца и безъ отдыха, онъ наконецъ затеряется въ этихъ чудесахъ, которыя столь же изумительны по своей малости, сколько другія—по своей обширности. Какъ не удивляться, что наше тѣло, которое только что было неуловимымъ по своей величинѣ среди вселенной, представляющей, въ свою очередь, неуловимую величину на лонѣ всей природы, теперь уже есть колоссъ, міръ, или скорѣе *все*, сравнительно съ ничтожностью атома, до которой мы не можемъ добраться?

Кто разсмотритъ себя подобнымъ образомъ, тотъ ужаснется передъ самимъ собой; онъ увидитъ, что только матеріальная оболочка, которую дала ему природа, поддерживаетъ его, въ висячемъ положеніи, между двумя пропастями, между

безконечностью и отсутствіемъ бытія; онъ содрогнется при видѣ ихъ чудесъ, и я думаю, что, разъ его любознательность перейдетъ въ удивленіе, онъ будетъ расположенъ скорѣе въ молчаніи созерцать эти чудеса, чѣмъ самонадѣянно ихъ разыскивать.

Словомъ, что же такое человѣкъ въ природѣ? Ничто въ сравненіи съ безконечностью и все въ сравненіи съ ничѣмъ; это середина между ничѣмъ и всѣмъ. Онъ безконечно удаленъ отъ крайнихъ пунктовъ: конецъ и начало вещей для него безспорно скрыты въ непроницаемомъ мракѣ: онъ одинаково неспособенъ видѣть то ничто, изъ котораго онъ извлеченъ, и то безконечное, въ которомъ онъ поглощенъ.

Что же ему остается дѣлать, какъ не замѣчать кое-какіе внѣшніе признаки середины вещей, если онъ на вѣки лишенъ надежды знать ихъ начало и конецъ? Всѣ вещи вышли изъ ничего и стремятся къ безконечному. Кто услѣдитъ за этими изумительными шагами? Творецъ этихъ чудесъ постигаетъ ихъ; никто другой не можетъ этого сдѣлать. Вмѣсто того, чтобы созерцать это безконечное, люди безразсудно пустились въ изслѣдованіе природы, какъ будто они въ чемъ-либо соизмѣримы съ нею.

Странно, что они захотѣли постичь начала вещей и отъ нихъ дойти до познанія всего,—по своей самонадѣянности, столь же безконечной, какъ безконеченъ предметъ ихъ изысканія. Вѣдь несомнѣнно, что безъ самонадѣянности или безъ способности столь же безконечной, какъ природа, нельзя принять такого намѣренія.

Кто образованъ, тотъ понимаетъ, что, разъ природа напечатлѣла свой образъ и образъ своего Творца на всѣхъ вещахъ, то онѣ почти всѣ содержатъ въ себѣ свойства этой двойной безконечности. Такъ, мы видимъ, что всѣ науки безконечны въ отношеніи къ области ихъ изысканій. Кто, напр., не знаетъ, что геометрія можетъ до безконечности предлагать безконечное число задачъ? Науки безпредѣльны и съ другой стороны—по числу и неуловимости ихъ принциповъ; кто не видитъ, что принципы, предполагаемые послѣдними, не сами себя поддерживаютъ, а опираются на другіе, которые, въ свою очередь, опираясь на третьи, не бываютъ послѣдними, и т. д.?

Мы считаемъ послѣдними тѣ, которые кажутся таковыми для разума, какъ и въ матеріальныхъ вещахъ мы называемъ недѣлимымъ тотъ элементъ, дальше котораго наши чувства ничего не замѣчаютъ, хотя бы этотъ элементъ и былъ безконечно дѣлимъ, и притомъ по своей природѣ.

Изъ этихъ двухъ безконечностей, свойственныхъ наукамъ, безконечность величины гораздо болѣе ощутительна; поэтому-то немногимъ лицамъ приходило въ голову заявлять претензію, что они знаютъ все. „Я готовъ говорить обо всемъ“, заявлялъ Демокритъ. (Но—не говоря уже о томъ, что это пустыя слова, если кто не докажетъ, что онъ дѣйствительно знаетъ,—этого даже нельзя сдѣлать, такъ какъ безконечное множество вещей столь глубоко скрыто отъ насъ, что все выраженное о нихъ словами или представленное мыслью оказывается лишь неуловимымъ штрихомъ. Отсюда очевидно, сколь глупо, тщеславно и невѣжественно оглавленіе иныхъ книгъ: *De omni scibili**),—*о всемъ познаваемомъ*). Но безконечность въ обратномъ направленіи менѣе ощутительна. Философы гораздо чаще заявляли претензію достигнуть ея; но они всѣ наткнулись на препятствія. Этою претензіею и объясняются столь обычныя заглавія: „*О началахъ вещей*“, „*О началахъ философіи*“, и т. п.; заглавія эти, если не съ виду, то на дѣлѣ не менѣе пышны, чѣмъ бьющее въ глаза: *De omni scibili*.

Человѣку естественно думать, что ему легче достигнуть центра вещей, чѣмъ обнять ихъ окружность. Видимая обширность міра очевиднымъ образомъ превосходитъ насъ, а такъ какъ малыя вещи *мы* превосходимъ, то мы и считаемъ себя болѣе способными обладать ими; между тѣмъ, чтобы постигнуть ничто, нужно не меньше способности, чѣмъ для того, чтобы постигнуть все. Она должна быть безконечна въ томъ и въ другомъ случаѣ; и мнѣ кажется, что, кто постигъ бы послѣдніе принципы вещей, тотъ могъ бы дойти и до познанія безконечнаго. Одно зависитъ отъ другого, одно ведетъ къ другому. Крайности соприкасаются и соединяются въ силу своего взаимнаго удаленія, онѣ встрѣчаются другъ съ другомъ въ Богѣ, и только въ Богѣ.

---

*) Подъ такимъ заглавіемъ выставилъ свои тезисы и публично защищалъ ихъ Пико-де-Мирандола въ 1487 г.

Будемъ же знать свои силы: мы представляемъ собою кое-что, но мы не все. Та доля бытія, которая есть въ насъ, скрываетъ отъ насъ познаніе первыхъ началъ, которыя происходятъ изъ ничего, а вслѣдствіе незначительности этой доли скрывается отъ насъ доступъ къ безконечному.

Наша познавательная способность занимаетъ такое же мѣсто въ ряду вещей, доступныхъ познаванію, какое наше тѣло—во всемъ пространствѣ природы.

Мы ограничены во всѣхъ отношеніяхъ, въ нашемъ распоряженіи лишь то состояніе, которое занимаетъ середину между двумя крайностями.

Наши чувства не воспринимаютъ ничего крайняго. Излишній шумъ насъ оглушаетъ; излишній свѣтъ ослѣпляетъ, излишекъ разстоянія и излишекъ близости мѣшаетъ намъ видѣть; излишняя длинnота или излишняя краткость рѣчи затемняетъ ее; излишекъ истины насъ изумляетъ: я знаю людей, которые не могутъ понять, что, если отъ нуля отнять четыре, то останется нуль. Первые принципы страдаютъ для насъ излишкомъ очевидности. Излишекъ удовольствія несносенъ. Излишекъ созвучій въ музыкѣ не нравится; излишекъ благодѣяній раздражаетъ,—намъ хочется чѣмъ-нибудь заплатить лишній долгъ: „Благодѣянія до тѣхъ поръ пріятны, пока намъ кажется, что за нихъ можно отплатить; а когда ихъ слишкомъ много наберется, ненависть является вмѣсто благодарности“ *).

Мы не чувствуемъ ни крайняго жара, ни крайняго холода. Превышающія мѣру качества намъ враждебны и невыносимы: мы ихъ уже не чувствуемъ, а страдаемъ ими. Излишняя юность и излишняя старость мѣшаютъ уму... Однимъ словомъ, крайнія вещи какъ бы вовсе не существуютъ для насъ и мы не существуемъ въ отношеніи къ нимъ: онѣ отъ насъ ускользаютъ или мы отъ нихъ.

Вотъ наше настоящее положеніе. Оно дѣлаетъ насъ неспособными знать достовѣрно или не знать абсолютно. Мы плывемъ по обширной стихіи, постоянно находясь въ неизвѣстности и подвергаясь волненію, гонимые отъ одного берега къ другому. Къ какому бы пункту мы ни думали при-

*) Тацитъ, *Анналы*, IV. 18.

чалить и прикрѣпиться, онъ колеблется и плыветъ прочь отъ насъ; если мы за нимъ слѣдуемъ, онъ ускользаетъ отъ нашего захвата, вырывается и бѣжитъ вѣчно прочь. У насъ нѣтъ ни въ чемъ опоры. Таково наше естественное положеніе,—однако оно совершенно противно нашей склонности: мы горимъ желаніемъ найти прочную кладку и самый твердый базисъ, чтобы построить на немъ башню, которая возвысилась бы въ безконечность; но весь нашъ фундаментъ рушится и земля зіяетъ пропастью.

Итакъ, не станемъ вовсе искать увѣренности и твердости. Нашъ разумъ вѣчно бываетъ обманутъ непостоянствомъ внѣшнихъ признаковъ; ничто не можетъ укрѣпить конечное между двумя безконечностями, которыя его заключаютъ въ себѣ и бѣгутъ отъ него.

Если человѣкъ хорошо это пойметъ, то онъ, думаю, останется въ покоѣ,—каждый въ томъ положеніи, въ которое его поставила природа. Такъ какъ эта середина, доставшаяся намъ въ удѣлъ, постоянно удалена отъ крайностей, то что за нужда человѣку имѣть побольше познаній о вещахъ? Вѣдь получается всего одинъ результатъ: онъ беретъ вещи немного выше. Не будетъ ли онъ все-таки безконечно далекъ отъ конца? Если мы проживемъ лѣтъ десять лишнихъ, не будетъ ли все-таки продолжительность нашей жизни по прежнему безконечно далека отъ вѣчности?

Въ виду этихъ безконечностей всѣ конечные элементы равны, и я не вижу, почему воображенію человѣка нужно покоиться въ одномъ конечномъ предметѣ, а не на другомъ. Одно уже сравненіе себя съ конечнымъ затруднительно для насъ.

Если бы человѣкъ прежде всего изучилъ себя, то онъ увидѣлъ бы, какъ онъ неспособенъ итти далѣе указаннаго предѣла. Какъ это часть могла бы познать цѣлое! Можетъ-быть, онъ стремится знать, по крайней мѣрѣ, тѣ части, съ которыми онъ соизмѣримъ? Но вѣдь всѣ части міра въ такомъ взаимномъ соотношеніи и въ такой взаимной связи, что, думаю, невозможно знать одну, не зная другой и не зная всего.

Человѣкъ, напр., имѣетъ отношеніе ко всему тому, что онъ знаетъ. Ему нужно мѣсто, чтобы держаться на немъ, нужно время, чтобы существовать, нужно движеніе, чтобы

жить, нужны элементы, чтобы состоять изъ нихъ, нужны тепло и пища, чтобы питаться, нуженъ воздухъ, чтобы дышать. Онъ видитъ свѣтъ; онъ ощущаетъ тѣла; однимъ словомъ, все попадаетъ въ связь съ нимъ.

Итакъ, чтобы познать человѣка, нужно знать, откуда происходитъ, что онъ нуждается въ воздухѣ для своего существованія; а чтобы познать воздухъ, нужно знать, какое онъ имѣетъ отношеніе къ жизни человѣка, и т. д.

Пламя не можетъ существовать безъ воздуха; чтобы знать объ одномъ, нужно знать и о другомъ.

Слѣдовательно, если всѣ вещи бываютъ причиною и слѣдствіемъ, помогаютъ и пользуются помощью, дѣйствуютъ посредственно и непосредственно, если всѣ вещи удерживаются въ естественной и незамѣтной связи другъ съ другомъ, которая соединяетъ самые отдаленные и самые различные элементы, то я считаю невозможнымъ познать части, не зная цѣлаго, а равнымъ образомъ знать цѣлое, не зная въ отдѣльности частей.

Наше безсиліе познать вещи довершается тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ сами по себѣ просты, а мы составлены изъ двухъ противоположныхъ и различнаго рода природъ: души и тѣла. Вѣдь невозможно, чтобы частью размышляющею въ насъ была какая-нибудь другая, а не наша духовная часть; а если предположить, что мы состоимъ только изъ тѣла, то это еще болѣе исключало бы возможность познанія вещей, такъ какъ нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ сказать, что матерія познаетъ самое себя. Намъ невозможно знать, какъ она могла бы себя познавать.

Такимъ образомъ, если мы просто матеріальны, то мы совершенно не можемъ ничего узнать, а если мы составлены изъ духа и матеріи, то мы не можемъ вполнѣ узнать простыхъ вещей, только духовныхъ или только тѣлесныхъ.

Отсюда происходитъ, что почти всѣ философы смѣшиваютъ идеи съ вещами и говорятъ о тѣлесныхъ вещахъ, какъ о духовныхъ, а о духовныхъ, какъ о тѣлесныхъ. Они смѣло говорятъ, что тѣла „стремятся“ къ низу, „стремятся“ къ своему центру, что они „избѣгаютъ“ своего разрушенія, что они „боятся“ пустоты, что они имѣютъ „наклонности“, „симпатіи“ и „антипатіи“; все это такія свойства, которыя от-

носятся только къ духу. А говоря о духахъ, они помѣщаютъ ихъ на извѣстномъ мѣстѣ, приписываютъ имъ движеніе съ мѣста на мѣсто,—свойства, принадлежащія только тѣламъ.

Вмѣсто того, чтобы воспринимать идеи этихъ вещей чистыми, мы окрашиваемъ ихъ своими свойствами и на всѣхъ созерцаемыхъ нами простыхъ вещахъ кладемъ отпечатокъ нашего сложнаго бытія.

Видя, какъ мы составляемъ всѣ вещи изъ духа и тѣла, кто бы не подумалъ, что это соединеніе намъ очень понятно? А между тѣмъ, это мы меньше всего понимаемъ. Человѣкъ для самого себя служитъ самымъ чудеснымъ предметомъ природы; ибо онъ не можетъ постичь, что такое тѣло, еще меньше постигаетъ, что такое духъ; какъ тѣло, онъ меньше всякой другой вещи можетъ быть соединенъ съ духомъ. Тутъ для него верхъ трудностей, а между тѣмъ дѣло идетъ о его собственномъ существѣ: „Люди не могутъ постичь способа, которымъ духъ соединенъ съ тѣлами; а между тѣмъ въ этомъ соединеніи и состоитъ человѣкъ“ *).

II

Я вполнѣ могу постичь человѣка безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы, потому что только опытъ насъ учитъ, что голова необходимѣе ногъ. Но я не могу постичь человѣка безъ мысли: это былъ бы камень или скотина.

Величіе и ничтожество. Такъ какъ о ничтожествѣ заключаютъ по величію, а о величіи—по ничтожеству, то одни рѣшили, что человѣкъ — ничтожество, тѣмъ болѣе, что они за доказательство приняли величіе; другіе приходятъ къ заключенію о величіи, по мѣрѣ того, какъ основываются въ своихъ заключеніяхъ на ничтожествѣ; все, что одни могли привести для доказательства величія, другимъ послужило въ качествѣ аргумента для доказательства ничтожности, потому что, чѣмъ съ большей высоты человѣкъ палъ, тѣмъ онъ ничтожнѣе, и наоборотъ. Одни опираются на другихъ, образуя кругъ безъ конца; но несомнѣнно

*) Св. Августинъ, *О царствѣ Божіемъ*, XXI, 10.

лишь то, что по мѣрѣ того, сколько въ человѣкѣ есть свѣта, мы находимъ въ немъ то величіе, то ничтожество. Человѣкъ сознаетъ, что онъ жалокъ; а такъ какъ онъ жалокъ по собственному сознанію, то онъ же и очень великъ, потому что сознаетъ себя жалкимъ.

Если онъ превозносится, я его унижаю; если онъ унижаетъ себя, я его восхваляю; я противорѣчу ему постоянно, до тѣхъ поръ, пока онъ не пойметъ, что онъ непостижимое чудовище.

III.

Люди, не будучи въ силахъ избавиться отъ смерти, бѣдствій, невѣдѣнія, рѣшились, чтобы сдѣлаться счастливыми, вовсе объ этомъ не думать.

IV.

Природа дѣлаетъ насъ во всѣхъ положеніяхъ постоянно несчастными, между тѣмъ наши желанія постоянно рисуютъ намъ счастливое состояніе, потому что къ состоянію, въ которомъ мы находимся, они присоединяютъ удовольствія того состоянія, въ которомъ мы не находимся; а когда мы достигнемъ этихъ удовольствій, мы не будемъ отъ этого счастливы, потому что мы тогда будемъ имѣть другія желанія, сообразныя съ этимъ новымъ положеніемъ.

V.

Представьте себѣ множество людей въ цѣпяхъ; всѣ они осуждены на смерть; однихъ ежедневно умерщвляютъ на глазахъ у другихъ; остающіеся пока въ живыхъ видятъ свою собственную участь въ участи себѣ подобныхъ и, взирая другъ на друга, съ печалью и безъ надежды, ожидаютъ своей очереди. Вотъ картина положенія людей въ мірѣ.

VI.

Кромвель готовъ былъ опустошить весь христіанскій міръ; королевская фамилія погибла бы, а его родъ сталъ бы навсегда властнымъ, если бы не маленькій камешекъ,

который попалъ *) въ его мочеточникъ. Даже Римъ почти трепеталъ передъ нимъ, но попала песчинка, и вотъ онъ умеръ, его семейство унижено, повсюду миръ, и король возстановленъ.

VII.

Главное величіе человѣка заключается въ томъ, что онъ сознаетъ себя жалкимъ. Дерево не сознаетъ себя жалкимъ. Сознавать себя ничтожнымъ значитъ быть ничтожнымъ; но съ другой стороны, сознавать, что я ничтоженъ, значитъ быть великимъ. Сознаніе этого самаго ничтожества и доказываетъ величіе. Это ничтожество владыки, ничтожество короля, лишившагося власти.

VIII.

Величіе человѣка столь очевидно, что оно выводится даже изъ его ничтожества. Что естественно животнымъ, то мы называемъ жалкимъ въ человѣкѣ; отсюда мы признаемъ, что, если теперь природа человѣка въ чемъ-либо подобна природѣ животныхъ, то, значитъ, онъ палъ, утративъ лучшую природу, которая была ему нѣкогда свойственна.

Ибо кто же, кромѣ короля, лишеннаго власти, находитъ себя несчастнымъ оттого, что онъ король? Находилъ ли Павелъ Эмилій себя несчастнымъ, оттого что онъ уже не былъ консуломъ? Напротивъ, всякій согласится, что онъ былъ счастливъ, потому что былъ уже консуломъ, такъ какъ онъ не могъ постоянно занимать этой должности. Но Персея **), переставшаго быть царемъ, находили столь несчастнымъ, что удивлялись, какъ это онъ выноситъ жизнь: очевидно, это потому, что Персею было свойственно постоянно оставаться царемъ. Кто находитъ себя несчастнымъ оттого, что у него только одинъ ротъ? Съ другой стороны, кто не сочтетъ себя несчастнымъ, если у него только одинъ глазъ? Никто, можетъ-быть, никогда не сокрушался, что у него нѣтъ трехъ глазъ, но неутѣшительно не имѣть ихъ вовсе.

*) Во времена Паскаля полагали, что мочевой камень попадаетъ извнѣ.
**) Послѣдній царь македонскій, лишенный власти Эмиліемъ Павломъ.

IX.

Мы имѣемъ столь высокое понятіе о душѣ человѣка, что не можемъ терпѣть, чтобы ее презирали и не уважали въ насъ; все счастье людей состоитъ въ этомъ уваженіи.

Величайшее униженіе человѣка—это поиски за славой, но это же самое служитъ важнѣйшимъ признакомъ его превосходства; ибо какое бы онъ владѣніе ни имѣлъ на землѣ, какимъ бы здоровьемъ и какими бы значительными удобствами ни пользовался, онъ все-таки не удовлетворенъ, если не пользуется уваженіемъ у людей. Онъ такъ высоко цѣнитъ разумъ человѣка, что, какими бы преимуществами ни обладалъ на землѣ, все-таки недоволенъ, если не занимаетъ такого же выгоднаго положенія въ разумѣ человѣка. Это самое лучшее въ мірѣ мѣсто: ничто не можетъ отвратить человѣка отъ подобнаго желанія, это самое неизгладимое свойство человѣческаго сердца.

Даже кто наиболѣе презираетъ людей и кто приравниваетъ ихъ къ звѣрямъ, и тотъ все-таки хочетъ, чтобы ему удивлялись и вѣрили, противорѣча самому себѣ въ своемъ собственномъ чувствѣ: природа его, которая сильнѣе всего, больше убѣждаетъ его въ величіи человѣка, чѣмъ разумъ—въ собственной низости.

X.

Человѣкъ—это лишь тростникъ, и притомъ очень слабый по природѣ, но этотъ тростникъ мыслитъ. Не зачѣмъ цѣлой вселенной ополчаться, чтобы его раздавить. Пара, капли воды достаточно, чтобы его умертвить. Но если бы даже вселенная раздавила его, человѣкъ все-таки былъ бы болѣе благороденъ, чѣмъ то, что его убиваетъ, потому что онъ знаетъ, что онъ умираетъ, а вселенная ничего не знаетъ о томъ преимуществѣ, которое она имѣетъ надъ нимъ. Итакъ все наше достоинство состоитъ въ мысли. Въ этомъ отношеніи мы должны возвышать себя, а не въ отношеніи къ пространству и времени, которое мы не сумѣли бы наполнить. Постараемся же хорошо мыслить: вотъ основа нравственности.

XI.

Опасно слишкомъ выставлять на видъ человѣку, насколько онъ равенъ звѣрямъ, не показывая ему величія его. Опасно также слишкомъ выставлять ему на видъ величіе, не указывая на его низость. Еще опаснѣе оставлять его въ невѣдѣніи относительно того и другого. Но очень выгодно выставлять ему на видъ и то и другое.

XII.

... Пусть человѣкъ даетъ себѣ настоящую цѣну. Пусть онъ любитъ себя, потому что онъ имѣетъ въ себѣ природу, способную къ добру; но пусть онъ не любитъ изъ-за этого низостей, которыя въ немъ есть. Пусть онъ себя презираетъ, если эта способность къ добру не ведетъ къ результатамъ; но пусть онъ изъ-за этого не презираетъ этой природной способности. Пусть онъ себя ненавидитъ, но пусть и любитъ: въ немъ есть способность познать истину и быть счастливымъ, но онъ не обладаетъ истиной, достовѣрной или удовлетворительной.

Мнѣ бы хотѣлось, поэтому, довести человѣка до желанія найти ее, заставить его быть готовымъ къ ней и, зная, насколько его познаніе затемнено страстями, освободиться отъ страстей, чтобы слѣдовать за ней, если найдетъ ее; мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ ненавидѣлъ въ себѣ похоть, которая ставитъ ему предѣлы, чтобы она не ослѣпила его при выборѣ и не остановила его, когда онъ сдѣлаетъ уже выборъ.

XIII.

Я одинаково порицаю и тѣхъ, которые принялись хвалить человѣка, и тѣхъ, которые принялись порицать его; порицаю и того, кто ищетъ тутъ забавы. Я могу одобрить лишь того, кто ищетъ истину со вздохомъ.

Стоики говорятъ: вернитесь внутрь самихъ себя, тамъ вы найдете себѣ успокоеніе. Но это неправда. Другіе говорятъ: выходите вонъ изъ своего „я“, ищите счастья въ развлеченіи себя. И это неправда. Болѣзни неизбѣжны;

счастье не внутри насъ и не внѣ насъ: оно въ Богѣ, т.-е. и внѣ и внутри насъ.

XIV.

Человѣческую природу можно разсматривать съ двухъ сторонъ: сообразно съ ея цѣлями—и тогда человѣкъ великъ и несравненъ—и сообразно съ ея навыками (какъ напр., мы судимъ о природѣ лошади и собаки по ихъ способности видѣть слѣдъ и искусству останавливать дичь—animus arcendi),—и тогда человѣкъ презрѣненъ и никуда негоденъ. Вотъ два пути, которые ведутъ къ различнымъ сужденіямъ и заставляютъ философовъ столько спорить. Ибо одинъ философъ отрицаетъ предположеніе другого. Одинъ говоритъ: „человѣкъ не рожденъ для этой цѣли, такъ какъ всѣ его дѣйствія противорѣчатъ ей“. Другой заявляетъ: „Онъ удаляется отъ своей цѣли, если совершаетъ столь низкія дѣйствія“.

Двѣ вещи просвѣщаютъ человѣка насчетъ всей его природы—инстинктъ и опытъ.

XV.

Я чувствую, что могъ бы вовсе не существовать, ибо мое „я“ заключается въ моей мысли; значитъ того „я“, которое мыслитъ, не было бы вовсе, если бы моя мать была убита прежде, чѣмъ я зародился. Итакъ, я не есть необходимое существо. Я также не вѣченъ и не безконеченъ; но я хорошо вижу, что въ природѣ есть Существо необходимое, вѣчное и безконечное.

ГЛАВА III.

Тщеславіе человѣка. Результаты самолюбія. Человѣческое „я“.

I.

Мы не довольны жизнью, которая въ насъ самихъ и въ нашемъ собственномъ существѣ: мы желаемъ жить воображаемою жизнью, въ идеѣ другихъ, и изъ-за этого силимся вы-

ставлять себя на показъ. Мы непрерывно стараемся украсить и сохранить это воображаемое существо и пренебрегаемъ подлиннымъ существомъ. Если мы обладаемъ душевнымъ спокойствіемъ, великодушіемъ или вѣрностью, мы хлопочемъ, чтобы всѣ это знали, хотимъ привязать эти добродѣтели къ этому воображаемому существу; мы скорѣе готовы отнять ихъ отъ себя, чтобы только присоединить ихъ къ нему; мы охотно были бы трусами, чтобы пріобрѣсти репутацію храбрецовъ. Не довольствоваться однимъ безъ другого, отказываться часто отъ одного для другого—это важный признакъ ничтожества нашего собственнаго существа! Вѣдь, кто не умеръ бы для того, чтобы сохранить свою честь, тотъ былъ бы безчестнымъ.

Слава такъ пріятна, что мы ее любимъ, съ чѣмъ бы она ни соединялась, даже хоть со смертью.

II.

Гордость есть противовѣсъ для всѣхъ недостатковъ. Она или скрываетъ свои недостатки или, если открываетъ, то хвалится тѣмъ, что сознаетъ ихъ.

Среди нашихъ недостатковъ, заблужденій и т. д., гордость вполнѣ естественно овладѣваетъ нами. Мы даже жизнь теряемъ съ радостью, лишь бы объ этомъ говорили.

III.

Тщеславіе столь вкоренилось въ сердце человѣка, что солдатъ, деньщикъ, поваръ, носильщикъ тщеславятся собою и хотятъ имѣть поклонниковъ; даже философы желаютъ того же. Тѣ, которые пишутъ противъ этого, желаютъ прославиться тѣмъ, что хорошо написали; тѣ, которые читаютъ сочиненія, желаютъ похвастаться, что они прочитали; и я, написавши это, можетъ-быть, тоже имѣю подобное желаніе; будутъ, пожалуй, имѣть его и тѣ, которые прочтутъ это...

IV.

Несмотря на всю духовную нищету, которую мы испытываемъ, которая давитъ насъ, мы все-таки имѣемъ инстинктъ, котораго не можемъ подавить и который возвышаетъ насъ.

V.

Мы столь тщеславны, что намъ хотѣлось бы быть извѣстными по всей землѣ, даже среди людей, которые появятся, когда насъ уже не будетъ; мы столь пусты, что уваженіе пяти, шести лицъ, насъ окружающихъ, насъ забавляетъ и доставляетъ удовлетвореніе.

VI.

Любопытство—это то же тщеславіе. Очень часто хотятъ знать для того только, чтобы говорить объ этомъ. Изъ-за одного удовольствія видѣть не путешествовали бы по морю; путешествуютъ въ надеждѣ разсказывать объ этомъ.

VII.

Никто не заботится пріобрѣсти уваженіе въ городахъ, черезъ которые онъ проходитъ; но объ этомъ заботятся, если приходится въ нихъ нѣкоторое время оставаться. Сколько же времени нужно для этого? Время пропорціонально продолжительности нашей жизни, пустой и жалкой.

VIII.

Природное свойство самолюбія и человѣческаго „я“ состоитъ въ томъ, чтобы любить только себя и имѣть въ виду только себя. Но что же могло бы сдѣлать это самолюбіе? Оно не сумѣло бы помѣшать тому предмету, который оно любитъ, быть полнымъ недостатковъ и ничтожества: оно хочетъ быть великимъ, и видитъ себя малымъ; оно хочетъ быть счастливымъ, и видитъ себя жалкимъ; хочетъ быть совершеннымъ, и видитъ себя полнымъ несовершенствъ; хочетъ быть предметомъ любви и уваженія другихъ людей, и видитъ, что его недостатки заслуживаютъ только ихъ отвращеніе и презрѣніе. Это затрудненіе, въ которомъ оно находится, производитъ въ немъ самую несправедливую и самую преступную,

какую только можно вообразить, страсть: оно начинаетъ чувствовать смертельную ненависть къ той истинѣ, которая ему противорѣчитъ и которая уличаетъ его въ недостаткахъ. Оно желало бы уничтожить ее, но не будучи въ состояніи разрушить ее въ самой себѣ, оно разрушаетъ ее, сколько можетъ, въ своемъ сознаніи и сознаніи другихъ; иначе говоря, оно употребляетъ все свое стараніе, чтобы скрыть свои недостатки отъ другихъ и самого себя, оно не можетъ терпѣть, чтобы другіе указывали ему на нихъ или видѣли ихъ.

Несомнѣнно, что худо быть полнымъ недостатковъ; но еще хуже быть полнымъ ими и не желать сознавать ихъ въ себѣ, потому что это значитъ прибавлять къ нимъ еще порокъ самообмана. Мы не хотимъ, чтобы другіе насъ обманывали, мы находимъ несправедливымъ, что они желаютъ пользоваться у насъ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ заслуживаютъ; поэтому несправедливо и намъ ихъ обманывать и желать, чтобы они насъ уважали больше, чѣмъ мы заслуживаемъ.

Такимъ образомъ, когда другіе открываютъ только тѣ несовершенства и пороки, которые дѣйствительно мы имѣемъ, то, очевидно, они не виноваты передъ нами, потому что не они причинили ихъ; они дѣлаютъ намъ добро, потому что помогаютъ намъ освободиться отъ зла, именно отъ невѣдѣнія нашихъ несовершенствъ. Мы не должны сердиться, что они ихъ знаютъ и что они насъ презираютъ, такъ какъ они справедливо поступаютъ, признавая насъ такими, каковы мы въ дѣйствительности, и презирая пасъ, если мы достойны презрѣнія.

Вотъ чувства, которыя должны зародиться въ сердцѣ, полномъ правоты и справедливости. Что же намъ сказать о своемъ сердцѣ, видя въ немъ расположеніе совершенно противоположное? Не правда ли, что мы ненавидимъ истину и тѣхъ, кто намъ говоритъ ее, что мы любимъ, чтобы люди обманывались въ нашихъ преимуществахъ, желаемъ, чтобы насъ считали иными, чѣмъ мы бываемъ на самомъ дѣлѣ?

Вотъ доказательство, которое приводитъ меня въ ужасъ. Религія не обязываетъ насъ открывать свои грѣхи безразлично всѣмъ: она допускаетъ, чтобы они оставались скрытыми для всѣхъ другихъ людей; но она исключаетъ одного

человѣка — духовника: передъ нимъ она повелѣваетъ намъ открыть всю глубину своего сердца и дать ему возможность видѣть насъ такими, какими мы бываемъ на самомъ дѣлѣ. Есть одинъ только человѣкъ въ мірѣ, передъ которымъ она приказываетъ намъ разоблачить себя, при чемъ она обязываетъ его держать все въ ненарушимой тайнѣ, — какъ будто онъ и не знаетъ нашихъ грѣховъ. Можно ли вообразить себѣ что-нибудь болѣе снисходительное и пріятное? Тѣмъ не мѣнѣе испорченность человѣка такова, что онъ даже этотъ законъ находитъ суровымъ; это одно изъ главныхъ основаній неудовольствія противъ католической церкви значительной части Европы.

Какъ несправедливо и неразсудительно сердце человѣка! Оно недовольно, если его обязываютъ передъ однимъ всего человѣкомъ дѣлать то, что, по настоящему, оно должно бы дѣлать въ отношеніи ко всѣмъ людямъ! Справедливо ли въ самомъ дѣлѣ, что мы обманываемъ всѣхъ?

Есть различныя ступени этого отвращенія къ истинѣ, но можно сказать, что оно въ нѣкоторой степени есть во всѣхъ людяхъ, потому что оно неразлучно съ нашимъ самолюбіемъ. Дурного свойства та деликатность, которая обязываетъ людей, поставленныхъ въ необходимость порицать другихъ, прибѣгать къ столькимъ изворотамъ и средствамъ, чтобы не оскорбить ихъ. Имъ приходится уменьшать наши недостатки, притворяться, что они ихъ извиняютъ, перемѣшивать порицанія съ похвалами и заявленіями привязанности и уваженія. При всемъ томъ это лѣкарство не перестаетъ быть горькимъ для самолюбія. Послѣднее принимаетъ его какъ можно меньше, постоянно съ отвращеніемъ, часто даже съ тайной досадой на тѣхъ, которые подаютъ его.

Отсюда происходитъ, что, если кто имѣетъ какой-нибудь интересъ пользоваться нашею любовію, то избѣгаетъ оказать намъ такую услугу, которая, по его мнѣнію, была бы намъ непріятна; онъ обходится съ нами такъ, какъ мы этого желаемъ: если мы ненавидимъ истину, ее скрываютъ отъ насъ; если мы хотимъ, чтобы намъ льстили, намъ льстятъ; если мы любимъ быть въ обманѣ, насъ обманываютъ.

Поэтому-то каждая степень удачи, которая возвышаетъ насъ въ глазахъ другихъ, все болѣе и болѣе удаляетъ насъ

отъ истины, потому что, чѣмъ полезнѣе чья-либо привязанность и чѣмъ опаснѣе отвращеніе, тѣмъ больше боятся оскорбить такого человѣка. Какой-нибудь князь будетъ посмѣшищемъ всей Европы, и одинъ только онъ не будетъ ничего знать объ этомъ. Я этому не удивляюсь: говорить правду полезно для того, кому ее говорятъ, но не выгодно тѣмъ, которые говорятъ ее, потому что этимъ они навлекаютъ на себя ненависть. А тѣ, которые окружаютъ государя, дорожатъ больше своими интересами, чѣмъ интересами лица, которому служатъ; такимъ образомъ, они не имѣютъ никакойохоты доставлять ему преимущество, вредя самимъ себѣ.

Это несчастіе, несомнѣнно, больше и обычнѣе въ наиболѣе высокихъ положеніяхъ; но и наиболѣе низкія положенія не изъяты отъ него, потому что всегда есть какой-нибудь интересъ добиваться себѣ любви у людей. Такимъ образомъ жизнь человѣческая не что иное, какъ постоянная иллюзія; люди только и дѣлаютъ, что обманываютъ другъ друга и льстятъ другъ другу. Никто не говоритъ о насъ въ нашемъ присутствіи такъ, какъ говоритъ въ нашемъ отсутствіи. Общеніе между людьми основано только на этомъ взаимномъ обманѣ; мало было бы друзей, если бы каждый зналъ, что̀ его другъ говоритъ о немъ, когда его нѣтъ, хотя бы онъ тогда говорилъ искренно и безпристрастно.

Итакъ, человѣкъ не что иное, какъ притворство, ложь и лицемѣріе, въ отношеніи къ самому себѣ и въ отношеніи къ другимъ. Онъ не хочетъ, чтобы ему говорили истину, онъ избѣгаетъ и самъ говорить ее другимъ; всѣ эти привычки, столь уклонившіяся отъ справедливости и разумности, имѣютъ естественный корень въ его сердцѣ.

ГЛАВА IV.

Воображеніе. — Шаткость природныхъ познаній человѣка. — Привычка. — Сомнѣніе. — Нравственность.

I.

Воображеніе—это обманчивая сторона человѣка, это наставникъ въ заблужденіи и фальшивости, тѣмъ болѣе лукавый, что онъ не всегда играетъ эту роль; ибо, если бы оно было

непогрѣшимымъ показателемъ лжи, то тѣмъ самымъ оно было бы непогрѣшимымъ показателемъ истины. Но такъ какъ оно очень часто лживо, то оно не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на свое качество, помѣчая одинаковымъ образомъ и истинное, и ложное.

Я говорю не о безумныхъ, а о самыхъ умныхъ; между ними-то воображеніе имѣетъ наибольшую способность убѣждать Что бы тамъ ни кричалъ разумъ, онъ самъ не можетъ оцѣнивать вещей.

Эта гордая власть, враждебная разуму, которая любитъ повѣрять его и повелѣвать имъ, чтобы показать, насколько велико ея могущество во всемъ, утвердилась въ человѣкѣ, какъ вторая природа. У ней есть свои счастливые и несчастные, свои здоровые и больные, свои богатые и бѣдные, она заставляетъ разумъ вѣрить, сомнѣваться, отрицать; она сдерживаетъ и возбуждаетъ чувства, у ней есть свои безумные и свои мудрецы: и досаднѣе всего намъ видѣть, что она доставляетъ своимъ поклонникамъ полное удовлетвореніе, но совершенно иначе, чѣмъ разумъ. Обладающіе богатымъ воображеніемъ удовлетворяютъ самихъ себя совершенно иначе, чѣмъ разумные удовлетворяютъ себя разумомъ. Первые смотрятъ на людей властно, разсуждаютъ смѣло и самонадѣянно, межъ тѣмъ какъ послѣдніе — боязливо и неувѣренно; это радостное выраженіе лица даетъ имъ часто преимущество во мнѣніи слушателей: сколько воображаемыхъ мудрецовъ пользуются благосклонностью въ глазахъ судей подобнаго же характера. Воображеніе не можетъ безумныхъ сдѣлать мудрецами, но оно дѣлаетъ ихъ счастливыми, на зависть разуму, который можетъ сдѣлать своихъ друзей только несчастными, такъ какъ первое покрываетъ ихъ славою, второй — позоромъ.

Кто надѣляетъ репутаціями? Кто даетъ почетъ и уваженіе лицамъ, произведеніямъ, законамъ, знати, если не эта способность воображать? Всѣхъ богатствъ земли не хватило бы на это безъ ея соизволенія.

Представьте себѣ судью, который, внушая всему народу уваженіе своею почтенною старостью, руководится чистымъ и высокимъ разумомъ, судитъ о вещахъ по ихъ природѣ, не останавливаясь передъ тѣми пустыми обстоятельствами, ко-

торыя поражаютъ воображеніе только слабыхъ. Посмотрите, вотъ онъ приходитъ на проповѣдь, принося съ собою самое благочестивое усердіе, подкрѣпляя твердость разума пыломъ любви къ человѣчеству. Онъ готовъ слушать съ образцовымъ благоговѣніемъ. Появляется проповѣдникъ: если природа дала ему хриплый голосъ, какую-нибудь странную физіономію, если цирюльникъ плохо его выбрилъ, если вдобавокъ онъ случайно запачкался, то, какія бы великія истины онъ ни провозглашалъ, я держу пари, что серьезность нашего сенатора совсѣмъ пропадетъ.

Положимъ, величайшій въ мірѣ философъ стоитъ на доскѣ, которая шире, чѣмъ это нужно для ходьбы, а внизу подъ ней пропасть: какъ бы разумъ ни убѣждалъ его въ безопасности, воображеніе все-таки возьметъ верхъ. Многіе при одной мысли объ этомъ поблѣднѣютъ и ихъ броситъ въ потъ.

Кто не знаетъ, что при видѣ кошекъ, крысъ, при раздавливаніи угля и т. п., разумъ теряетъ подчасъ самообладаніе передъ чувствомъ? Тонъ голоса импонируетъ самымъ умнымъ людямъ и поворачиваетъ разговоръ или разсказъ въ другую сторону.

Привязанность или ненависть измѣняютъ направленіе правосудія; какъ часто адвокатъ, получивши предварительно хорошій гонораръ, находитъ болѣе правымъ то дѣло, которое онъ ведетъ! Какъ часто смѣлый жестъ выставляетъ его въ лучшемъ видѣ передъ судьями, обманутыми внѣшностью! Забавенъ разумъ, которымъ помыкаютъ вѣтеръ, и притомъ въ любую сторону.

Я не хочу приводить всѣхъ послѣдствій; мнѣ пришлось бы перечислить почти всѣ человѣческія дѣйствія, которыя колеблются почти только отъ потрясеній этого вѣтра. Разумъ принужденъ бываетъ уступать; самый разумный принимаетъ себѣ за правило то, что воображеніе людей безразсудно ввело въ томъ или иномъ мѣстѣ въ употребленіе.

Французскіе судьи хорошо поняли эту тайну. Ихъ красныя мантіи, горностаевые мѣха, въ которые они закутываются, какъ сибирскіе коты, палаты, гдѣ они судятъ, лиліи,— вся эта величественная обстановка была вполнѣ необходима; если бы врачи не носили сутанъ *) и туфель, если бы док-

*) Современный Паскалю обычай одѣваться. Сутана—родъ рясы.

тора наукъ не носили шапочекъ съ четыреугольнымъ дномъ и слишкомъ просторныхъ мантій изъ четырехъ полотнищъ, то они никогда не обманули бы публики, которая не можетъ устоять противъ этого столь подлиннаго доказательства. Одни только военные люди не переряжены подобнымъ образомъ, потому что ихъ дѣйствительное назначеніе болѣе внушительно: оно основано на силѣ, а не на притворствѣ.

Точно также наши короли не прибѣгаютъ къ этимъ переряживаньямъ: они не замаскировываются въ необыкновенную одежду, чтобы казаться королями. Но зато ихъ сопровождаютъ тѣлохранители, алебарды: этотъ вооруженный людъ, руки и сила котораго предназначены исключительно для королей, трубы и барабаны, предшествующіе имъ, легіоны, ихъ окружающіе,—все это заставляетъ трепетать даже наиболѣе твердыхъ. У нихъ не одна одежда, но и сила. Нужно имѣть очень просвѣщенный умъ, чтобы видѣть просто человѣка въ султанѣ, окруженномъ, въ своемъ пышномъ сералѣ, сорока тысячами янычаръ.

Если бы судьи обладали истиннымъ правосудіемъ, врачи истиннымъ искусствомъ лѣчить, то не зачѣмъ имъ было бы носить шапочекъ съ четыреугольнымъ дномъ и т. п.: величіе ихъ знаній было бы само по себѣ достаточно почтеннымъ.

Но имѣя только воображаемыя знанія, они должны прибѣгать къ этимъ пустымъ средствамъ, поражающимъ воображеніе, съ которымъ они имѣютъ дѣло; такимъ путемъ они, дѣйствительно, пріобрѣтаютъ себѣ почетъ.

Мы не можемъ видѣть адвоката въ сутанѣ и съ шапочкой на головѣ—и не составить выгоднаго мнѣнія о его достоинствѣ.

Воображеніе распоряжается всѣмъ; оно создаетъ красоту, справедливость, счастье, которое есть все въ мірѣ. Мнѣ отъ всей души хотѣлось бы видѣть одну итальянскую книгу,—я знаю только ея заглавіе, которое одно стоитъ многихъ книгъ: *Della opinione regina del mondo**). Подписываюсь подъ ней—и не зная ея—и одобряю все, кромѣ дурного, если оно есть.

Вотъ приблизительно результаты этой обманывающей насъ способности, которая дана намъ какъ бы нарочно для того,

---

*) *О людскомъ мнѣніи, царящемъ въ мірѣ.*

чтобы вводить насъ въ неизбѣжное заблужденіе. Есть и другія причины заблужденія.

Насъ способны обманывать не одни только прежнія впечатлѣнія; прелести новизны имѣютъ такую же власть. Отсюда-то происходятъ всѣ распри между людьми, которые упрекаютъ другъ друга то въ слѣпомъ подчиненіи ложнымъ впечатлѣніямъ дѣтства, то въ безразсудной погонѣ за новостями. Кто занимаетъ золотую середину? Пусть онъ явится и докажетъ это. Нѣтъ почти принципа, какъ бы естественъ онъ ни былъ, даже если онъ усвоенъ съ дѣтства, который нельзя было бы выдать за ложное впечатлѣніе, обусловленное то образованіемъ, то обманомъ чувствъ. „Такъ какъ вы съ дѣтства вѣрили", говорятъ намъ, „что ящикъ пустъ, если въ немъ ничего не видите, то вы привыкли вѣрить въ возможность пустоты; но это иллюзія чувствъ вашихъ, укоренившаяся въ силу привычки: наука должна исправить это заблужденіе". А другіе говорятъ: „Вамъ въ школѣ говорили, что нѣтъ пустоты, и этимъ испортили ваше непосредственное чувство, которое такъ ясно понимало пустоту, пока не подвергалось этому дурному вліянію. Исправьте жевашедурное чувство—вернитесь къ первоначальной своей природѣ". Кто же, послѣ этого, обманываетъ, чувства или образованіе?

Есть и еще причины заблужденія, это — болѣзни. Онѣ искажаютъ сужденіе наше и чувства; и если тяжелыя болѣзни вредятъ намъ чувствительно, то я не сомнѣваюсь, что незначчтельныя тоже оказываютъ соотвѣтственное вліяніе.

Нашъ собственный интересъ также служитъ чудеснымъ средствомъ для пріятнаго отвода глазъ. Самому справедливому въ мірѣ человѣку нельзя быть судьею въ своемъ дѣлѣ; я знаю людей, которые, чтобы не впасть въ подобное самообольщеніе, оказывались самыми несправедливыми. въ обратномъ смыслѣ; если бы имъ близкіе родственники поручили вполнѣ правое дѣло, они—смѣло можно сказать—проиграли бы его. Справедливость и истина—это два столь тонкія острія, что наши инструменты слишкомъ грубы для нихъ и не могутъ дѣйствовать съ надлежащею точностью: прикасаясь, они сплющиваютъ остріе и опираются на всю плоскость—скорѣе на ложное, чѣмъ на истинное.

II.

Важнѣйшая въ жизни вещь—это выборъ занятія: случай руководитъ этимъ выборомъ. Привычка создаетъ каменщиковъ, солдатъ, кровельщиковъ. Указывая на кровельщика, говорятъ: „вотъ превосходный кровельщикъ“; о солдатахъ отзываются: „это совершенные глупцы“; другіе, напротивъ, толкуютъ: „нѣтъ ничего великаго, кромѣ войны, остальные люди все бездѣльники“. И вотъ, слыша въ дѣтствѣ, какъ хвалятъ одни занятія и презираютъ всѣ другія, люди дѣлаютъ выборъ: ибо естественно, что они любятъ добродѣтель и ненавидятъ безуміе. Слова „добродѣтель“ и „безуміе“ насъ трогаютъ; но мы здѣсь совсѣмъ не у мѣста примѣняемъ ихъ. Сила привычки столь велика, что изъ тѣхъ, которыхъ природа создала только людьми, выходятъ всевозможные спеціалисты; есть мѣстности, гдѣ всѣ—каменщики, въ другихъ всѣ—солдаты и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что природа не столь однообразна. Слѣдовательно, причина этому—привычка, ибо она принуждаетъ природу; иной разъ, впрочемъ, природа беретъ верхъ и удерживаетъ человѣка при его инстинктѣ, несмотря ни на какую привычку, будь она хороша или дурна.

III.

Наше воображеніе настолько раздвигаетъ для насъ предѣлы настоящаго времени (такъ какъ сюда именно относятся постоянныя наши размышленія) и настолько уменьшаетъ вѣчность (такъ какъ о ней мы и не помышляемъ), что изъ вѣчности мы дѣлаемъ ничто, а изъ ничего вѣчность; и все это имѣетъ столь глубокіе корни въ насъ, что весь нашъ разумъ не можетъ насъ отъ этого уберечь.

IV

На чемъ человѣку основать порядокъ въ мірѣ, которымъ онъ хочетъ управлять? На капризѣ каждаго частнаго лица? Но какой безпорядокъ тогда былъ бы! На справедливости? Но человѣкъ не знаетъ ея.

Если бы онъ зналъ ее, то, конечно, онъ не установилъ бы этого наиболѣе общаго изъ всѣхъ, какія только есть между

людьми, правила, чтобы каждый слѣдовалъ нравамъ своей страны; свѣтъ истинной правды подчинилъ бы себѣ всѣ народы и законодатели не брали бы за образецъ, вмѣсто этой постоянной справедливости, фантазій и капризовъ у персовъ и нѣмцевъ. Эта справедливость процвѣтала бы во всѣхъ государствахъ міра и во всѣ времена, тогда какъ теперь все почти, что мы называемъ справедливымъ или несправедливымъ, съ перемѣною климата мѣняетъ свое качество. Поднятіе къ полюсу на три градуса широты ставитъ вверхъ дномъ всю юриспруденцію! Меридіаномъ опредѣляютъ истину; въ нѣсколько лѣтъ измѣняются основные законы; право имѣетъ свои эпохи. Вхожденіе Сатурна въ созвѣздіе Льва отмѣчаетъ намъ зарожденіе такого-то преступленія. Забавна справедливостъ, которую ограничиваетъ какая-нибудь рѣка! Что—истина по сю сторону Пиренеевъ, то—заблужденіе по ту сторону.

Люди заявляютъ, что справедливость—не въ этихъ привычкахъ, но что она лежитъ въ естественныхъ законахъ, извѣстныхъ во всякой странѣ. Конечно, имъ можно было бы упорно поддерживать свое мнѣніе, если бы при той слѣпой случайности, которая сѣяла человѣческіе законы, мы хоть бы разъ повстрѣчали такой законъ, который былъ бы всеобщимъ; но какъ бы въ насмѣшку, капризы людей столь различны, что такого закона нѣтъ ни одного.

Воровство, кровосмѣшеніе, дѣтоубійство, отцеубійство—все это занимаетъ свое мѣсто въ ряду добродѣтельныхъ дѣйствій. Можетъ ли что-нибудь быть нелѣпѣе факта, что такой-то человѣкъ въ правѣ убить меня, потому что онъ живетъ по ту сторону воды и его государь въ ссорѣ съ моимъ, хотя я никакой не имѣю съ нимъ ссоры?

Есть, несомнѣнно, естественные законы; но нашъ прекрасный разумъ, подвергшись порчѣ, все испортилъ. Nihil amplius nostrum est; quod nostrum dicimus, artis est.—Ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur.—Ut olim vitiis, sic nunc legibus laboramus*).

*) Ничего ужъ нѣтъ въ нашей природѣ нашего; а что мы называемъ нашимъ—то искусственно.—Преступленія возникаютъ изъ сенатскихъ и народныхъ рѣшеній.—Какъ нѣкогда мы страдали пороками, такъ теперь страдаемъ законами.

Результатомъ этого затемнѣнія является то, что одинъ сущностью справедливости считаетъ авторитетъ законодателя, другой—выгоду верховной власти, третій—настоящую привычку, и послѣдній судитъ вѣрнѣе всего: ничто не бываетъ само по себѣ справедливо, въ силу одного разума; все со временемъ рушится. Привычка создаетъ все правосудіе съ помощью того лишь разума, который въ ней заключается; это и есть таинственное основаніе ея авторитета. Кто доискивается до ея основанія, тотъ ее уничтожаетъ. Ничто не бываетъ столь ошибочно, какъ тѣ законы, которые исправляютъ ошибки; кто имъ повинуется потому, что они справедливы, тотъ повинуется воображаемой справедливости, а не сущности закона; законъ весь сосредоточенъ въ самомъ себѣ, онъ—законъ и ничего больше. Кто пожелаетъ изслѣдовать его мотивы, тотъ найдетъ ихъ столь слабыми и ничтожными, что, если онъ еще не привыкъ созерцать чудесъ человѣческаго воображенія, онъ съ удивленіемъ увидитъ, что всю эту помпу и поклоненіе законъ пріобрѣлъ въ одинъ вѣкъ.

Искусство потрясать и низвергать государства есть искусство потрясать установившіяся привычки, зондируя ихъ до перваго источника, съ цѣлью указать отсутствіе въ нихъ справедливости. Нужно, говорятъ, возвратиться къ основнымъ и первичнымъ законамъ государства, которые уничтожила несправедливая привычка. Но это вѣрная игра, чтобы все потерять; все окажется несправедливымъ съ этой точки зрѣнія. Конечно, народъ охотно слушаетъ подобныя рѣчи. Онъ свергаетъ иго, лишь только замѣчаетъ его, а знать пользуется его паденіемъ и гибелью этихъ любознательныхъ изслѣдователей принятыхъ привычекъ. Но бываетъ и противоположная ошибка: люди иногда вѣрятъ, что съ помощью справедливости можно сдѣлать все то, чему есть примѣры. Мудрѣйшій изъ законодателей говорилъ, что для блага людей часто нужно ихъ заманивать въ ловушку *); другой **), хорошій политикъ, говоритъ: „Такъ какъ народъ не знаетъ той истины, съ помощью которой онъ могъ бы освободиться, то выгодно, чтобы онъ былъ въ об-

*) Платонъ въ сочиненіи: *О государствѣ*.

**) Варронъ, цитируемый св. Августиномъ, въ соч.: De civitate Dei.

мнѣ". Не зачѣмъ ему, значитъ, чувствовать истины въ фактѣ узурпаціи; нѣкогда она произошла безъ всякаго основанія, потомъ она стала имѣть разумную основу; нужно заставить смотрѣть на нее, какъ на исконную и вѣчную, и прятать ея начало, если кто не хочетъ положить ей скорый конецъ.

V.

Умъ человѣка, этого верховнаго судьи міра, не настолько независимъ, чтобы не подвергаться смущенію при первомъ шумѣ, который произойдетъ около него. Не нужно грохота пушки для того, чтобы помѣшать его мыслямъ; достаточно шума флюгера или блока. Не удивляйтесь, если теперь онъ не очень основателенъ въ сужденіяхъ: это муха жужжитъ у него надъ ухомъ, этого достаточно, чтобы сдѣлать его неспособнымъ принять хорошее рѣшеніе. Если вы хотите, чтобы онъ могъ найти истину, прогоните это животное, которое мѣшаетъ ему и сбиваетъ этотъ могущественный умъ, управляющій городами и государствами. Забавный же это богъ! O ridicolosissimo eroe! *)

VI.

Монтэнь правъ; привычкѣ должно слѣдовать съ тѣхъ поръ, какъ она стала привычкой и прочно установилась, не задаваясь вопросомъ, разумна ли она или нѣтъ; само собою разумѣется, что въ ней не должно быть ничего противнаго естественному или божескому праву **). Но народъ слѣдуетъ ей на томъ только основаніи, что считаетъ ее справедливой; въ противномъ случаѣ, онъ не слѣдовалъ бы, хотя бы она была уже привычкой, ибо люди хотятъ подчиняться только разуму или справедливости. Безъ этого условія привычка считалась бы тираніей, но власть разума и справедливости не менѣе тиранична, чѣмъ власть наслажденія: все это естественныя въ человѣкѣ начала.

---

*) Какой смѣшной герой!

**) Это редакція, предложенная Боссю. Въ рукописяхъ читаемъ: „Монтэнь не правъ: привычкѣ нужно слѣдовать лишь потому, что она есть привычка, а не потому, что она разумна или справедлива".

Итакъ, хорошо было бы повиноваться законамъ и привычкамъ, потому что онѣ—тѣ же законы, и знать, что истинной и справедливой привычки нельзя и ввести, что это намъ совершенно неизвѣстно и что такимъ образомъ приходится слѣдовать лишь привычкамъ усвоеннымъ; при такомъ условіи, мы никогда бы ихъ не покинули. Но народъ не воспріимчивъ къ такой доктринѣ. Такъ какъ онъ полагаетъ, что истину можно найти и что она заключается въ законахъ и привычкахъ, то онъ вѣритъ въ нихъ и принимаетъ ихъ древность за доказательство ихъ истинности, хотя ихъ авторитетъ не имѣетъ ничего общаго съ истиной. Поэтому-то онъ имъ повинуется; но онъ тотчасъ же возмущается, лишь только ему покажутъ, что они не стоютъ ничего; а это можно сдѣлать относительно всѣхъ ихъ, если смотрѣть на нихъ съ извѣстной стороны.

Опасно говорить народу, что законы несправедливы, ибо онъ повинуется имъ только въ силу того, что считаетъ ихъ справедливыми. Наоборотъ, нужно твердить ему, что повиноваться законамъ слѣдуетъ потому, что они суть законы, все равно какъ властямъ нужно повиноваться не потому, что онѣ справедливы, но потому что онѣ — власти. Такимъ путемъ можно предупредить всякое возстаніе, если народъ пойметъ это; это собственно и есть опредѣленіе справедливости.

VII.

Между дѣйствіями воли и всякими другими есть постоянная и существенная разница.

Воля есть одинъ изъ главныхъ органовъ вѣры; это не оттого, что она создаетъ вѣру, а оттого, что вещи бываютъ истинны или ложны, смотря по тому, съ какой стороны на нихъ смотрятъ. Воля, которой одна сторона больше нравится, чѣмъ другая, отклоняетъ умъ отъ размышленія о свойствахъ той стороны, на которую она не любитъ смотрѣть; такимъ образомъ умъ, идя вслѣдъ за волею, останавливается передъ стороной, которая нравится волѣ, и судитъ о предметѣ по тому, что видитъ въ немъ.

VIII.

Воображеніе, вслѣдствіе фантастической оцѣнки, малые предметы до такой степени преувеличиваетъ, что цѣликомъ наполняетъ ими нашу душу; а великіе предметы оно, по безразсудной заносчивости, уменьшаетъ до своей мѣрки, какъ это бываетъ, когда говорятъ о Богѣ.

IX.

Что такое наши природныя начала, какъ не тѣ, къ которымъ мы привыкли? И въ дѣтяхъ не тѣ ли это начала, которыя они получили отъ привычки ихъ отцовъ, какъ это бываетъ, напр., съ инстинктомъ ловить добычу у животныхъ?

Различныя привычки дадутъ въ результатѣ различныя природныя начала. Это видно изъ опыта. Но если есть природныя начала, неизгладимыя привычкою, то есть и привычки, идущія противъ природы, которыхъ не изгладитъ ни природа, ни другая привычка. Это зависитъ отъ наклонности.

Отцы боятся, какъ бы не изсякла природная любовь въ ихъ дѣтяхъ. Что же это за природа, если она можетъ изсякнуть? Привычка—вторая природа, которая разрушаетъ первую. Почему привычку мы не считаемъ природною? Я боюсь, какъ бы самая природа не оказалась лишь первою привычкою, подобно тому, какъ привычка бываетъ второю природою.

X.

Если бы намъ снилось каждую ночь все одно и то же, то это сновидѣніе производило бы на насъ такое же впечатлѣніе, какое производятъ предметы, ежедневно видимые. Если бы ремесленникъ былъ увѣренъ, что каждую ночь, по двѣнадцати часовъ сряду, ему будетъ сниться, что онъ король, то, я думаю, онъ былъ бы почти такъ же счастливъ, какъ король, которому снилось бы каждую ночь, по двѣнадцати часовъ сряду, что онъ ремесленникъ. Если бы намъ снилось всякую ночь, что насъ преслѣдуютъ непріятели, что мы, тревожимые по ночамъ этими тяжелыми видѣніями, всѣ дни проводимъ въ разнообразныхъ занятіяхъ, какъ это бываетъ, напр., при путешествіи, то мы страдали бы не ме-

нѣе, чѣмъ если бы все это было на яву, и такъ же боялись бы спать, какъ боимся пробужденія, когда въ дѣйствительности насъ ожидаютъ подобныя бѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, сонъ, въ такомъ случаѣ, приносилъ бы почти тѣ же мученія, какъ дѣйствительность. Но такъ какъ сновидѣнія различны и даже одинъ и тотъ же сонъ видоизмѣняется, то видѣнное во снѣ менѣе производитъ на насъ впечатлѣнія, чѣмъ видимое на яву; это зависитъ отъ непрерывности послѣдняго, которая однако жъ не настолько сплошна и безусловна, чтобы вовсе не измѣняться: она измѣняется, но не часто и менѣе рѣзко; она измѣняется такъ, какъ это бываетъ, напр., во время путешествія; и вотъ тогда мы говоримъ: „мнѣ такъ и кажется, что я вижу во снѣ“; ибо жизнь — это сновидѣніе, только болѣе постоянное.

XI.

Мы предполагаемъ, что всѣ постигаютъ вещи одинаковымъ образомъ, но такое предположеніе очень неосновательно; мы не имѣемъ никакого доказательства этому. Я хорошо знаю, что одни и тѣ же слова употребляютъ въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и что всякій разъ, какъ два человѣка видятъ, что тѣло перемѣняетъ мѣсто, оба они выражаютъ видѣнное однимъ и тѣмъ же словомъ, говоря, что предметъ подвинулся; а изъ этого сходства выраженія можно извлечь сильную догадку о сходствѣ идеи; но это не безусловно убѣдительно, это не крайняя степень убѣжденія,— хотя тутъ можно держать пари, что это такъ; — вѣдь извѣстно, что одни и тѣ же слѣдствія возникаютъ часто изъ различныхъ предположеній.

Этого достаточно, чтобы запутать, по крайней мѣрѣ, дѣло. Правда, все это не погашаетъ окончательно природнаго свѣта, который дѣлаетъ насъ увѣренными въ подобнаго рода вещахъ,—въ противномъ случаѣ, выиграли бы академики *); но это помрачаетъ его и смущаетъ догматистовъ, это на руку коварному замыслу пирронистовъ, уче-

*) Философы скептической школы, носившей названіе „Новая академія“. По ихъ мнѣнію, вовсе ничего нельзя знать. Пирронисты же утверждали, что они не знаютъ, можно ли знать или нѣтъ.

ніе которыхъ состоитъ въ двойномъ сомнѣніи—въ той двусмысленной неизвѣстности, у которой наши сомнѣнія не могутъ отнять всего свѣта, а нашъ природный свѣтъ не можетъ разсѣять всего мрака.

XII.

Когда мы видимъ, что такое-то дѣйствіе происходитъ всегда одинаково, то мы заключаемъ отсюда объ его естественной необходимости, что оно, напр., и завтра будетъ и послѣзавтра; но часто природа насъ обманываетъ и не подчиняется своимъ собственнымъ правиламъ.

XIII.

Противорѣчіе — плохой показатель истины. Иныя несомнѣнныя вещи противорѣчивы, а иныя ложныя не заключаютъ въ себѣ противорѣчія: противорѣчіе не служитъ признакомъ ложности, и отсутствіе противорѣчія не служитъ признакомъ истины.

XIV.

Свѣтъ хорошо судитъ о вещахъ, ибо онъ находится въ природномъ невѣдѣніи, которое является истиннымъ состояніемъ человѣка. Знаніе имѣетъ два предѣла, касающіеся другъ друга: первый—это чистое природное незнаніе, въ которомъ находятся всѣ люди при рожденіи. Другой предѣлъ это тотъ, до котораго доходятъ великія души, которыя, извѣдавъ все, что человѣку можно знать, находятъ, что онѣ ничего не знаютъ, и встрѣчаются съ тѣмъ самымъ незнаніемъ, отъ котораго онѣ отправились. Но это уже умное незнаніе, сознающее себя. А тѣ стоящіе по серединѣ люди, которые вышли изъ естественнаго незнанія и не могли дойти до незнанія другого рода, только съ виду кажутся знающими, только съ виду сходятъ за умниковъ. Они-то смущаютъ міръ и обо всемъ дурно судятъ. Народъ и образованные люди даютъ ходъ міру, а тѣ его презираютъ и сами презираемы. Они судятъ обо всемъ дурно, а свѣтъ правильно судитъ о нихъ.

XV.

Человѣкъ полонъ заблужденія, природнаго и неизгладимаго безъ помощи благодати. Ничто не указываетъ ему на истину;

все его обманываетъ.. Разумъ и чувства, эти двѣ основы истины, кромѣ того, что каждому изъ нихъ недостаетъ искренности, обманываютъ и взаимно другъ друга. Чувства обманываютъ разумъ ложною внѣшностью; въ свою очередь, и они вводятся въ обманъ разумомъ, онъ отплачиваетъ за это. Душевныя страсти разстраиваютъ дѣятельность чувствъ и даютъ имъ ложныя впечатлѣнія. Онѣ лгутъ и наперерывъ обманываютъ другъ друга.

XVI.

Больше всего меня удивляетъ то, что никто не удивленъ своею слабостью. Люди дѣйствуютъ серьезно и каждый исполняетъ свое назначеніе не потому, что дѣйствительно хорошо исполнять его, но потому, что это въ модѣ: какъ будто каждый несомнѣнно знаетъ, гдѣ разумность и справедливость. Люди оказываются обманутыми ежечасно и въ силу какого-то забавнаго смиренія думаютъ, что это ихъ ошибка, а не ошибка того искусства, которымъ они постоянно хвастаются. Но хорошо, что въ мірѣ есть столько людей, которые не станутъ пирронистами, для того только, чтобы въ угоду пирронизму показать, что человѣкъ способенъ на самыя сумасбродныя мнѣнія, потому что онъ, съ другой стороны, способенъ вѣрить, что онъ не подверженъ этой природной и неизбѣжной слабости, что онъ, напротивъ, обладаетъ природной мудростью.

Ничѣмъ такъ не подкрѣпляется пирронизмъ, какъ тѣмъ, что есть люди, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать пирронистами; если бы всѣ были пирронистами, то пирронизмъ былъ бы не правъ.

XVII.

Это ученіе больше подкрѣпляется его врагами, чѣмъ друзьями; ибо слабость человѣка, по-видимому, гораздо болѣе присуща тѣмъ, которые не сознаютъ ея, чѣмъ тѣмъ, которые сознаютъ ее.

Если человѣкъ слишкомъ молодъ, онъ судитъ неправильно; если онъ слишкомъ старъ—то же самое; если онъ недостаточно поразмыслилъ, — результатъ опять тотъ же;

если онъ слишкомъ много размышлялъ — онъ черезчуръ вбиваетъ себѣ въ голову и становится упрямымъ. Если онъ обдумываетъ свой трудъ тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ его, онъ еще вполнѣ предубѣжденъ; если обратится къ нему слишкомъ много спустя послѣ окончанія, онъ уже не можетъ вникнуть въ него. То же бываетъ и съ картинами, если на нихъ смотрѣть слишкомъ издалека или слишкомъ вблизи; есть только одна точка, съ которой нужно смотрѣть; всѣ другія лежатъ слишкомъ близко или слишкомъ далеко, слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Въ живописи эту точку отмѣчаетъ перспектива, а кто отмѣтитъ ее въ истинѣ и въ нравственности?

XVIII.

Кто безпорядочно ведетъ жизнь, тотъ о людяхъ, придерживающихся порядка, говоритъ, что они удаляются отъ природы, а о себѣ думаетъ, что онъ слѣдуетъ ей: точно такъ же, кто плыветъ на кораблѣ, тотъ о людяхъ, стоящихъ на берегу, думаетъ, что они бѣгутъ. Языкъ обоюдуостръ. Нужно имѣть опредѣленную точку опоры, чтобы судить. Гавань разубѣдитъ тѣхъ, кто на кораблѣ; а гдѣ намъ взять такую точку въ области нравственности?

ГЛАВА V.

Безпокойство человѣка. — Занятія и развлеченія.

I.

Мы никогда не держимся настоящаго времени. Мы предупреждаемъ будущее, какъ будто оно идетъ слишкомъ медленно, какъ будто мы хотимъ ускорить его теченіе, или зовемъ назадъ прошедшее, чтобы остановить его, какъ будто оно слишкомъ поспѣшно ушло: мы столь неблагоразумны, что блуждаемъ во временахъ, которыя не въ нашемъ распоряженіи, и нисколько не думаемъ о томъ одномъ, которое принадлежитъ намъ; мы столь пусты, что помышляемъ о томъ, чего нѣтъ вовсе, и оставляемъ безъ размышленія единственную вещь, которая существуетъ. Обыденное настоящее насъ да-

витъ. Мы скрываемъ его отъ нашихъ глазъ, потому что оно насъ печалитъ; если оно намъ пріятно, мы сожалѣемъ, что оно ускользаетъ. Мы стараемся поддержать его будущимъ и думаемъ, какъ бы устроить дѣла, которыя еще не въ нашей власти, на то время, въ наступленіи котораго мы не имѣемъ никакой увѣренности.

Пусть каждый разберетъ свои мысли, и окажется, что онъ всегда занятъ прошлымъ и будущимъ. Мы почти не думаемъ о настоящемъ, а если и думаемъ, то только для того, чтобы освѣтить имъ наше будущее. Настоящее никогда не служитъ нашею цѣлью; прошедшее и настоящее служатъ намъ средствами; одно только будущее бываетъ нашею цѣлью. Такимъ образомъ мы никогда не живемъ, мы только надѣемся жить; а такъ какъ мы вѣчно готовимся быть счастливыми, то неизбѣжно выходитъ, что мы никогда не бываемъ счастливы.

II.

Людей съ дѣтства обременяютъ заботами о ихъ чести и добрѣ, а также о добрѣ и чести ихъ друзей. Ихъ заваливаютъ дѣлами, изученіемъ языковъ и наукъ, имъ внушаютъ, что они могутъ быть счастливы лишь въ томъ случаѣ, если здоровье, честь, имущество ихъ самихъ и ихъ друзей будетъ въ благопріятномъ положеніи, что недостатокъ хоть одной изъ этихъ вещей сдѣлаетъ ихъ несчастными. Ихъ надѣляютъ обязанностями и дѣлами, которыя ежедневно мучаютъ ихъ, съ самаго разсвѣта. „Странный, скажете вы, способъ дѣлать ихъ счастливыми! Не скорѣе ли всего они станутъ послѣ этого несчастными?“ Но какъ же поступить? Да стоитъ отнять у нихъ всѣ эти заботы... Тогда они увидятъ самихъ себя, задумаются надъ тѣмъ, что они такое, откуда пришли, куда идутъ.

Но занять ихъ этимъ и отвратить отъ заботъ не такъ-то легко... Поэтому-то, наготовивши имъ столько дѣлъ, если у нихъ есть еще время для отдыха, имъ совѣтуютъ употребить его на развлеченія, на игру, совѣтуютъ постоянно и всецѣло занимать самихъ себя.

Всякій разъ, какъ я погружался въ размышленія о различныхъ тревогахъ людей, объ опасностяхъ и трудахъ, ко-

торымъ они подвергаются при дворѣ, на войнѣ, отъ которыхъ происходитъ столько ссоръ, страстей, дерзкихъ и часто дурныхъ затѣй, то я приходилъ къ заключенію, что всѣ несчастія людей происходятъ отъ одной причины, — оттого, что они не умѣютъ спокойно оставаться у себя въ комнатѣ. Человѣкъ, имѣющій достаточно средствъ для жизни, если бы умѣлъ жить дома съ удовольствіемъ, не выходилъ бы изъ дому, чтобы плавать по морю или осаждать крѣпость. Онъ только потому столь дорого покупаетъ должность въ арміи, что находитъ невыносимымъ не трогаться изъ города; онъ ищетъ общества и развлеченія въ игрѣ только потому, что не находитъ удовольствія оставаться дома.

Но когда я вдумался глубже, когда я, нашедши причину всѣхъ нашихъ несчастій, захотѣлъ открыть ея основаніе, то пришелъ къ выводу, что у ней есть существенное основаніе: это—наше природное несчастное положеніе: мы слабы и смертны, мы столь жалки, что ничто не можетъ насъ утѣшить, когда мы станемъ ближе вдумываться въ это положеніе.

Въ какомъ бы состояніи мы ни представили себѣ человѣка, если бы мы собрали для него всѣ блага, которыя могутъ намъ принадлежать, если бы мы вообразили его царемъ—а это самый лучшій въ мірѣ постъ—и при этомъ надѣлили бы его всѣми утѣхами, которыя могутъ его манить, все-таки это тихое счастье не поддержало бы его силъ—если бы его не развлекали, если бы дали ему возможность разсмотрѣть и обдумать, что онъ такое; онъ неизбѣжно упалъ бы духомъ передъ тѣмъ, что ему угрожаетъ, передъ возмущеніями, которыя могутъ произойти, передъ смертью и болѣзнями, которыя неизбѣжны; выходитъ, что, если бы не было такъ называемыхъ развлеченій, этотъ царь былъ бы несчастенъ, и притомъ несчастнѣе послѣдняго изъ его подданныхъ, который предается игрѣ и развлеченіямъ.

Поэтому-то люди такъ стремятся къ игрѣ, обществу женщинъ, войнѣ, великимъ подвигамъ. Это не значитъ, что въ этомъ и въ самомъ дѣлѣ заключается счастье или что люди воображаютъ, будто истинное блаженство въ деньгахъ, которыя можно выиграть, или въ зайцѣ, за которымъ охотятся. Такого блаженства они не захотѣли бы, если бы кто пред-

ложилъ. Ищутъ не тихаго и кроткаго занятія, которое даетъ намъ возможность думать о нашемъ несчастномъ положеніи, ищутъ не опасностей войны или трудности подвиговъ, а той сутолоки, которая насъ отвращаетъ отъ мысли о нашемъ несчастномъ положеніи и развлекаетъ насъ.

Оттого-то люди такъ любятъ шумъ и движеніе; оттого тюрьма служитъ такимъ ужаснымъ наказаніемъ; оттого прелесть уединенія для нихъ является непостижимою вещью. Самой важной, наконецъ, причиной счастья въ положеніи королей бываетъ то обстоятельство, что ихъ непрестанно стараются развлекать и доставлять имъ всевозможные роды удовольствій. Король окруженъ людьми, которые только и думаютъ, какъ бы развлечь его, и мѣшаютъ ему подумать о себѣ. Ибо онъ несчастливъ, хотя онъ и король, если думаетъ объ этомъ.

Вотъ все, что люди могли придумать для того, чтобы сдѣлать себя счастливыми. Кто выдаетъ себя въ этомъ за философа и думаетъ, что слишкомъ неразумно проводить цѣлый день на охотѣ за зайцемъ, котораго не захочешь даже купить, тотъ почти не знаетъ нашей природы. Купленный заяцъ не избавилъ бы насъ отъ вида смерти и несчастій, насъ окружающихъ, а охота избавляетъ. Такимъ образомъ, когда подобныхъ людей упрекаютъ, что вѣдь ихъ не можетъ удовлетворить тотъ предметъ, котораго они съ такимъ жаромъ добиваются, то они совершенно приперли бы къ стѣнѣ своихъ противниковъ, если бы отвѣтили имъ (какъ и слѣдовало отвѣтить, разъ они, хорошо подумали), что они ищутъ въ этомъ только сильной и кипучей дѣятельности, которая отвратила бы ихъ отъ размышленій о себѣ, и что для этого они и ставятъ своею цѣлью привлекательный предметъ, который ихъ обольщаетъ и съ силой влечетъ къ себѣ. Но они не даютъ такого отвѣта, потому что не знаютъ самихъ себя; они не знаютъ, что они ищутъ охоты только, а не добычи.

Люди воображаютъ, что, если бы они получили такую-то должность, то потомъ съ удовольствіемъ отдохнули бы, и не чувствуютъ, что ихъ желанія ненасытны. Они думаютъ,

что искренно ищутъ покоя, а на самомъ дѣлѣ ищутъ только волненія.

Они имѣютъ тайный инстинктъ, заставляющій ихъ искать развлеченія и занятія внѣ себя; инстинктъ этотъ беретъ начало отъ сознанія постоянныхъ горестей; они имѣютъ и другой тайный инстинктъ, который, будучи остаткомъ величія нашей первоначальной природы, заставляетъ ихъ сознавать, что счастье въ дѣйствительности заключается только въ покоѣ, а не въ тревогѣ; изъ этихъ двухъ противоположныхъ инстинктовъ образуется въ нихъ особое чувство *), которое, скрываясь изъ виду въ глубинѣ ихъ души, заставляетъ ихъ стремиться къ покою съ помощью волненія и постоянно воображать, что они получатъ удовлетвореніе, котораго не имѣютъ, если, преодолѣвши трудности, имъ представляющіяся, откроютъ себѣ такимъ образомъ доступъ къ покою.

Такъ протекаетъ вся жизнь. Покоя ищутъ въ борьбѣ съ препятствіями; а если препятствія устранены, покой становится невыносимымъ, ибо тогда думаютъ то о настоящихъ бѣдствіяхъ, то объ угрожающихъ. Если бы даже человѣкъ увидѣлъ себя достаточно защищеннымъ со всѣхъ сторонъ, тоска не замедлила бы собственною властью выйти изъ глубины его сердца, гдѣ она отъ природы коренится, и наполнить душу его своимъ ядомъ.

Совѣтъ, данный Пирру,—именно предаться отдыху, котораго онъ искалъ съ такими усиліями, заключалъ въ себѣ много трудностей.

Человѣкъ столь несчастенъ, что скучаетъ даже безъ всякой причины, въ силу своего собственнаго нрава; съ другой стороны, онъ столь пустъ, что, имѣй онъ тысячу существенныхъ причинъ для скуки, малѣйшей вещи, напр., бильярда или мяча, который онъ пускаетъ, достаточно, чтобы его развлечь.

Но для чего же такъ хлопочетъ онъ? скажете вы. А чтобы завтра похвастаться между друзьями, что онъ игралъ лучше кого-нибудь другого. Иной потѣетъ въ кабинетѣ, чтобы показать ученымъ, что онъ рѣшилъ алгебраическій вопросъ, котораго не могли рѣшить до тѣхъ поръ; многіе другіе подвергаются крайнимъ опасностямъ, чтобы потомъ хвас-

*) Въ текстѣ: projet—„предначертаніе“.

таться взятіемъ крѣпости, что также глупо, по моему мнѣнію. Наконецъ иные изнуряютъ себя, чтобы замѣтить всѣ эти вещи, и дѣлаютъ это не для того, чтобы стать умнѣе, но лишь для того, чтобы показать, что они знаютъ; послѣдній сортъ людей глупѣе всего, потому что они знаютъ, какъ это глупо, тогда какъ о другихъ можно думать, что, если бы они обладали подобнымъ знаніемъ, то не были бы такими.

Иной человѣкъ проводитъ жизнь безъ скуки, играя каждый день по маленькой. Давайте ему каждое утро столько денегъ, сколько онъ можетъ выиграть въ продолженіе дня, съ условіемъ, чтобы онъ не игралъ,—и вы сдѣлаете его несчастнымъ. Скажутъ, можетъ-быть, что онъ ищетъ въ игрѣ не выигрыша, а забавы. Ну такъ заставьте его играть безъ денежнаго интереса: онъ не придетъ въ возбужденіе, онъ заскучаетъ. Не забавы одной, значитъ, онъ ищетъ; забава тихая и безстрастная ему наскучитъ. Нужно, чтобы онъ разгорячался, чтобы обманывалъ самого себя, воображая, что онъ былъ бы счастливъ, выигравши то, чего онъ не захотѣлъ бы взять, если бы ему давали съ условіемъ не играть, нужно, чтобы онъ создалъ себѣ предметъ страсти и возбуждалъ имъ въ себѣ желанія, гнѣвъ, страхъ, подобно тому, какъ дѣти пугаются намазаннаго ими самими лица.

Почему это человѣкъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ потерялъ единственнаго сына и, будучи заваленъ процессами и жалобами, сегодня еще утромъ былъ въ такой тревогѣ, теперь уже и не думаетъ о своемъ положеніи? Не удивляйтесь: онъ весь занятъ ожиданіемъ, гдѣ пробѣжитъ кабанъ, котораго его собаки вотъ уже часовъ шесть преслѣдуютъ съ такимъ жаромъ. Ему ничего больше не нужно. Какъ бы ни былъ человѣкъ полонъ печали, если можно только убѣдить его принять участіе въ какомъ-нибудь развлеченіи,—онъ за это время счастливъ; наоборотъ, какъ бы счастливъ ни былъ человѣкъ, если онъ не развлеченъ и не занятъ какою-нибудь страстью или забавой, которая мѣшаетъ развиваться скукѣ, онъ скоро будетъ печаленъ и несчастливъ. Безъ развлеченія нѣтъ радости, съ развлеченіемъ нѣтъ печали. Счастье лицъ высокаго положенія тоже основывается на томъ, что у нихъ очень много людей, которые ихъ раз-

влекаютъ, и что они имѣютъ возможность постоянно оставаться въ подобномъ пріятномъ состояніи.

Что значитъ быть суперинтендантомъ, канцлеромъ, президентомъ? Это значитъ имѣть въ своемъ распоряженіи большое число людей, которые собираются со всѣхъ сторонъ, чтобы не оставить тебѣ изъ цѣлаго дня ни одного часу, въ который ты могъ поразмыслить о самомъ себѣ? И когда эти важныя лица впадаютъ въ немилость, когда ихъ отсылаютъ въ ихъ деревенскіе дома, гдѣ у нихъ нѣтъ ни богатствъ, ни слугъ, чтобы исполнять ихъ желанія, то они скоро дѣлаются жалкими и безпомощными, потому что имъ никто уже не мѣшаетъ размышлять о себѣ.

Неужели королевское достоинство само по себѣ еще не достаточно велико, чтобы обладатель его былъ счастливъ уже однимъ сознаніемъ того, что онъ такое? Неужели и его нужно отвлекать отъ этой мысли, какъ и простыхъ людей? Мнѣ вполнѣ ясно, что отвлекать человѣка отъ вида домашнихъ несчастій, чтобы сосредоточить всѣ его мысли и заботы на томъ, напр., чтобы хорошо плясать, это значитъ дѣлать его счастливымъ. Но неужели то же можно сказать и о королѣ? Неужели, привязавшись къ этимъ пустымъ забавамъ, онъ будетъ счастливѣе, чѣмъ при созерцаніи своего величія? Да и чѣмъ можно было бы скорѣе удовлетворить его духъ? Не будетъ-ли это въ ущербъ его веселью, если его станутъ занимать вопросами, какъ дѣлать па въ тактъ подъ музыку, какъ ловчѣе бросать мячъ, вмѣсто того, чтобы дать ему возможность спокойно созерцать величественную славу, его окружающую? Попробуйте это сдѣлать: оставьте короля наединѣ, безъ всякихъ чувственныхъ наслажденій, безъ всякой заботы въ душѣ, безъ общества, дайте ему возможность думать о себѣ на досугѣ, и вы увидите, что король безъ развлеченій это самый несчастный человѣкъ. Поэтому-то тщательно избѣгаютъ этого, поэтому-то при особѣ королей никогда нѣтъ недостатка въ цѣлой толпѣ людей, которые заботятся, чтобы у королей за дѣлами постоянно слѣдовали развлеченія, которые перехватываютъ всякую минуту ихъ досуга, чтобы доставить имъ удовольствія и игры, чтобы въ

ихъ жизни не было ни одного не занятаго момента; они окружены лицами, которыя съ удивительнымъ усердіемъ заботятся уберечь ихъ отъ одиночества и размышленій о самомъ себѣ, хорошо зная, что всякій король станетъ несчастнымъ, если подумаетъ о себѣ.

Все это, если имѣть въ виду христіанскихъ королей, относится къ нимъ, конечно, не какъ къ христіанамъ, но какъ къ королямъ.

Единственная вещь, утѣшающая насъ въ несчастіяхъ,— это развлеченіе, а между тѣмъ оно является самымъ большимъ изъ нашихъ несчастій. Ибо оно главнымъ образомъ мѣшаетъ намъ помышлять о себѣ и незамѣтно насъ губитъ. Безъ него мы очутились бы среди тоски, а эта тоска принуждала бы насъ искать болѣе дѣйствительнаго средства выйти изъ нея. Но развлеченіе забавляетъ насъ и заставляетъ совершенно незамѣтно приближаться къ смерти. Если бы человѣкъ былъ счастливъ, то его счастье было бы тѣмъ больше, чѣмъ меньше онъ предавался бы развлеченіемъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ святыхъ, которые не предавались развлеченіямъ.

Положимъ это такъ; но быть счастливымъ не значитъ ли это имѣть возможность наслаждаться развлеченіями? Нѣтъ, развлеченія идутъ изъ другого мѣста, извнѣ; они зависимы отъ постороннихъ причинъ и, слѣдовательно, подвержены тысячѣ случайностей, которыя дѣлаютъ неизбѣжною печаль.

ГЛАВА VI.

О нѣкоторыхъ мнѣніяхъ и обычаяхъ.

I.

Я стану излагать здѣсь свои мысли безъ порядка, и эту смѣсь я дѣлаю, можетъ-быть, не безъ намѣренія: это и есть надлежащій порядокъ, такъ какъ предметъ моего изложенія именно и отличается безпорядочностью.

Я сдѣлалъ бы слишкомъ много чести этому сюжету, если

бы трактовалъ о немъ въ порядкѣ, потому что я именно и хочу показать, что онъ не поддается порядку.

II.

Примѣръ градаціи.

Простой народъ почитаетъ лицъ высокаго происхожденія. Полуобразованные люди презираютъ ихъ, говоря, что рожденіе не есть преимущество личности, а дѣло случая. Образованные люди ихъ почитаютъ, по собственнымъ соображеніямъ, а не на томъ основаніи, какъ простой народъ. Набожные люди, у которыхъ больше религіознаго рвенія, чѣмъ знанія, презираютъ ихъ, несмотря на тѣ соображенія, по которымъ почитаютъ ихъ люди образованные, потому что благочестіе освѣщаетъ ихъ сужденія новымъ свѣтомъ, котораго нѣтъ у тѣхъ. А совершенные христіане опять почитаютъ ихъ, въ силу другого высшаго свѣта, присущаго имъ. Вотъ какъ послѣдовательно возникаютъ мнѣнія, говорящія за или противъ, смотря по степени внутренняго свѣта въ человѣкѣ.

Послѣдовательное опроверженіе доводовъ, говорящихъ за и противъ.

Мы показали, что человѣкъ неоснователенъ въ сужденіяхъ, такъ какъ онъ высоко цѣнитъ вещи, самыя несущественныя; значитъ, всѣ его мнѣнія опровергнуты. Но потомъ мы показали, что всѣ эти мнѣнія очень здравы и что, если всѣ они имѣютъ прочное основаніе, то толпа не такъ неосновательна, какъ о ней говорятъ. Значитъ, мы опровергли наше первое мнѣніе, опровергавшее мнѣнія толпы.

Но теперь нужно опровергнуть наше послѣднее предположеніе и показать, что, хотя бы мнѣнія людей и были здравы, но тотъ фактъ, что толпа неосновательна въ сужденіяхъ, остается все-таки во всей своей силѣ, потому что толпа не чувствуетъ истины тамъ, гдѣ она есть, но ищетъ ея тамъ, гдѣ нѣтъ, а слѣдовательно, мнѣнія толпы всегда совершенно ложны и вовсе не здравы.

Такимъ образомъ это—правда, что всѣ люди находятся въ иллюзіи; ибо, хотя мнѣнія толпы здравы, но они не здраво обоснованы, потому что толпа думаетъ, что истина тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ея нѣтъ. Истина—въ ихъ воображеніи, но не въ томъ пунктѣ, гдѣ ее представляютъ себѣ. Напр., вѣрно, что знатныхъ нужно почитать, но вовсе не потому, что рожденіе есть дѣйствительное преимущество, и т. д.

III.

Величайшее изъ золъ—это гражданскія войны. Онѣ неизбѣжны, если захотятъ вознаградить всѣ заслуги, ибо тогда всякій скажетъ, что онъ заслужилъ награду. А то зло, котораго приходится бояться со стороны глупца, наслѣдующаго по праву рожденія, не столь велико и неизбѣжно.

IV.

Почему люди слѣдуютъ за большинствомъ? Потому-ли, что мнѣніе большинства справедливѣе? Нѣтъ, причина въ томъ, что большинство сильнѣе. Почему слѣдуютъ древнимъ законамъ и укоренившимся мнѣніямъ? Потому-ли, что они болѣе здравы? Нѣтъ, причина въ томъ, что они единственны въ своемъ родѣ и отнимаютъ у насъ поводъ къ разногласію.

V.

Власть, основанная на укоренившемся мнѣніи и на воображеніи, до поры-до времени бываетъ сильной; эта власть пріятно и охотно принимается. Власть же, основанная на силѣ, господствуетъ постоянно. Такимъ образомъ, мнѣніе есть какъ бы царь міра, а сила—тиранъ.

VI.

Какъ хорошо придумано—различать людей по внѣшности, а не по внутреннимъ качествамъ! Кто будетъ первымъ изъ двухъ насъ? кто уступитъ мѣсто другому? Менѣе способный? Но я такъ же способенъ, какъ онъ! Придется драться изъ-за этого. Но у него четверо слугъ, а у меня только одинъ. Это вполнѣ очевидно: стоитъ только сосчитать. Значитъ, мнѣ уступать: глупо было бы спорить. И вотъ между нами водворенъ миръ; а это наибольшее изъ благъ.

VII.

Привычка видѣть королей сопровождаемыми гвардіей, барабанами, офицерами и всѣми тѣми вещами, которыя пріучаютъ къ уваженію и страху, производитъ то, что ихъ личность и тогда внушаетъ подданнымъ уваженіе и страхъ, когда они по временамъ бываютъ наединѣ, безъ принадлежностей своей власти, потому что люди не отдѣляютъ въ своей мысли личности короля отъ его свиты, видя обыкновенно ту и другую вмѣстѣ. Люди, не зная, что это слѣдствіе происходитъ отъ помянутой привычки, думаютъ, что оно происходитъ отъ какой-то природной силы; отсюда объясняются такія выраженія, какъ: „черты божества запечатлѣны на его лицѣ“ и т. п.

Могущество королей основано на разумномъ началѣ и на безразсудствѣ народа, и притомъ скорѣе на послѣднемъ. Величайшая и важнѣйшая въ мірѣ вещь имѣетъ своимъ основаніемъ слабость, и это основаніе удивительно прочно, ибо нѣтъ ничего несомнѣннѣе того факта, что народъ (безъ власти королей) окажется безсильнымъ. А что основывается на здравомъ разсудкѣ, какъ, напр., уваженіе къ мудрости, то очень шатко въ основаніи.

VIII.

Швейцарцы обижаются, когда ихъ назовутъ дворянами, и доказываютъ, что ихъ раса состоитъ изъ простонародья,— для того, чтобы ихъ считали достойными великихъ дѣлъ.

IX.

Для управленія кораблемъ вѣдь не выбираютъ того изъ путешественниковъ, который происходитъ изъ наиболѣе знатнаго дома

Св. Августинъ видѣлъ, какъ люди трудятся, не зная зачѣмъ, на морѣ, въ битвѣ и т. д., но онъ не видѣлъ необходимыхъ условій, ведущихъ къ тому, что они должны это

дѣлать. Монтэнь видѣлъ, что людямъ кажется обиднымъ умственно хромать и что привычка все можетъ сдѣлать; но онъ не видѣлъ причинъ этого. Всѣ эти лица видѣли послѣдствія, но не видѣли причинъ. Къ людямъ, открывшимъ причины, они находятся въ такомъ же отношеніи, какъ имѣющій только глаза—къ имѣющему глаза и умъ, ибо послѣдствія доступны чувственному воспріятію, а причины усматриваются только умомъ. Правда, эти послѣдствія замѣчаются въ концѣ концовъ тоже умомъ, но этотъ умъ такъ относится къ уму, который видитъ причины, какъ тѣлесныя чувства къ разумѣнію.

X.

Отчего это хромой человѣкъ насъ не раздражаетъ, а умственно хромающій раздражаетъ? Оттого, что хромой сознаетъ, что мы ходимъ прямо, а умственно хромающій утверждаетъ, что не онъ, а мы хромаемъ; если бы не это, то мы питали бы къ нему сожалѣніе, а не гнѣвъ.

Эпиктетъ очень настойчиво спрашиваетъ, почему мы не сердимся, если намъ говорятъ, что у насъ болитъ голова, а сердимся, если намъ скажутъ, что мы дурно разсуждаемъ или что у насъ дурной вкусъ? Причина та, что мы хорошо знаемъ, что у насъ не болитъ голова и что мы не хромаемъ; но мы вовсе не увѣрены настолько же и въ томъ, что наше сужденіе истинно. Такъ какъ наша увѣренность обусловлена тѣмъ, что мы смотримъ на предметъ во всѣ глаза, то, когда другой, смотря во всѣ глаза, видитъ противоположное, это повергаетъ въ недоумѣніе и удивляетъ насъ, особенно если тысяча другихъ людей смѣются надъ нашимъ выборомъ; ибо намъ приходится свои познанія ставить выше познаній столькихъ другихъ людей, а это слишкомъ смѣло и трудно. Въ чувствахъ же, касающихся хромого, никогда не бываетъ подобнаго противорѣчія.

XI.

Уваженіе къ другому состоитъ въ стѣсненіи себя. На первый взглядъ это странно, но это очень справедливо; уважать значитъ какъ бы говорить: „Если бы вамъ нужно было, я съ удовольствіемъ побезпокоилъ бы себя, такъ какъ

я охотно дѣлаю это и теперь, когда вамъ этого совсѣмъ не нужно". Кромѣ того, уваженіе служитъ для того, чтобы отличать знать: если бы уваженіе зависѣло отъ сидѣнья въ креслѣ, то уважали бы всѣхъ, и такимъ образомъ не было бы различій; но стѣсняя себя, мы этимъ очень ясно устанавливаемъ различія.

XII.

Быть щеголемъ не слишкомъ пустое дѣло, ибо это значитъ показать, что очень много людей работаютъ на тебя, это значитъ показать на своихъ волосахъ, что у тебя есть камердинеръ, парикмахеръ и т. д., показать на своихъ брыжжахъ, нитяхъ, позументахъ, что ты пользуешься услугами многихъ.

А это не простая ужъ внѣшность, это не простой нарядъ: это значитъ, что ты имѣешь въ своемъ распоряженіи много рукъ. Чѣмъ больше рукъ въ твоемъ распоряженіи, тѣмъ ты сильнѣе. Быть щеголемъ значитъ показывать свою силу.

XIII.

Это удивительно: не хотятъ, чтобы я почиталъ человѣка, одѣтаго въ полупарчу и сопровождаемаго семью или восемью слугами! А какъ не почитать! онъ заставитъ отстегать меня плетью, если я не стану привѣтствовать его. Въ нарядѣ этомъ— сила. Это все равно, что лошадь въ хорошей упряжи рядомъ съ другой, въ худой упряжи. Странно, что Монтэнь не видѣлъ этой разницы, удивлялся, какъ это другіе находятъ ее, и спрашивалъ, почему это.

XIV.

Народъ имѣетъ очень здравыя мнѣнія: 1) Онъ, напр., развлеченіе и охоту предпочелъ поэзіи. Полуневѣжды насмѣхаются надъ этимъ и съ торжествомъ доказываютъ, что это безуміе толпы: но народъ правъ, хотя они не могутъ добраться почему онъ правъ. 2) Онъ отличаетъ людей по внѣшнимъ признакамъ, напр., по благородству происхожденія или по имуществу; свѣтъ съ торжествомъ указываетъ, какъ это неразумно, но это очень разумно. 3) Онъ оскорбляется, получивши

оплеуху, и очень и жаждетъ славы. Это очень желательно, потому что съ этимъ соединены другія блага, и притомъ существенныя. А человѣкъ, получившій оплеуху и не почувствовавшій этого, изнемогаемъ подъ бременемъ обидъ и нуждъ. 4) Онъ работаетъ для неизвѣстнаго будущаго, плаваетъ по морю, идетъ по доскѣ *).

XV.

Большое преимущество составляетъ знатность, которая пускаетъ человѣка въ ходъ съ 18 или 20 лѣтъ, дѣлая его извѣстнымъ и уважаемымъ, тогда какъ другой едва заслужитъ это въ 50 лѣтъ: эти тридцать лѣтъ выиграны безъ всякаго труда.

XVI.

Мы часто видимъ людей, которые, жалуясь, что ихъ мало уважаютъ, ставятъ намъ въ примѣръ лицъ высокаго положенія, не пренебрегающихъ ими. Я бы имъ отвѣтилъ на это: Покажите ту заслугу, которою вы очаровали тѣхъ особъ, и я васъ буду уважать точно такъ же.

XVII.

Человѣкъ высунулся въ окно, чтобы посмотрѣть прохожихъ; если я иду мимо, могу ли я сказать, что онъ высунулся меня посмотрѣть? Нѣтъ, ибо онъ не думалъ обо мнѣ въ частности. А кто любитъ извѣстную личность за ея красоту, ее ли онъ любитъ? Нѣтъ, ибо, если оспа уничтожитъ красоту, не уничтоживъ личности, онъ не будетъ уже любить этой личности. Если иной любитъ меня за мой разсудокъ, за мою память, то меня ли онъ любитъ? Нѣтъ, ибо я могу потерять эти качества, оставаясь самъ въ цѣлости. Итакъ, гдѣ же это „я“, если оно не заключается ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ? Какъ любить тѣло или душу, если не любить ее за качества, которыя все-таки не составляютъ моего „я“, потому что они подвержены гибели? Можно ли любить сущность души отвлеченной личности, какія бы ни были качества ея? Это невозможно и

*) Т.-е. когда есть опасность упасть внизъ и разбиться.

было бы несправедливо. Итакъ, люди любятъ не самую личность, а только качества ея. Не станемъ, значитъ, смѣяться надъ тѣми, которые заставляютъ почитать себя за возложенныя на нихъ обязанности и должности, ибо людей любятъ только за присущія имъ качества.

XVIII.

Вещи, которыя наиболѣе насъ тревожатъ, напр., желаніе скрывать свои матеріальные недостатки, часто совершенно ничтожны по значенію. Это пустяки, которые наше воображеніе превращаетъ въ гору. Стоитъ дать другой оборотъ воображенію, и мы безъ труда откроемъ это преувеличеніе.

XIX.

Люди, способные изобрѣтать, рѣдки; громадное большинство только слѣдуетъ за ними—и отказываетъ въ славѣ изобрѣтателямъ, которые ищутъ ея своими изобрѣтеніями. Если бы они упорно отстаивали свою славу и презирали тѣхъ, которые ничего не изобрѣтаютъ, то имъ надавали бы смѣшныхъ прозвищъ и поколотили бы ихъ. Пусть, поэтому, они не чванятся своею проницательностью или пусть ищутъ удовлетворенія въ самихъ себѣ.

ГЛАВА VII.

Неравенство положеній, законы, справедливость, сила, политическая власть.

I.

„Эта собака мнѣ принадлежитъ“, говорили эти бѣдныя дѣти, „это мое мѣсто на солнцѣ“. Вотъ начало захвата всей земли, вотъ картина этого захвата.

II.

Правда, что необходимо неравенство между людьми, но разъ съ этимъ согласиться, открывается полный просторъ не только высшему господству, но и величайшей тиранніи. Необходимо дать нѣсколько воли духу, но это открываетъ дверь

величайшей распущенности. Пусть кто-нибудь намѣтитъ предѣлы! Въ этихъ вещахъ нѣтъ границъ: законы хотятъ ихъ поставить, но духъ не можетъ этого выносить.

III.

Разумъ приказываетъ намъ гораздо болѣе властно, чѣмъ господинъ; ибо кто не повинуется послѣднему, тотъ несчастенъ, а кто не повинуется первому, тотъ—глупъ.

IV.

„За что ты меня убиваешь?“—„Какъ за что? да вѣдь ты живешь по ту сторону рѣки? Если бы ты, мой другъ, жилъ по сю сторону, я былъ бы убійцей,—несправедливо было бы убивать тебя такимъ образомъ; но такъ какъ ты живешь по другую сторону, то я не убійца, а храбрецъ и убить тебя я въ правѣ“.

V.

Какъ забава, такъ и справедливость устанавливается модой.

VI.

Справедливо то, что установлено; поэтому всѣ наши законы, разъ установленные, по необходимости будутъ считаться за справедливые, безъ всякой провѣрки, потому что они установлены.

VII.

Въ обычной жизни единственными всеобщими правилами служатъ законы страны, а въ другихъ случаяхъ—мнѣніе большинства. Отчего это? Оттого, что въ законахъ и у большинства сила.

Поэтому короли, силу которыхъ составляетъ нѣчто другое, не слѣдуютъ за большинствомъ своихъ министровъ.

Безъ сомнѣнія, равенство имуществъ справедливо; но не имѣя возможности принудить человѣка повиноваться справедливости, люди сдѣлали такъ, что стало справедливымъ по-

виноваться силѣ; не будучи въ состояніи сдѣлать сильною справедливость, они сдѣлали справедливою силу, чтобы соединить справедливость и силу, чтобы водворить миръ, который есть высшее благо.

VIII.

Итти за большинствомъ лучше всего, потому что оно замѣтно и имѣетъ силу, чтобы заставить повиноваться себѣ; межъ тѣмъ это мнѣніе людей наименѣе просвѣщенныхъ.

Если бы можно было, то люди отдали бы силу въ руки справедливости; но такъ какъ сила не позволяетъ распоряжаться собою, какъ они хотятъ, потому что она—свойство вполнѣ осязаемое, между тѣмъ какъ справедливость — качество духовное, которымъ можно располагать, какъ угодно, то они отдали справедливость въ руки силы; такимъ образомъ справедливымъ называютъ то, что люди принуждены соблюдать.

Отсюда происходитъ право меча, ибо мечъ даетъ настоящее право. Иначе тутъ было бы насиліе съ одной стороны и справедливость съ другой. Отсюда происходитъ несправедливость Фронды, которая выставляетъ свою мнимую справедливость противъ силы.

Не то бываетъ въ церкви; ибо тутъ—истинная справедливость и нѣтъ никакого насилія.

IX.

Уваженіе однихъ лицъ къ другимъ, вообще говоря, обусловлено необходимостью; ибо необходимы—различныя ступени, разъ всѣ люди желаютъ господствовать, но не всѣ могутъ, а только нѣкоторые.

Представимъ себѣ, что начинаетъ возникать неравенство. Несомнѣнно, что люди станутъ до тѣхъ поръ другъ съ другомъ биться, пока наиболѣе сильная партія не одолѣетъ слабѣйшей и пока, наконецъ, не появится партія господствующая. А разъ она опредѣлилась, владыки, не желая, чтобы война продолжалась, возвѣщаютъ, что сила, оказавшаяся у нихъ въ рукахъ, будетъ переходить по наслѣдству въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ угодно, при чемъ одни представляютъ все избранію народа, другіе—наслѣдованію по рожденію и

т. д. Вотъ тутъ-то воображеніе и начинаетъ играть свою роль. До этого времени власть дѣйствуетъ силою, а теперь воображеніе держитъ силу въ рукахъ извѣстной партіи, во Франціи въ рукахъ дворянъ, въ Швейцаріи въ рукахъ простонародья, и т. д.

Итакъ, уваженіе къ тому или иному лицу въ особенности— обусловленно воображеніемъ.

X.

Справедливость требуетъ, чтобы справедливое прочно держалось. Необходимо, чтобы наиболѣе сильное прочно держалось. Справедливость безъ силы немощна: сила безъ справедливости тираннична. Справедливость безъ силы встрѣчаетъ противодѣйствіе, потому что всегда есть злодѣи; сила безъ справедливости постоянно подвергается обвиненію. Итакъ, справедливость и сила должны быть вмѣстѣ, а для этого нужно, чтобы то, что справедливо, было сильно, и то, что сильно, было справедливо. Справедливость оспаривается, сила очень убѣдительна и не допускаетъ спора. Такимъ образомъ, нельзя было дать силу справедливости, потому что сила противорѣчила справедливости и утверждала, что послѣдняя была не справедлива, а справедлива была она сама; и вотъ, не будучи въ состояніи устроить, чтобы справедливое было сильно, люди такъ сдѣлали, что справедливымъ стало сильное.

XI.

Когда возникаетъ вопросъ, должно ли вести войну и убивать столько людей, слѣдуетъ ли осудить на смерть столько-то испанцевъ, то дѣло рѣшается однимъ человѣкомъ, и притомъ заинтересованнымъ въ немъ: это нужно было бы обсудить третьему лицу, не заинтересованному въ этомъ.

XII.

Такъ какъ герцогства, королевства, власти дѣйствительны и необходимы, потому что сила управляетъ всѣмъ, то они есть всюду и всегда; а такъ какъ сила того или иного лица основана только на воображеніи, то все это непостоянно, все подвержено перемѣнамъ.

XIII.

Ложны и отзываютъ самодурствомъ такія выраженія, какъ, напр.: «Я благороденъ; слѣдовательно, всѣ обязаны меня бояться. Я силенъ; поэтому, всѣ должны меня любить», и т. д. Быть самодуромъ значитъ желать достигнуть извѣстнымъ путемъ того, чего можно достигнуть только другимъ путемъ. Различнымъ заслугамъ люди воздаютъ различный долгъ: расположенію—долгъ любви, силѣ—долгъ страха, знанію—долгъ довѣрія. Наша обязанность воздавать этотъ долгъ; несправедливо отказываться отъ него, но несправедливо и требовать его отъ другихъ. Точно также несправедливо и свойственно самодуру говорить: «Онъ не силенъ, поэтому я не стану его уважать; онъ необразованъ, поэтому я не стану его почитать».

ГЛАВА VIII.

Различные вопросы нравственности.

I.

Крайнюю степень ума обвиняютъ въ безуміи точно такъ же, какъ и полное его отсутствіе. Хороша только посредственность. Мнѣніе большинства установило это правило: большинство преслѣдуетъ всякаго, кто, какимъ бы то ни было образомъ, ускользнетъ отъ посредственности. Я не стану тутъ упираться, я вполнѣ согласенъ, если меня помѣщаютъ по серединѣ; но я отказываюсь стоять на нижнемъ концѣ этой лѣстницы, не потому, что онъ—нижній, а потому, что это конецъ, ибо я точно также отказался бы стоять и на самомъ верхнемъ. Сойти съ середины значитъ выйти изъ среды человѣчества; величіе души состоитъ въ умѣньи держаться въ этой серединѣ; величіе не въ томъ, чтобы сойти съ середины, а въ томъ, чтобы не сходить.

II.

Въ свѣтѣ нельзя прослыть знатокомъ въ стихосложеніи—не выставивъ вывѣски поэта, или свѣдущимъ въ математикѣ—не назвавшись математикомъ, и т. д. Но человѣкъ, не по-

груженный въ спеціальность, не нуждается вовсе въ титулѣ, для него никакой разницы нѣтъ между занятіемъ поэта и ремесломъ бѣлошвейки. Его никто не называетъ ни поэтомъ, ни геометромъ; но онъ заключаетъ въ себѣ все это и умѣетъ судить о всѣхъ этихъ спеціальностяхъ. Его не предугадаешь. Онъ будетъ говорить о томъ, о чемъ говорили, когда онъ вошелъ. Въ немъ ни одно качество не выставляется на показъ больше другого, кромѣ того случая, когда это качество необходимо пустить въ дѣло; а тогда всякій о немъ вспоминаетъ. Пока дѣло не касается искусства говорить, никто не станетъ заявлять, что этотъ человѣкъ хорошо умѣетъ говорить; но лишь рѣчь заходитъ объ этомъ искусствѣ, всѣ вспоминаютъ, что онъ хорошо говоритъ. Это ложная похвала, когда, при входѣ человѣка, говорятъ о немъ, что онъ очень искусенъ въ поэзіи; съ другой стороны, плохой признакъ для него, если къ нему не обращаются, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ какихъ-нибудь стиховъ.

III.

Человѣкъ полонъ нуждъ; онъ любитъ только тѣхъ, кто можетъ всѣ ихъ удовлетворить. „Это хорошій математикъ“, скажутъ мнѣ. Но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до математики. Онъ, пожалуй, приметъ меня за задачу. „Это хорошій воинъ“. Но онъ, чего-добраго, приметъ меня за осажденную крѣпость. Мнѣ нуженъ просто порядочный человѣкъ, который могъ бы приноровиться ко всѣмъ моимъ нуждамъ вообще.

IV.

Когда кто чувствуетъ себя здоровымъ, то не можетъ понять, что бываетъ съ больными; а когда онъ боленъ, то съ радостью принимаетъ лѣкарства: болѣзнь рѣшаетъ дѣло. У больного нѣтъ уже тѣхъ страстей, тѣхъ стремленій къ развлеченію и прогулкамъ, которыя обусловлены были здоровьемъ и которыя несовмѣстны съ нуждами болѣзни. Но природа надѣляетъ тогда другими страстями и желаніями, соотвѣтственными новому положенію. И только опасенія, которыя насъ мучатъ, создаются не природой, а нами самими, потому что къ состоянію, въ которомъ мы находимся, они присоединя-

ютъ страсти и того состоянія, въ которомъ мы еще не находимся.

V.

Разговоры о смиреніи суть предметъ гордости для кичливыхъ людей и предметъ смиренія для смиренныхъ. Точно также разсужденія о пирронизмѣ въ устахъ людей убѣжденныхъ служатъ доказательствомъ ихъ увѣренности. Немногіе смиренно говорятъ о смиреніи, цѣломудренно о цѣломудріи, съ сомнѣніемъ о пирронизмѣ. Мы не что иное, какъ ложь, двоедушіе, противорѣчіе, мы прячемся отъ самихъ себя, переряжаемся сами для себя.

VI.

Тайныя добрыя дѣла цѣннѣе всего. Когда я вижу такія дѣла въ исторіи, они мнѣ очень нравятся. Но они все-же не были совершенно тайными, потому что о нихъ узнали; если даже все было сдѣлано для того, чтобы скрыть ихъ, то немногое, что ихъ обнаружило, все-таки портитъ все остальное. Самое лучшее здѣсь то, что ихъ хотѣли скрыть.

VII.

Если кто блещетъ остроумными словами, это дурная черта.

VIII.

„Эгоизмъ ненавистенъ“.—Но вѣдь ты, Митонъ *), его скрываешь, но этимъ не избавляешься отъ него; выходитъ, что ты всѣмъ ненавистенъ. — „Вовсе нѣтъ: кто, какъ мы, услужливъ по отношеніи ко всѣмъ людямъ, тотъ не имѣетъ причины ненавидѣть насъ“.—Это вѣрно было бы, если бы мы въ эгоизмѣ ненавидѣли только то неудовольствіе, которое онъ намъ причиняетъ. Но если я ненавижу его потому, что онъ несправедливъ, что онъ дѣлаетъ себя центромъ всего, то я всегда его буду ненавидѣть. Однимъ словомъ, эгоизмъ имѣетъ два свойства: онъ несправедливъ самъ по себѣ въ томъ, что онъ себя дѣлаетъ центромъ всего; кромѣ того, онъ не-

*) Современникъ Паскаля.

сносенъ для другихъ, потому что онъ хочетъ подчинить ихъ себѣ; ибо „я“ каждаго человѣка враждебно всѣмъ другимъ “я„ и хотѣло бы быть тираномъ всѣхъ. Ты отнимаешь у него докучливость, но ты оставляешь при немъ несправедливость; такимъ образомъ ты не дѣлаешь его пріятнымъ для того, кто ненавидитъ несправедливость, ты дѣлаешь его пріятнымъ только для несправедливыхъ, которые не находятъ уже въ немъ себѣ врага; слѣдовательно, ты остаешься несправедливымъ и можешь угодить только несправедливымъ.

IX.

Я вовсе не удивляюсь избытку такой добродѣтели, какъ мужество, если не вижу въ то же самое время избытка противоположной добродѣтели, какъ это было, напр., въ Эпаминондѣ, который обладалъ крайнею степенью мужества и крайней степенью добродушія; въ противномъ случаѣ, это значило бы не возвышаться, а падать. Величіе души обнаруживается не въ какой-нибудь крайности, а въ умѣньѣ сразу касаться обѣихъ крайностей и наполнять весь промежутокъ между ними. Но можетъ—быть, все это—только внезапное движеніе души отъ одной крайности къ другой; можетъ-быть, въ дѣйствительности она каждый моментъ бываетъ только въ одной точкѣ, какъ горящая головня, которую вертятъ. Пусть такъ, но это, по крайней мѣрѣ, указываетъ на энергію души, если не указываетъ на ея многосторонность.

X.

Если бы наше положеніе было истинно счастливымъ, то намъ не нужно было бы отвлекаться отъ размышленія о немъ для того, чтобы стать счастливыми.

Бездѣлица насъ утѣшаетъ, потому что и огорчаетъ насъ тоже бездѣлица.

Мы настолько несчастны, что, находя удовольствіе въ извѣстной вещи, мы непремѣнно сердимся, если она идетъ малоуспѣшно; а это можетъ случиться и случается ежечасно

съ тысячею вещей. Кто нашелъ бы секретъ наслаждаться благомъ, не сердясь на противоположное ему зло, тотъ нашелъ бы точку опоры. А безъ нея—непрерывное движеніе.

XI.

Я провелъ много времени въ изученіи отвлеченныхъ наукъ; недостатокъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній отбилъ у меня охоту къ нимъ. Когда я началъ изученіе человѣка, я увидѣлъ, что эти отвлеченныя науки ему несвойственны, что я еще болѣе удалился отъ своего положенія, углубляясь въ нихъ, чѣмъ другіе, не зная ихъ; я извинилъ другимъ, если они мало знаютъ. Но я думалъ, что, по крайней мѣрѣ, найду много людей, изучающихъ, какъ и я, человѣка и что это настоящее знаніе, ему свойственное. Я обманулся и здѣсь. Людей, изучающихъ человѣка, еще меньше, чѣмъ изучающихъ геометрію. Неумѣнье изучать человѣка заставляетъ изучать все остальное. Но развѣ это — то знаніе, которое обязанъ человѣкъ имѣть? не лучше ли даже для его счастья не знать всего этого?

XII.

Когда все движется ровно, то кажется, будто ничто не движется, какъ это бываетъ, напр., съ кораблемъ. Когда всѣ идутъ по пути распущенности, то кажется, будто никто не идетъ. Кто отстанавливается, тотъ заставляетъ замѣчать увлеченіе другихъ,—какъ это бываетъ и при наблюденіи предметовъ съ неподвижной точки.

XIII.

Зачѣмъ мнѣ дѣлить мои правила нравственности на четыре, напр., а не на шесть группъ? Почему добродѣтель принимать, напр., въ четырехъ, двухъ или одномъ видѣ? Почему лучше принять формулу: Abstine et sustine *), чѣмъ, напр.: „Слѣдуй природѣ“, или: „Дѣлай свои дѣла безъ обиды“, какъ это принимаетъ Платонъ или еще что-нибудь? Но здѣсь, скажете вы, все заключено въ одномъ словѣ. Да, это такъ, но это безполезно, если не объяснено; а когда

*) Воздерживайся и терпи.

кто принимается объяснять, то, лишь только раскрываетъ это правило, содержащее въ себѣ всѣ другія, какъ получается та же первоначальная сбивчивость, которой вы хотите избѣжать. Такимъ образомъ, когда всѣ правила заключены въ одно, то они оказываются какъ будто скрытыми въ ящикѣ и безполезными и могутъ являться на свѣтъ Божій только въ своемъ природномъ безпорядкѣ. Природа, устанавливая ихъ, не заключала ихъ одно въ другое.—Природа создала каждую истину заключенною въ самой себѣ. Наше искусство заключаетъ ихъ однѣ въ другія, но это неестественно. Каждая должна занимать свое мѣсто.

XIV.

Когда хотятъ съ пользой сдѣлать кому-нибудь замѣчаніе и показать другому, что онъ ошибается, то нужно наблюдать, съ какой стороны онъ смотритъ на вещь, ибо съ его стороны она обыкновенно бываетъ истинною; затѣмъ, указывая ему эту истину, нужно открыть и ту сторону, съ которой она можетъ показаться ложью. Онъ удовлетворится этимъ, ибо увидитъ, что онъ не обманывался, а лишь—видѣлъ не всѣ стороны. Люди не сердятся на то, что они не все видятъ. Но они не хотятъ обманываться; можетъ-быть, это происходитъ оттого, что по природѣ человѣкъ не можетъ всего видѣть, но по природѣ онъ и не можетъ обмануться въ той сторонѣ, которую видитъ; напр., чувственныя воспріятія сами по себѣ всегда истинны.

XV.

Насколько сильна добродѣтель человѣка, это должно измѣряться не его усиліями, а его обычнымъ образомъ жизни.

XVI.

Великіе и малые люди имѣютъ тѣ же несчастныя случайности, тѣ же неудовольствія, тѣ же страсти; но одинъ человѣкъ находится на окружности колеса судьбы, другой ближе къ центру, поэтому менѣе испытываетъ тѣ же самыя движенія.

XVII.

Хотя иныя лица вовсе не заинтересованы въ томъ, что говорятъ, но отсюда не должно заключать безусловно, что они вовсе не лгутъ, ибо есть люди, которые лгутъ просто для того, чтобы лгать.

XVIII.

Примѣръ цѣломудрія Александра не создалъ столько воздержныхъ, сколько создалъ невоздержныхъ примѣръ его пьянства. Не стыдно не быть столь же добродѣтельнымъ, какъ онъ, и кажется извинительнымъ — быть не болѣе, чѣмъ онъ, порочнымъ. Иные думаютъ, что они непричастны общимъ людскимъ порокамъ, если видятъ въ себѣ пороки великихъ людей; между тѣмъ они не принимаютъ въ расчетъ, что великіе люди не выдѣляются въ этомъ отношеніи изъ массы. Они хотятъ походить на великихъ людей въ томъ, въ чемъ тѣ сходны съ толпой; ибо, какъ ни возвысились великіе люди, они все-таки соприкасаются въ нѣкоторомъ отношеніи съ самыми малыми изъ людей. Вѣдь они не висятъ на воздухѣ, не совершенно отдѣлены отъ нашего общества. Вовсе нѣтъ: если они больше насъ, такъ это значитъ, что они выше насъ головой, но ноги у нихъ такъ же низко стоятъ, какъ и наши. Они всѣ стоятъ на одномъ съ нами уровнѣ и опираются на одну и ту же землю; въ этомъ они настолько же унижены, какъ и мы, какъ самые ничтожные люди, какъ дѣти, какъ звѣри.

XIX.

Намъ больше нравится самое сраженіе, но не побѣда. Люди любятъ смотрѣть на битвы животныхъ, а не на то, какъ побѣдитель остервенился на побѣжденнаго. Подумаешь, они только и ждали побѣдоноснаго исхода. А межъ тѣмъ, лишь дѣло дошло до него, они оказываются пресыщенными. Тоже бываетъ въ игрѣ, въ изслѣдованіи истины. Люди любятъ смотрѣть, какъ среди споровъ борятся мнѣнія, но не любятъ созерцать истину, когда она найдена. Если же мы хотимъ, чтобы на нее смотрѣли съ удовольствіемъ, мы должны показывать ее зарождающеюся изъ преній. Тоже бываетъ и съ страстями: пріятно видѣть,

какъ сталкиваются двѣ противоположныя страсти; но когда одна изъ нихъ одолѣваетъ, это уже грубое зрѣлище. Намъ никогда не нужны самыя вещи; мы лишь стремимся разыскивать ихъ. Подобнымъ образомъ и въ комедіи мы не придаемъ никакой цѣны сценамъ довольства — безъ примѣси страха, изображенію крайнихъ бѣдствій — безъ надежды, грубымъ проявленіямъ любви или жестокостямъ безъ снисхожденія.

XX.

Людей не учатъ быть честными, а всему остальному учатъ; однако они никогда столько не хвастаются своими знаніями, сколько тѣмъ, что они честны. Они хвалятся знаніемъ той единственной вещи, которой вовсе не учились.

XXI.

Нельзя умолчать о неясности Монтэня. Онъ хорошо чувствовалъ недостатки метода, избѣгалъ ихъ, перепрыгивая отъ сюжета къ сюжету, и искалъ выхода на свѣтъ. Какая глупая мысль — изобразить самого себя! И это дѣлается не мимоходомъ, не въ противность своимъ правиламъ, какъ это случается со всякимъ, а прямо въ силу своихъ собственныхъ правилъ, — чтобы выполнить свою первую и главную цѣль. Говорить глупости случайно и по своей слабости—это дѣло обычное; но говорить ихъ съ намѣреніемъ — это уже нестерпимо.

XXII.

Мы охотно жалѣемъ несчастныхъ; намъ очень пріятно проявить подобное доказательство дружбы и, ничѣмъ не жертвуя, снискать себѣ репутацію сострадательнаго человѣка.

XXIII.

Кто былъ въ дружбѣ съ англійскимъ и польскимъ королями или съ королевой шведской *, могъ ли подумать, что будетъ время, когда для нихъ не окажется нигдѣ въ мірѣ защиты и убѣжища?

*) Рѣчь идетъ о Карлѣ I, погибшемъ на эшафотѣ въ 1649 г., о Янѣ-Казимірѣ, прогнанномъ изъ Польши въ 1656 г. королемъ шведскимъ Карломъ-Густавомъ, и о королевѣ Христинѣ, отказавшейся отъ власти въ 1654 г.

XXIV.

Вещи имѣютъ различныя свойства и душа различныя наклонности; ибо ни одна вещь не представляется душѣ несложною и душа никогда никому не представляется несложною. Поэтому-то люди подчасъ плачутъ и смѣются по поводу одной и той же вещи.

XXV.

„Это — суровое племя, они не могутъ представить себѣ жизни безъ войны“ *). Они больше любятъ смерть, чѣмъ миръ: а другіе смерть предпочитаютъ войнѣ. Выходитъ, что любая вещь можетъ быть предпочитаема жизни, любовь къ которой кажется столь сильной и естественной.

XXVI.

Какъ трудно предложить какую-нибудь вещь на обсужденіе другого, не повліявши дурно на его сужденіе тѣмъ способомъ, которымъ предлагаемъ эту вещь. Говоря: „по моему это хорошо“, „я нахожу это неяснымъ“, и т. д., мы заманиваемъ воображеніе высказать подобное же сужденіе или, напротивъ, вызываемъ его на противорѣчіе. Лучше было бы намъ ничего не говорить; тогда человѣкъ судитъ сообразно съ тѣмъ, что есть, т. е. сообразно съ тѣмъ, что есть въ данный моментъ и что принесутъ другія обстоятельства, независящія отъ насъ; мы, по крайней мѣрѣ, ничего не внесемъ въ его сужденіе, если не считать нашего молчанія, которое тоже производитъ свое дѣйствіе, сообразно съ тѣмъ значеніемъ и толкованіемъ, которое тотъ вздумаетъ ему дать, или если самъ онъ не догадается о нашемъ сужденіи по нашимъ движеніямъ и выраженію лица или по тону голоса, разъ онъ будетъ опытнымъ физіономистомъ. Такъ трудно бываетъ сужденію не сойти съ своего естественнаго хода или, лучше сказать, такъ мало въ немъ прочности и стойкости!

XXVII.

Знаніе внѣшнихъ вещей не утѣшитъ меня въ моментъ скорби въ незнаніи началъ нравственности, но нравствен-

*) Титъ Ливій, XXXIV, 17.

ная опытность всегда можетъ утѣшить меня въ незнаніи внѣшнихъ вещей.

XXVIII.

Время исцѣляетъ печали и уничтожаетъ раздоры, потому что съ теченіемъ времени человѣкъ мѣняется и дѣлается уже не тѣмъ. И оскорбившій, и оскорбленный уже не тѣ. Это все равно, что народъ, который раздражали; посмотрите на него черезъ два поколѣнія; онъ уже не тотъ. Это все еще французы, но уже не тѣ.

XXIX.

Непостоянство, скука, безпокойство — вотъ положеніе человѣка.

Кто хочетъ вполнѣ познать ничтожество человѣка, пусть только разсмотритъ причины и послѣдствія любви. На вопросъ о причинѣ отвѣчаютъ: „я не знаю что“ *), а послѣдствія ея ужасны. Эта неизвѣстная причина, столь незначительная, что люди ея не могутъ подмѣтить, двигаетъ всею землею, государями, арміями, цѣлымъ міромъ. Будь носъ Клеопатры короче, вся поверхность земли приняла бы другой видъ.

XXX.

Цезарь былъ, кажется мнѣ, слишкомъ старъ для того, чтобы итти съ удовольствіемъ на покореніе міра. Это удовольствіе было въ пору Августу или Александру; они были молодыми людьми, которыхъ трудно остановить; а Цезарь долженъ былъ—быть болѣе зрѣлымъ.

XXXI.

Сознаніе ложности настоящихъ удовольствій и незнаніе, что удовольствія, которыхъ нѣтъ на лицо, пусты, — вотъ причина непостоянства.

XXXII.

Продолжительное краснорѣчіе нагоняетъ скуку. Принцы и короли иногда занимаются игрою. Они не всегда на своемъ

*) Изъ Корнеля.

тронѣ, они тоже скучаютъ. Чтобы величіе дало себя почувствовать, его на время нужно покинуть. Предположительность надоѣдаетъ во всемъ. Холодъ пріятенъ, если потомъ согрѣться.

XXXIII.

Время и расположеніе духа имѣютъ мало взаимной связи. Мое расположеніе не зависитъ почти отъ времени; внутри себя я имѣю своего рода туманы и хорошую погоду. Даже хорошее или дурное положеніе моихъ дѣлъ мало здѣсь значитъ: иногда я, вопреки судьбѣ, пересиливаю самъ себя; слава побѣды заставляетъ меня съ удовольствіемъ преодолѣвать судьбу; но зато иногда я и брезгаю своимъ счастіемъ.

XXXIV.

Когда я хочу записать свою мысль, она иногда ускользаетъ отъ меня; но это заставляетъ меня вспомнить свою слабость, которую я ежечастно забываю; а это меня столько же научаетъ, сколько научила бы забытая мною мысль, потому что я стремлюсь къ одному—познать свое ничтожество.

Мысль ускользнула. Я хотѣлъ ее записать, а вмѣсто того пишу, что она отъ меня ускользнула.

XXXV.

Забавно подумать, что на свѣтѣ есть люди, которые, отрекшись отъ всѣхъ божескихъ и естественныхъ законовъ, создали сами себѣ законы и строго повинуются имъ, какъ, напр., воины Магомета, воры, еретики и т. д. По-видимому, ихъ своеволіе должно было бы быть безграничнымъ и неудержимымъ, если ужъ они преступили столько законовъ, столь справедливыхъ и священныхъ.

XXXVI.

„Вы,—извините меня, пожалуйста, — не совсѣмъ ловки“. Безъ этого извиненія я не замѣтилъ бы, что тутъ есть обида. Когда слышишь: „Съ позволенія сказать“, тутъ хуже всего—самое извиненіе.

XXXVII.

Платона и Аристотеля обыкновенно воображаютъ педантами въ широкихъ мантіяхъ. Но это были такіе же порядочные люди, какъ и всѣ прочіе; они тоже смѣялись съ своими друзьями; а когда они заняты были созданіемъ своихъ „Законовъ“ или „Политики“, то дѣлали это въ перемежку съ шутками. Это была наименѣе философская и наименѣе серьезная часть ихъ жизни. Самою философскою была та, когда они жили просто и спокойно.

Если они писали о политикѣ, то этимъ они какъ бы хотѣли ввести порядокъ въ домъ сумасшедшихъ. А если они прикидывались, что считаютъ все это важной вещью, то это потому, что они знали, что сумасшедшіе, къ которымъ они обращаются, считаютъ себя королями и императорами. Они входили въ ихъ положеніе, чтобы смягчить ихъ безуміе, насколько, по крайней мѣрѣ, можно.

XXXVIII.

Человѣкъ любитъ насмѣшку, но не надъ кривоглазыми или несчастными, а надъ гордыми счастливцами; думать иначе—ошибочно. Ибо похоть есть источникъ всѣхъ нашихъ движеній...

Нужно нравиться тѣмъ, которые имѣютъ человѣчныя и нѣжныя чувства.

Эпиграмма о двухъ кривоглазыхъ *) никуда не годится, потому что она ихъ не утѣшаетъ и служитъ только для того, чтобы кое-что прибавить къ славѣ автора. Все, что дѣлается лишь для автора, ничего не стоитъ. Поэтъ со вкусомъ „обрѣжетъ украшенія, служащія честолюбію“ **).

XXXIX.

Мнѣ тошно отъ всѣхъ этихъ комплиментовъ: „Я ужъ слишкомъ васъ безпокою“; „боюсь вамъ наскучить“; „боюсь, что это слишкомъ будетъ длинно“, и т. д. Такими комплиментами или заманиваютъ или раздражаютъ.

*) Эпиграмма Марціала.

**) Горацій, *De arte poët.*, 447.

XL.

Имѣть истиннаго друга очень выгодно, даже для самыхъ знатныхъ особъ: онъ будетъ хорошо отзываться о нихъ и въ отсутствіи поддерживать ихъ, — такъ что они должны всѣми средствами пріобрѣтать друзей. Но пусть они получше выбираютъ, ибо, если употреблять свои усилія на пріобрѣтеніе глупыхъ друзей, то это будетъ безполезный трудъ, какъ бы хорошо послѣдніе ни отзывались о нихъ; они даже не будутъ хорошо отзываться, если найдутъ себя слишкомъ слабыми для этого, такъ какъ они не имѣютъ авторитета; и вотъ они станутъ по дружбѣ злословить.

XLI.

Хотите вы, чтобы о васъ были хорошаго мнѣнія? Не говорите объ этомъ ни слова.

XLII.

Я считаю несомнѣннымъ, что, если бы всѣ люди знали, что̀ говорятъ одни о другихъ, то въ мірѣ не было бы и четырехъ друзей. Это очевидно изъ тѣхъ ссоръ, которыя происходятъ отъ нескромныхъ пересудъ.

XLIII.

Легче смерть перенести, не думая о ней, чѣмъ — мысль о смерти, даже не угрожающей намъ.

XLIV

Удивительно, какъ это такая очевидная вещь, какъ суета мірская, столь мало извѣстна, что называть глупостью поиски за величіемъ даже какъ-то неловко!

Кто не видитъ суеты міра, тотъ самъ погруженъ въ суету. Да и кто ея не видитъ, исключая молодыхъ людей, которые цѣликомъ отдаются шуму, развлеченіямъ, мыслямъ о будущемъ? Но отнимите у нихъ развлеченія и вы увидите, какъ они будутъ сохнуть съ тоски; они почувствуютъ тогда свое

ничтожество, не сознавая его; ибо впадать въ нестерпимую тоску, лишь только принудятъ тебя размышлять о себѣ и лишатъ развлеченій, это значитъ быть совершенно несчастнымъ.

XLV.

Каждая вещь въ этомъ мірѣ частью истинна, частью ложна. А подлинная истина не такова: она совершенно чиста и вполнѣ истинна. Подобная смѣсь ее безславитъ и уничтожаетъ. Ничто не бываетъ безусловно истиннымъ; значитъ, ничто, не истинно, въ смыслѣ чистой истины. Скажутъ, что истинно положеніе: человѣкоубійство дурно. Это вѣрно, ибо дурное и злое мы хорошо сознаемъ. Но кто скажетъ, что такое доброе? Цѣломудріе? Нѣтъ, ибо тогда перевелись бы люди. Бракъ? Нѣтъ: воздержаніе еще лучше. Не убивать? Но тогда были бы страшные безпорядки и злодѣи убили бы всѣхъ добрыхъ. Нужно убивать? Нѣтъ, ибо это разрушеніе природы. Все, что мы имѣемъ, только отчасти истинно и хорошо: все перемѣшано съ дурнымъ и ложнымъ.

ГЛАВА IX.

О различнаго рода умахъ.—О разумѣ и чувствѣ.—О слогѣ, краснорѣчіи и поэтической красотѣ.

I.

Чѣмъ больше люди имѣютъ ума, тѣмъ больше они находятъ людей оригинальныхъ. А обыкновенные люди не находятъ разницы между людьми.

II.

Различныхъ родовъ бываетъ здравый смыслъ; одни проявляютъ его въ одномъ рядѣ вещей и говорятъ вздоръ въ другомъ рядѣ вещей. Одни умѣло извлекаютъ послѣдствія изъ немногихъ началъ,—и это называютъ здравымъ смысломъ. Другіе искусно извлекаютъ послѣдствія изъ такихъ предметовъ, въ которыхъ много началъ. Напр., одни хорошо понимаютъ дѣйствія, производимыя водою, въ которой немного на-

чалъ, но зато выводы здѣсь столь трудно уловимы, что нужна сысшая трезвость ума, чтобы дойти до нихъ; эти люди, вслѣдствіе этого, можетъ-быть, не были бы хорошими геометрами, потому что геометрія обнимаетъ большое число началъ, а природа ихъ ума, можетъ-быть, такова, что въ небольшое число началъ способна проникнуть до самой глубины, но не можетъ постигнуть вещей, заключающихъ въ себѣ много началъ.

Есть два сорта умовъ: одинъ живо и глубоко проникаетъ въ послѣдствія началъ, — это точный умъ; другой обнимаетъ большое число началъ, не смѣшивая ихъ, — это умъ геометрическій. Въ первомъ случаѣ, мы видимъ силу и трезвость ума, въ другомъ — обширность. Одинъ родъ можетъ быть безъ другого; умъ можетъ быть сильнымъ и узкимъ, но можетъ также быть обширнымъ и слабымъ. Есть разница между геометрическимъ умомъ и умомъ, склоннымъ изучать детали и тонкости. Въ первомъ случаѣ, начала очень ясны, но непривычны, такъ что трудно, вслѣдствіе непривычки, устремлять на нихъ вниманіе, но стоитъ только хоть нѣсколько вникнуть въ нихъ, и тогда ихъ увидишь въ полномъ свѣтѣ; нужно имѣть совершенно ложно направленный умъ, чтобы ложно разсуждать по поводу началъ, столь рѣзкихъ, что почти невозможно упустить ихъ изъ виду. Въ области же ума, склоннаго къ тонкостямъ, начала общеизвѣстны, на глазахъ у всѣхъ. Стоитъ только повернуть къ нимъ голову, не дѣлая никакого усилія. Но здѣсь нужно только имѣть хорошее зрѣніе, ибо начала здѣсь столь тѣсно связаны и представляются въ такомъ большомъ количествѣ, что почти невозможно не упустить кое-чего изъ виду. А упущеніе даже одного начала ведетъ къ ошибкѣ; такимъ образомъ, нужно имѣть очень ясное зрѣніе, чтобы видѣть всѣ начала, и затѣмъ — нуженъ здравый умъ, чтобы не разсуждать ложно по поводу дознанныхъ началъ.

Всѣ геометры, значитъ, были бы тонкими наблюдателями, если бы имѣли хорошее зрѣніе, ибо они разсуждаютъ здраво по поводу началъ, имъ извѣстныхъ; а тонкіе умы были бы хорошими геометрами, если бы могли устремить свое вниманіе на непривычныя начала геометріи. А что иные тонкіе умы все-таки не способны къ геометріи, это происходитъ оттого, что они не могутъ вполнѣ проникнуться началами геомет-

ріи; геометры же потому неспособны къ тонкостямъ, что не видятъ того, что передъ ними: привыкши къ чистымъ и рѣзко выдѣленнымъ началамъ геометріи, привыкши разсуждать только послѣ того, какъ ясно увидятъ и овладѣютъ своими началами, они теряются въ вещахъ тонкихъ, гдѣ нельзя подобнымъ образомъ овладѣть началами. Тутъ начала едва видны, ихъ скорѣе чувствуютъ, чѣмъ видятъ; нужно употребить безконечный трудъ, чтобы заставить почувствовать ихъ того, кто самъ по себѣ не чувствуетъ: это вещи столь нѣжныя и столь многочисленныя, что нужно очень тонкое и очень ясное чувство, чтобы ихъ почувствовать и судить о нихъ правильно и справедливо, сообразно съ этимъ чувствованіемъ; къ тому же, ихъ очень часто нельзя даже доказывать въ порядкѣ, какъ въ геометріи, потому что тутъ нельзя подобнымъ же образомъ овладѣть началами да и расположить ихъ въ порядкѣ безконечно трудно. Тутъ нужно, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, сразу видѣть вещь однимъ взглядомъ, а не постепенно обсуждать ее. Поэтому геометры рѣдко способны къ тонкимъ наблюденіямъ, а люди, способные къ тонкостямъ, рѣдко бываютъ геометрами, потому что геометры къ этимъ тонкимъ вещамъ готовы приложить свои геометрическіе пріемы, и поэтому дѣлаются смѣшными, начиная съ опредѣленій и потомъ переходя къ началамъ, хотя такой ходъ дѣйствій здѣсь вовсе не пригоденъ. Нельзя сказать, что это зависитъ не отъ склада ума: но умъ дѣйствуетъ молча, естественно и безыскусственно; внѣшнее выраженіе его дѣятельности доступно всѣмъ людямъ, а его внутренняя работа замѣтна немногимъ.

А умы тонкіе, напротивъ, привыкнувъ судить съ одного взгляда, приходятъ въ удивленіе, когда имъ предлагаютъ задачи, въ которыхъ они ничего не понимаютъ, которыя можно рѣшить только съ помощью опредѣленій и столь безплодныхъ, по ихъ мнѣнію, началъ: не привыкнувъ видѣть все это въ деталяхъ, они приходятъ въ смущеніе и получаютъ къ этому отвращеніе. Что же касается умовъ ложныхъ, то они никогда не бываютъ способными ни къ тонкимъ наблюденіямъ, ни къ геометріи. Итакъ, геометры, занимающіеся только геометріей, обладаютъ умомъ здравымъ, но для этого нужно, чтобы имъ всякую вещь предлагали въ видѣ опре-

дѣленій и началъ; а иначе они будутъ ошибаться и окажутся невыносимыми, ибо они здраво судятъ только на основаніи совершенно выясненныхъ началъ. А люди, способные къ тонкостямъ, — и притомъ только къ тонкостямъ, — не могутъ имѣть столько терпѣнія, чтобы дойти до первыхъ началъ въ вещахъ умозрительныхъ и доступныхъ только воображенію, — въ вещахъ, которыхъ никто не видалъ въ мірѣ и которыя совершенно необычны въ жизни.

III.

Чтобы доказать извѣстную вещь, берутъ примѣры, а чтобы доказать эти примѣры, берутъ, въ видѣ примѣра, эту же самую вещь; такъ какъ всегда полагаютъ, что трудность заключается въ томъ, что хотятъ доказать, то примѣры находятъ болѣе ясными и доказательными. И вотъ, когда хотятъ доказать нѣчто общее, то въ примѣръ берутъ частное правило, примѣнимое къ одному случаю; а если хотятъ доказать частный случай, то придется начинать съ общаго правила. Всегда находятъ неясною ту вещь, которую хотятъ доказать, и ясною ту, которую употребляютъ для доказательства; ибо, когда имѣютъ въ виду доказать что-нибудь, то предварительно вбиваютъ себѣ въ голову мысль, что такая-то вещь неясна, а та, которая должна доказать первую, — напротивъ, ясна, и такимъ образомъ легко соглашаются съ нею.

IV.

Всякое наше разсужденіе готово поддаться чувству. Но фантазія съ одной стороны похожа на чувство, съ другой — противоположна ему, такъ что въ этихъ противорѣчіяхъ нельзя даже разобраться. Одинъ говоритъ, что мое чувство — фантазія, другой свою фантазію считаетъ за чувство. Нужно было бы имѣть критерій для отличія. По-видимому, въ разумѣ представляется такой критерій, но разумъ поддается всякому чувству, и, значитъ, не можетъ быть критеріемъ.

V.

Тѣ, которые судятъ о произведеніи на основаніи правила, стоятъ въ такомъ отношеніи къ остальнымъ, въ какомъ че-

ловѣкъ, имѣющій часы, къ людямъ, не имѣющимъ часовъ. Одинъ говоритъ: „Ужъ прошло часа два“. Другой говоритъ: „Нѣтъ, прошло три четверти часа“. Я смотрю на свои часы и говорю первому: „Вамъ, должно быть, скучно“; а второму: „Вы почти не замѣчаете, какъ проходитъ время“. На самомъ дѣлѣ прошло всего полтора часа. И мнѣ смѣшны тѣ, которые увѣряютъ, что время тянется для меня слишкомъ долго и что я сужу о немъ по своей фантазіи: они не знаютъ, что я сужу по часамъ.

VI.

Иные люди говорятъ хорошо, но не хорошо пишутъ. Это значитъ, что имъ придаютъ жару обстановка и слушатели, извлекая изъ ихъ духа больше силъ, чѣмъ сколько ихъ оказалось бы безъ этого жара.

VII.

Что есть у Монтэня хорошаго, то можно пріобрѣсти лишь съ трудомъ. А что есть дурного (я не принимаю въ расчетъ нравственныхъ убѣжденій), то могло бы быть исправлено въ одну минуту, если бы его предупредили, что онъ слишкомъ много разсказываетъ разныхъ исторій и слишкомъ много говоритъ о себѣ.

VIII.

Непріятно быть исключеніемъ изъ правила. Нужно быть строгимъ судьей и противиться исключеніямъ. Но тѣмъ не менѣе, если ужъ несомнѣнно есть исключенія изъ правила, нужно судить о нихъ строго, но справедливо.

IX.

Пусть не говорятъ, что я ничего не сказалъ новаго: расположеніе матеріала ново. Когда играютъ въ мячъ, то тотъ и другой изъ играющихъ играетъ однимъ и тѣмъ же мячемъ, но одинъ его бросаетъ лучше другого. Мнѣ даже хотѣлось бы, чтобы обо мнѣ говорили, что я воспользовался прежними выраженіями. Если однѣ и тѣ же мысли не образуютъ, при различномъ расположеніи, различнаго содержанія, зато одни и тѣ же слова, вслѣдствіе различнаго расположенія, образуютъ различныя мысли.

X.

Люди обыкновенно лучше убѣждаются тѣми доводами, которые они сами отыскали, чѣмъ тѣми, которые пришли на умъ другимъ.

XI.

Умъ отъ природы мыслитъ и воля отъ природы стремится, такъ что, за недостаткомъ истинныхъ предметовъ, имъ приходится привязываться къ ложнымъ.

XII.

Душа не можетъ долго держаться на той высотѣ, до которой ее доводятъ великія усилія ума. Она дѣлаетъ лишь скачокъ, поднимаясь не навсегда, какъ люди поднимаются на тронъ, а лишь на одинъ моментъ.

XIII.

Человѣкъ—не ангелъ и не звѣрь, а несчастіе такъ устраиваетъ, что, кто хочетъ уподобиться ангелу, дѣлается звѣремъ.

XIV.

Зная господствующую страсть каждаго, можно быть увѣреннымъ, что угодите ей; тѣмъ не менѣе этого не бываетъ, такъ какъ каждый имѣетъ свои фантазіи, противныя его собственному благу, даже въ области того понятія о благѣ, которое онъ составилъ себѣ. Эта причудливость фантазіи и ставитъ каждаго втупикъ.

XV.

Звѣри не удивляются другъ другу. Лошадь не удивляется другой лошади. Это не значитъ, что между ними нѣтъ соревнованія въ быстротѣ бѣга, но оно остается безъ послѣдствій, ибо, будучи въ стойлѣ, самая тяжелая на ходу и самая неуклюжая не уступаетъ своего овса другой. Ихъ достоинство удовлетворяется самимъ собою,—не то бываетъ у людей.

XVI.

Какъ умъ развращается, точно такъ же портится и чувство. Умъ и чувство образуются съ помощью бесѣдъ. Портятъ свой умъ и чувство тоже съ помощью бесѣдъ. Такимъ образомъ хорошія бесѣды образуютъ, дурныя портятъ. Значитъ, важнѣе всего умѣть сдѣлать выборъ, чтобы можно было образовывать умъ и чувство, а не развращать. А выбора этого нельзя сдѣлать, если они еще не образовывали и не развращали. Такимъ образомъ получается кругъ, выйти изъ котораго составляетъ большое счастье.

XVII.

„Когда люди не знаютъ истины о какомъ-нибудь предметѣ, то хорошо и то, что существуетъ всеобщее заблужденіе, которое останавливаетъ людской умъ, какъ напр., заблуждаются относительно луны, приписывая ей перемѣну временъ года, усиленіе болѣзней и т. д.“. Ибо главная болѣзнь человѣка это безпокойное любопытство относительно вещей, которыхъ онъ не можетъ знать; предаваться этому безполезному любопытству для него хуже, чѣмъ быть въ заблужденіи.

Манера писать, усвоенная Эпиктетомъ, Монтэнемъ, Соломономъ де-Тюльти *), очень удобна; при ней содержаніе лучше всего проникаетъ въ душу, дольше остается въ памяти и его легче цитировать, потому что тутъ все состоитъ изъ мыслей, зародившихся въ обыкновенныхъ житейскимъ разговорахъ; напр., когда приходится говорить о распространенномъ между всѣми людьми заблужденіи, что луна причина всего, то какъ-то невольно приходятъ въ голову приведенныя выше слова Соломона де-Тюльти.

XVIII.

Если бы молнія падала на низкія мѣста и т. п., то поэты и тѣ, которые только и умѣютъ мудрствовать о подобнаго рода вещахъ, не сумѣли бы доказать, почему это.

*) О послѣднемъ лицѣ не сохранилось никакихъ воспоминаній, неизвѣстны и его сочиненія.

XIX.

Сердце имѣетъ свои законы, которыхъ не знаетъ разумъ; въ этомъ мы тысячу разъ убѣждаемся. Я хочу сказать, что сердце отъ природы любитъ и Существо Всеобъемлющее, и самого себя,—предаваясь больше то тому, то другому чувству; черствѣетъ оно по отношенію къ тому или другому—тоже по своему выбору. Вы отвернулись въ своемъ сердцѣ отъ одной привязанности и сохранили другую: разумъ ли—причина этого? Нѣтъ, сердце чувствуетъ Бога, а не разумъ. Вся суть вѣры въ томъ, что Богъ постигается сердцемъ, а не разумомъ.

XX.

Сердце держится своего порядка, а разумъ своего: онъ руководится причинами и доказательствами, а сердце руководится инымъ. Никто не доказываетъ, что того-то мы обязаны любить, излагая по порядку причины любви: это было бы смѣшно. Іисусъ Христосъ, ап. Павелъ руководились духомъ любви къ людямъ, а не умомъ, ибо они хотѣли согрѣть сердца, а не научить. Св. Августинъ дѣлалъ то же. Этотъ порядокъ состоитъ главнымъ образомъ въ отступленіяхъ на каждомъ шагу отъ порядка—чтобы постоянно имѣть въ виду цѣль.

XXI.

Люди склонны маскировать и переряжать природу. Нѣтъ больше короля, папы, епископовъ; вмѣсто нихъ являются: „августѣйшій монархъ“ и т. д.; нѣтъ Парижа, а есть „столица королевства“. Иной разъ Парижъ нужно называть Парижемъ, а иной разъ—столицей королевства.

XXII.

Когда въ рѣчи повторяются одни и тѣ же слова и когда, пытаясь поправить, мы находимъ ихъ столь умѣстными, что исправленіе извратило бы рѣчь, то это служитъ признакомъ, что ихъ нужно оставить; тутъ дѣйствуетъ зависть, которая слѣпа и не видитъ, что повтореніе въ данномъ мѣстѣ не составляетъ ошибки, ибо на этотъ счетъ нѣтъ общаго правила.

XXIII.

Кто, насилуя слова, употребляетъ антитезы, тотъ подобенъ дѣлающему фальшивыя окна для симметріи. Его правило не въ томъ, чтобы говорить правильно, но въ томъ, чтобы употреблять правильныя фигуры.

XXIV.

Языки суть шифры, въ которыхъ не буквы замѣненъ буквами, а слова словами, такъ что неизвѣстный языкъ есть легко разбираемый шифръ.

XXV.

Есть извѣстнаго рода образецъ для пріятности и красоты, который состоитъ въ извѣстномъ соотношеніи между нашей природой, слабой или сильной, какова бы она ни была, и тою вещью, которая намъ нравится. Все, что образовано по этому образцу, намъ пріятно, будетъ ли то домъ, пѣсня, рѣчь, стихи, проза, женщина, птицы, ручьи, деревья, обстановка комнатъ, одежда и т. д. Все, что сдѣлано не по этому образцу, не нравится тому, кто имѣетъ хорошій вкусъ. И какъ есть полное соотношеніе между пѣсней и домомъ, созданными по хорошему образцу, потому что оба эти предмета похожи, хотя каждый въ своемъ родѣ, на этотъ единственный образецъ, точно такъ же есть полное соотношеніе между вещами, сдѣланными по дурному образцу. Но это не значитъ, что дурной образецъ есть единственный въ своемъ родѣ: ихъ безконечное множество. Но каждый дурной сонетъ, напр., по какому бы дурному образцу онъ ни былъ составленъ, совершенно походитъ на женщину, одѣтую по тому же образцу. Лучше всего мы поймемъ, насколько смѣшонъ плохой сонетъ, если разсмотримъ природу и образецъ и потомъ вообразимъ себѣ женщину, одѣтую по этому образцу, или домъ, построенный по этому образцу.

XXVI.

Какъ говорятъ о поэтической красотѣ, такъ нужно бы говорить и о геометрической или медицинской красотѣ. А между тѣмъ этого не дѣлаютъ, потому что люди хорошо

знаютъ, каковъ предметъ геометріи и медицины, знаютъ, что первый состоитъ въ доказательствахъ, а вторая состоитъ въ лѣченіи; но никто не знаетъ, въ чемъ состоитъ пріятность, которая есть предметъ поэзіи. Извѣстно только, что поэзія должна подражать вышеупомянутому природному образцу, и вотъ, за отсутствіемъ этого знанія, поэты придумали разные причудливые термины: „золотой вѣкъ“, „чудо нашихъ дней“, „рокъ“ и т. д.; этотъ-то жаргонъ и называютъ поэтической красотой. Но кто вообразитъ себѣ женщину, такъ же украшенную, какъ въ поэзіи украшаются пышными словами незначительныя вещи, тотъ увидитъ передъ собой красивую барышню, увѣшанную блестящими бездѣлушками и цѣпочками, и разсмѣется надъ этими украшеніями, потому что онъ лучше знаетъ, въ чемъ состоитъ пріятность женщины, чѣмъ то, въ чемъ состоитъ пріятность поэзіи. А кто не знаетъ этого, тотъ, пожалуй, станетъ удивляться ей въ такомъ убранствѣ: есть много деревень, гдѣ ее примутъ, пожалуй, за королеву. Сонеты, составленные по указанному выше образцу, это почти то же, что подобная деревенская королева.

XXVII.

Когда человѣкъ слышитъ разсказъ, натурально изображающій страсть или ея послѣдствія, то онъ находитъ въ себѣ самомъ подтвержденіе истинности того, что онъ слышитъ; такъ какъ иначе онъ не зналъ бы, что въ немъ есть истина, то это располагаетъ его въ пользу того, кто даетъ намъ чувствовать истину, ибо онъ обнаружилъ передъ нами не свое добро, а наше; это благодѣяніе дѣлаетъ его для насъ пріятнымъ; кромѣ того, то умственное общеніе, которое мы имѣемъ съ нимъ, по необходимости располагаетъ наше сердце къ любви въ отношеніи къ нему.

XXVIII.

Краснорѣчіе должно быть пріятно и содержательно, но нужно, чтобы это пріятное, въ свою очередь, было заимствовано отъ истиннаго.

XXIX.

Видя естественный стиль, мы приходимъ въ удивленіе и восхищеніе: ожидая видѣть въ слогѣ только автора, мы на-

ходимъ въ немъ человѣка. Съ другой стороны, кто имѣетъ хорошій вкусъ и, видя книгу, думаетъ найти въ ней человѣка, бываетъ очень изумленъ, если въ ней находитъ только автора: Plus poëtice, quam humane locutus es *). Тотъ высоко поднимаетъ свою природу, кто научается говорить обо всемъ, даже о богословскихъ предметахъ.

XXX.

Послѣдняя задача при окончаніи произведенія—это умѣнье отыскать ту часть, которая должна стоять въ началѣ его.

XXXI.

Отвращать умъ отъ работы нужно не иначе, какъ съ цѣлью отдыха; но и это нужно дѣлать во-время, — давать отдыхъ, когда нужно, а не иначе, ибо кто отдыхаетъ не во-время, тотъ устаетъ; а кто устаетъ не во-время, тотъ поневолѣ отдыхаетъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ бросаетъ все: такъ издѣвается надъ нами наша похоть, дѣлая все наперекоръ нашимъ намѣреніямъ и не давая намъ удовольствія, — этой монеты, за которую мы отдаемъ все, что угодно.

XXXII.

Какая нелѣпость въ томъ, что живопись возбуждаетъ наше удивленіе сходствомъ съ вещами, которыя въ оригиналѣ насъ вовсе ве удивляютъ.

XXXIII.

Смыслъ измѣняется, смотря по словамъ, его выражающимъ. Смыслъ отъ словъ получаетъ свое достоинство, вмѣсто того, чтобы давать имъ его.

XXXIV.

Кто привыкъ судить по чувству, тотъ ничего не понимаетъ въ вещахъ, подлежащихъ сужденію ума, ибо ему хочется прежде всего проникнуть въ вещи однимъ взглядомъ, а началъ онъ не привыкъ искать. Другой, напротивъ, при-

*) Ты выразился скорѣе какъ поэтъ, чѣмъ какъ человѣкъ.

выкнувши размышлять на основаніи началъ, ничего не понимаетъ въ вещахъ, подлежащихъ чувству, ища въ нихъ началъ и не умѣя обнять ихъ однимъ взоромъ.

XXXV.

Истинное краснорѣчіе пренебрегаетъ краснорѣчіемъ, истинная мораль пренебрегаетъ моралью, т. е. мораль непосредственнаго сужденія пренебрегаетъ моралью ума, которая стоитъ внѣ правилъ. Ибо непосредственное сужденіе это та область, къ которой принадлежитъ чувство, точно такъ же, какъ наука принадлежитъ уму. Нравственная чуткость — дѣло непосредственнаго сужденія, геометрія — дѣло ума.

Пренебрегать философіей значитъ истинно философствовать.

XXXVI.

Всѣ ложныя красоты, которыя мы порицаемъ въ Цицеронѣ, находятъ себѣ почитателей, и притомъ въ большомъ числѣ.

XXXVII.

Есть много людей, которые слушаютъ проповѣдь точно такъ же, какъ слушаютъ вечерню.

XXXVIII.

Рѣки — это идущія дороги: онѣ несутъ туда, куда нужно итти.

XXXIX.

Два похожія лица, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности не возбуждаетъ смѣха, вмѣстѣ заставляютъ смѣяться, благодаря своему сходству.

XL.

Они (іезуиты) имѣютъ нѣкоторые принципы, но ими злоупотребляютъ. А злоупотребленіе истиною должно такъ же подлежать наказанію, какъ употребленіе лжи.

ГЛАВА X.

Съ одной философіей человѣкъ непостижимъ для самого себя: онъ познаетъ себя только съ помощью тайны преемственности грѣха и истинное благо и справедливость можетъ найти только съ помощью вѣры.

I.

Самыя сильныя возраженія пирронистовъ — я не говорю ужъ о менѣе важныхъ — заключаются въ томъ, что мы не имѣемъ никакой увѣренности въ истинѣ этихъ началъ, помимо вѣры и откровенія, если не считать того, что мы отъ природы чувствуемъ ихъ въ себѣ; а это природное чувствованіе не есть убѣдительное доказательство ихъ истинности, потому что, если помимо вѣры нѣтъ увѣренности, добрымъ ли божествомъ созданъ человѣкъ, или злымъ демономъ, или игрою случая, то возникаетъ сомнѣніе: истинны, ложны или неопредѣленнаго характера,—смотря по способу нашего происхожденія, — эти данныя намъ начала? Даже болѣе того: никто, помимо вѣры, не можетъ быть убѣжденъ, бодрствуетъ ли онъ или спитъ, такъ какъ во время сна мы такъ же твердо вѣримъ, что бодрствуемъ, какъ и тогда, когда въ самомъ дѣлѣ не спимъ: мы вѣримъ, что видимъ мѣстности, лицъ, движенія; мы замѣчаемъ, какъ идетъ время, мы измѣряемъ его, однимъ словомъ — мы дѣйствуемъ, какъ въ состояніи бодрствованія. Значитъ, если половина жизни, по нашему собственному сознанію, проходитъ во снѣ, во время котораго мы не имѣемъ,—хотя намъ и кажется обратное,—никакого понятія объ истинномъ, такъ какъ всѣ наши чувствованія въ этомъ состояніи суть иллюзіи, то кто знаетъ, не есть ли другая половина жизни, во время которой, по нашему мнѣнію, мы бодрствуемъ,— другой сонъ, немного отличный отъ перваго, сонъ, отъ котораго мы пробуждаемся, какъ разъ въ то время, когда думаемъ, что спимъ?

Вотъ главные пункты разногласія пирронистовъ и догматистовъ. Я не говорю о менѣе важныхъ, какъ, напр., о рѣчахъ пирронистовъ противъ вліяній привычки, воспи-

танія, обычаевъ, странъ, и о другихъ подобныхъ вещахъ, которыя, хотя и увлекаютъ за собою наибольшую часть людей, весь догматизмъ которыхъ опирается на эти пустыя основы, однако рушатся при малѣйшемъ усиліи пирронистовъ. Стоитъ только посмотрѣть въ ихъ книги: кто недостаточно убѣжденъ въ этомъ, тотъ очень скоро станетъ убѣжденнымъ и даже, можетъ-быть, слишкомъ убѣжденнымъ.

Что касается догматистовъ, то я останавливаюсь на единственномъ опорномъ пунктѣ ихъ ученія, именно на томъ, что, если говорить по совѣсти, искренно, то нельзя сомнѣваться въ прирожденности началъ. Противъ этого именно пирронисты и выставляютъ (говоря однимъ словомъ) „неизвѣстность“ нашего происхожденія, подъ которою разумѣется неизвѣстность нашей природы; а на этотъ вопросъ догматисты, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, не пріискали еще отвѣта.

И такъ идетъ открытая борьба между людьми, въ которой каждый долженъ принять чью-либо сторону и по необходимости пристать къ догматизму или пирронизму; ибо, кто захочетъ остаться нейтральнымъ, тотъ будетъ пирронистомъ по преимуществу. Эта нейтральность и есть сущность ученія этой школы: кто не противъ пирронистовъ, тотъ въ особенности за нихъ. Они не сами для себя: они нейтральны, индифферентны, отрѣшены отъ всего, не исключая себя.

Что же станетъ дѣлать человѣкъ въ такомъ положеніи? Сомнѣваться во всемъ? сомнѣваться, бодрствуетъ ли онъ, щиплютъ ли его, жгутъ ли его? Сомнѣваться, сомнѣвается ли онъ? Сомнѣваться, существуетъ ли онъ?—До этого нельзя дойти, и я выдаю за фактъ, что никогда въ дѣйствительности не было совершеннаго пиррониста. Природа поддерживаетъ немощный разумъ, мѣшаетъ ему завираться до такой степени.

Но, неужели онъ, наоборотъ, скажетъ, что онъ несомнѣнно обладаетъ истиной? вѣдь онъ не можетъ предъявить на нее никакого документа и, какъ бы мало ни тѣснили его, принужденъ уступить поле битвы.

Какую, значитъ, химеру представляетъ человѣкъ! Какую рѣдкость, какое чудовище, какой хаосъ, какой предметъ противорѣчій, какое диво! Это судья всѣхъ вещей, глупый

червь земной, хранитель истины, клоака неизвѣстности и заблужденій, слава и отбросокъ вселенной. Кто распутаетъ эту запутанность? Природа ставитъ втупикъ пирронистовъ, разумъ—догматистовъ. Что же будетъ съ тобой, человѣкъ, если ты, съ помощью своего природнаго разума, ищешь каково твое настоящее положеніе? Ты вѣдь не можешь избѣжать обѣихъ этихъ школъ*), не можешь не пристать ни къ одной. Итакъ, пойми, гордецъ, какой парадоксъ ты представляешь для самого себя. Смири себя, немощный разумъ! Молчи, слабая природа! Знайте, что человѣкъ на вѣки останется человѣкомъ, и научитесь отъ вашего Владыки понимать свое истинное состояніе, котораго вы не знаете. Послушайте Бога!

Ибо, если бы человѣкъ никогда не былъ испорченъ, онъ въ своей невинности съ увѣренностью наслаждался бы истиной и счастьемъ. А если бы человѣкъ всегда былъ испорченнымъ, онъ не имѣлъ бы никакого понятія ни объ истинѣ, ни о блаженствѣ. Но какъ мы ни несчастны, даже если нѣтъ и слѣда величія въ нашемъ положеніи, мы все-таки имѣемъ идею счастья, хотя не можемъ его достигнуть; мы чувствуемъ образъ истины, хотя обладаемъ только ложью; мы неспособны ни безусловно не знать, ни несомнѣнно знать,— вотъ до какой степени очевидно, что мы *были* на извѣстной степени совершенства, съ которой, къ несчастью, пали!

Удивительно, межъ тѣмъ, что самая отдаленная отъ нашего сознанія тайна, какова тайна преемственности грѣха, и есть та самая вещь, безъ которой мы не можемъ имѣть никакого познанія о насъ самихъ! Ибо несомнѣнно, что ничто не шокируетъ такъ нашъ разумъ, какъ утвержденіе, что грѣхъ перваго человѣка сдѣлалъ виновными людей, которые, будучи столь удалены отъ этого источника грѣха, по-видимому, неспособны участвовать въ немъ. Это истеченіе грѣха не только кажется намъ невозможнымъ, оно намъ кажется даже очень несправедливымъ; развѣ не противно правиламъ нашей жалкой справедливости — осудить навѣки дитя, лишенное еще воли, за грѣхъ, въ которомъ оно принимало

*) Въ подлинникѣ: *une* de ces sectes, т. е. „которой нибудь *одной* не избѣжишь".

столь мало участія, что родилось на свѣтъ спустя шесть тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ былъ совершенъ? Несомнѣнно, ничто насъ такъ жестоко не задѣваетъ, какъ это ученіе, а межъ тѣмъ безъ этой тайны, самой непостижимой изъ всѣхъ, мы непостижимы для самихъ себя. Узелъ нашего существованія завязанъ на днѣ этой пропасти, такъ что человѣкъ еще болѣе непонятенъ безъ этой тайны, чѣмъ эта тайна непонятна человѣку.

Всѣ люди, безъ исключенія, ищутъ счастья; какіе бы различные способы они ни употребляли, всѣ стремятся къ этой цѣли. А что одинъ идетъ на войну, другой не идетъ,— это зависитъ отъ одного и того же стремленія, которое присуще имъ обоимъ, но сопровождается различными взглядами на счастье. Воля никогда не дѣлаетъ ни малѣйшаго шага иначе, какъ по направленію къ этому предмету. Это мотивъ всѣхъ дѣйствій всѣхъ людей, даже тѣхъ, которые намѣрены повѣситься. А между тѣмъ, въ продолженіе такого большого числа лѣтъ, никто никогда, безъ вѣры, не достигъ до этой цѣли, которую всѣ видятъ передъ собой постоянно. Всѣ жалуются: государи, подданные; знатные, разночинцы; старики, молодые; сильные, слабые; ученые, невѣжды; здоровые, больные; люди всѣхъ странъ, всѣхъ временъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній.

Столь продолжительный, столь непрерывный и однообразный опытъ долженъ бы былъ вполнѣ насъ убѣдить въ нашемъ безсиліи достигнуть блага своими усиліями; но примѣръ насъ не научаетъ. Онъ никогда не бываетъ до такого совершенства подобенъ предшествующему, чтобы не было какой-нибудь незначительной разницы. Поэтому-то мы и ожидаемъ, что наше ожиданіе не будетъ обмануто въ этомъ случаѣ, какъ обмануто въ другомъ. Такимъ образомъ, настоящее насъ никогда не удовлетворяетъ, а надежда насъ манитъ и, отъ несчастья къ несчастью, ведетъ до смерти, которая есть вѣчное ихъ завершеніе.

Итакъ, о чемъ же намъ громко заявляетъ эта жажда счастья и это безсиліе его найти, какъ не о томъ, что въ человѣкѣ нѣкогда *было* истинное счастье, отъ котораго те-

перь у него остается лишь знакъ и совершенно пустой слѣдъ, и что онъ безполезно пытается пополнить его всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ, ища въ отсутствующихъ вещахъ той помощи, которой онъ не получаетъ отъ вещей, находящихся на-лицо, но совершенно для этого негодныхъ, потому что эта безконечная пучина можетъ быть наполнена только безконечнымъ и неизмѣняемымъ, т.-е. самимъ Богомъ. Одинъ Онъ есть истинное благо для человѣка; и странное дѣло: лишь только послѣдній оставилъ Его, ничто въ природѣ не можетъ замѣнить Его мѣсто, на чемъ бы человѣкъ ни основалъ своего счастья, будь то земля, небо, элементъ, растенія, въ родѣ капусты или порея, животныя, насѣкомыя, черви, змѣи, лихорадка, чума, война, голодъ, пороки, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ истинное благо, все одинаково можетъ ему казаться благомъ, даже его собственное самоуничтоженіе, какъ оно ни противно Богу, разуму и цѣлой природѣ.

Одни ищутъ блага въ обладаніи властью, другіе въ любознательности и наукахъ, третьи въ удовольствіяхъ. Иные же, которые и въ самомъ дѣлѣ больше приблизились къ нему, разсудили, что всеобщее благо, предметъ стремленія всѣхъ людей, не должно заключаться ни въ одной изъ частныхъ вещей, которыми владѣть можетъ только одинъ и которыя, будучи раздѣлены, скорѣе огорчаютъ ихъ обладателя отсутствіемъ недостающей части, чѣмъ доставляютъ наслажденіе тою частью, которая ему принадлежитъ. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы имъ могли обладать всѣ сразу, безъ убыли его и безъ зависти, и чтобы никто не могъ потерять его помимо своей воли.

Мы полны вещей, которыя заставляютъ насъ бросаться въ разныя стороны внѣ насъ самихъ. Нашъ инстинктъ даетъ намъ чувствовать, что нашего счастья нужно искать въ насъ же. Но страсти толкаютъ насъ наружу даже тогда, когда не представляется предметовъ для ихъ возбужденія. Внѣшніе предметы насъ влекутъ и зовутъ къ себѣ, даже когда мы не думаемъ о нихъ. Такимъ образомъ, сколько бы философы ни говорили: „Углубитесь въ самихъ себя: вы тамъ найдете

свое благо!“—имъ не вѣрятъ, а кто имъ вѣритъ, тотъ слыветъ самымъ пустымъ и глупымъ человѣкомъ,

---

Стоики приходятъ къ заключенію, что, если что-нибудь можетъ существовать нѣсколько разъ, то можетъ существовать и всегда, и что, если стремленіе къ славѣ заставляетъ дѣлать что-нибудь людей, одержимыхъ имъ, то и другіе люди могутъ также хорошо сдѣлать это. Но это лихорадочныя движенія, которымъ не можетъ подражать здоровый. Эпиктетъ изъ того, что есть твердо вѣрующіе христіане, заключаетъ, что каждый вполнѣ можетъ быть таковымъ.

Три страсти *) образовали три школы; философы дѣлаютъ не что иное, какъ слѣдуютъ одной изъ трехъ страстей.

Мы сознаемъ истину не только разумомъ, но и сердцемъ; послѣднимъ именно способомъ мы познаемъ первые принципы, и напрасно разсужденіе, которое не принимаетъ въ нихъ участія, пытается ихъ оспаривать. Безполезно трудятся пирронисты, не имѣя другого орудія, кромѣ этого. Мы знаемъ, что мы не грезимъ, какъ бы безсильны мы ни были доказать это на основаніи разума; изъ этого безсилія можно заключить только о слабости нашего разума, а не о сомнительности всѣхъ нашихъ знаній, какъ это пытаются дѣлать пирронисты. Ибо сознаніе первыхъ принциповъ, каковы: пространство, время, движеніе, числа, несравненно прочнѣе всѣхъ тѣхъ знаній, которыя даются намъ нашими разсужденіями. На эти-то сознанія сердца и инстинкта и долженъ опираться разумъ, основывая на нихъ всякое свое размышленіе. Сердце чувствуетъ, что есть три измѣренія пространства и что числа безконечны, а потомъ уже разумъ показываетъ, что не существуетъ двухъ квадратныхъ чиселъ, изъ которыхъ одно было бы вдвое больше другого. Принципы чув-

---

*) *Удовольствіе*, которое образовало эпикурейцевъ, *гордость*, которая образовала стоиковъ, *любознательность*, libido sciendi, которая образовала философовъ-догматистовъ.

ствуются, теоремы выводятся, какъ заключенія, и притомъ все это дѣлается съ полною достовѣрностью, хотя и различными путями. Смѣшно, что разумъ требуетъ у сердца доказательствъ его первыхъ началъ, а иначе съ ними не соглашается, точно такъ же, какъ было бы смѣшно, если бы сердце требовало, чтобы разумъ „чувствовалъ“ всѣ теоремы, которыя онъ доказываетъ, а иначе не принимало бы ихъ.

Итакъ, это безсиліе должно служить только для униженія разума, который готовъ судить обо всемъ, а не для оспариванія нашей увѣренности въ вещахъ, какъ будто бы только разумъ способенъ насъ научить. Напротивъ, дай Богъ, чтобы мы не имѣли въ немъ никогда нужды и чтобы познавали всѣ вещи инстинктомъ и чувствомъ! Но природа намъ отказала въ этомъ благѣ: она дала намъ только очень немного познаній подобнаго рода; всѣ остальныя могутъ быть пріобрѣтены только съ помощью разсужденія. Вотъ почему тѣ, которымъ Богъ далъ религіозное чувство въ сердцѣ, очень счастливы и вполнѣ законно убѣждены. А кто не имѣетъ вѣры, тѣхъ мы можемъ научить ей только съ помощью разсужденія, ожидая, что Богъ дастъ ее имъ при помощи сердечнаго чувства, безъ котораго вѣра носитъ человѣческій характеръ и безполезна для спасенія.

II.

Эта междоусобная борьба разума съ страстями стала причиной того, что тѣ, которые желали сохранять миръ, раздѣлились на двѣ школы. Одни рѣшили отречься отъ страстей и стать богами, другіе — отречься отъ разума и стать скотомъ. Но ни тѣ, ни другіе не могли исполнить своего желанія: разумъ вѣчно живетъ, обличая низость и несправедливость страстей и смущая покой тѣхъ, которые предаются имъ; страсти тоже постоянно живы даже въ тѣхъ, кто хочетъ отречься отъ нихъ.

III.

Мы испытываемъ подчасъ безсиліе доказать, непреодолимое ни для какого догматизма; мы носимъ въ себѣ идею истины, непреодолимую ни для какого пирронизма.

Мы желаемъ истины, а находимъ одну неизвѣстность. Мы ищемъ счастья, а находимъ только несчастье и смерть. Мы неспособны не желать истины и счастья, но неспособны и достичь увѣренности и счастья. Это желаніе оставлено намъ столько же для нашего наказанія, сколько для того, чтобы заставить насъ почувствовать, сколь низко мы пали.

IV.

Если человѣкъ не созданъ для Бога, почему же онъ счастливъ только въ Богѣ? Если человѣкъ созданъ для Бога, почему же онъ такъ противится Богу?

V.

Человѣкъ не знаетъ, въ какомъ ряду себя поставить. Онъ, очевидно, сбился съ пути и упалъ съ своего истиннаго мѣста, не будучи въ состояніи снова найти его. Онъ съ безпокойствомъ и безъ успѣха ищетъ его всюду среди непроницаемаго марка.

ГЛАВА XI.

О конечномъ и безконечномъ. – Человѣкъ, держа пари за существованіе Бога, имѣетъ всѣ шансы выиграть. — О познаніи Бога.

I.

Безконечное, ничто. Наша душа брошена въ тѣло, гдѣ она находитъ число, время, измѣреніе. Она разсуждаетъ объ этомъ и называетъ это природой, необходимостью, и не можетъ мыслить иначе.

Единица, присоединенная къ безконечному, нисколько не увеличиваетъ его, по крайней мѣрѣ, не больше, какъ одинъ футъ, присоединенный къ безконечной длинѣ. Конечное уничтожается въ присутствіи безконечнаго и становится чистымъ „ничто“. Такъ же относится и нашъ умъ къ Богу, такъ же и наша справедливость—къ Божеской справедливости.

Но, съ другой стороны, между нашею справедливостью и справедливостью Бога нѣтъ такой несоразмѣрности, какъ

между единицею и безконечнымъ. Нужно было бы, чтобы справедливость Бога была такъ же непомѣрна, какъ непомѣрно Его милосердіе, но справедливость Его къ отверженнымъ менѣе непомѣрна и менѣе далека отъ нашихъ понятій, чѣмъ милосердіе Его къ избраннымъ.

Мы сознаемъ, что есть безконечное, а не знаемъ его природы. Такъ какъ мы знаемъ, что ложно было бы предполагать числа конечными, то, значитъ, истинно, что есть въ числѣ безконечное, но мы не знаемъ, что̀ это такое. Ложно предположеніе, что оно четно; ложно и то, что оно нечетно, ибо съ прибавленіемъ единицы оно не измѣняетъ своей природы; между тѣмъ это—число, а всякое число четно или нечетно. Значитъ, истинно только то, что это свойство простирается на всѣ конечныя числа.

Такимъ образомъ, можно хорошо сознавать, что есть Богъ, не зная, что̀ такое Богъ.

Итакъ, мы сознаемъ сущность и природу конечнаго, потому что мы конечны и имѣемъ протяженіе, какъ и оно.

Мы сознаемъ сущность безконечнаго, но не знаемъ его природы, потому что оно имѣетъ протяженіе, какъ и мы, но не имѣетъ границъ, какъ мы имѣемъ.

Мы не знаемъ ни сущности, ни природы Бога, потому что Онъ не имѣетъ ни протяженія, ни границъ. Но съ помощью вѣры мы познаемъ Его сущность; съ помощью славы *) мы познаемъ его природу. А я уже показалъ, что можно хорошо сознавать сущность вещей, не зная ихъ природы.

Итакъ поведемъ рѣчь, опираясь лишь на нашу природную способность.

Если есть Богъ, то Онъ безконечно непостижимъ, потому, что не имѣя ни частей, ни границъ, Онъ не имѣетъ никакого соотношенія съ нами; поэтому мы неспособны постичь умомъ ни того, что̀ такое Онъ, ни того, есть ли Онъ. Если же это такъ, кто осмѣлится взять на себя рѣшеніе этого вопроса? Во всякомъ случаѣ, не мы, ибо мы не имѣемъ никакого соотношенія съ Нимъ.

---

*) Т.-е. въ царствѣ славы, которое будетъ состояніемъ избранныхъ на небесахъ.

Какъ послѣ этого порицать христіанъ за то, что они не могутъ разумно обосновать своего вѣрованія, коль скоро они исповѣдуютъ такую религію, которую и нельзя разумно обосновать? Они объявляютъ, излагая это ученіе міру, что оно—*глупость* *), и послѣ этого вы жалуетесь, что они не доказываютъ его! Если бы они стали доказывать его, они противорѣчили бы сами себѣ: не имѣть доказательствъ значитъ имѣть избытокъ чувства. Положимъ, что это такъ; это, дѣйствительно, извиняетъ тѣхъ, которые, предлагая свое ученіе, приписываютъ ему такой именно характеръ, и не даетъ повода порицать ихъ за то, что они вводятъ его безъ разумнаго основанія, — однако это ничего не говоритъ въ пользу тѣхъ, кто принимаетъ его. Итакъ, изслѣдуемъ вопросъ съ этой именно стороны и поставимъ дилемму: что-нибудь одно — Богъ есть или Бога нѣтъ.

На какую сторону намъ склониться? Разумъ не можетъ этого рѣшить. Насъ раздѣляетъ безконечный хаосъ. Приходится биться объ закладъ о конечномъ предѣлѣ этого безконечнаго пространства: тамъ, на этомъ предѣлѣ только, выпадаетъ орелъ или рѣшетка; за что держите вы на пари? Основываясь на разумѣ, вы не можете держать ни за то, ни за другое; основываясь на разумѣ, вы не можете защищать ни одного изъ двухъ положеній.

Не упрекайте же въ лукавствѣ тѣхъ, которые сдѣлали выборъ: вѣдь вы совершенно ничего не знаете.

— „Не знаю, но я все-таки долженъ упрекнуть ихъ—не за то, что они сдѣлали такой-то выборъ, а за то, что они вообще рѣшились дѣлать выборъ, ибо и тотъ, кто держитъ утвердительное пари, и противникъ его одинаково находятся въ ложномъ положеніи: поэтому не слѣдовало бы вовсе держать пари".

— Но пари держать все-таки нужно: это уже не въ нашей волѣ, вы уже впутались въ дѣло. За что же вамъ держать? Посмотримъ. Такъ какъ необходимо выбирать, то посмотримъ, на чемъ вы меньше всего можете проиграть. Потерять вы можете двѣ вещи—истину и благо; поставить въ закладъ можете тоже двѣ вещи—свой разумъ и свою волю, свое

*) *Коринѳ.* I. I, 18..

сознаніе и свое блаженство; ваша природа можетъ избѣжать двухъ вещей—заблужденія и несчастій. Вашему разуму выборъ одного предмета не больше будетъ противорѣчить, чѣмъ выборъ другого, коль скоро выбирать необходимо. Значитъ, одно мѣсто очищено. А ваше блаженство? Взвѣсимъ выигрышъ и проигрышъ, въ случаѣ положительнаго пари, что Богъ есть. У васъ два исхода: если вы выиграете, вы выигрываете все; если вы проиграете, вы не теряете ничего. Держите же, безъ всякихъ колебаній, пари, что Богъ есть.—„Удивительное положеніе! Пари я согласенъ держать, но, можетъ-быть, мнѣ слишкомъ много приходится ставить въ закладъ?“—Посмотримъ. Такъ какъ шансы выигрыша и проигрыша одинаковы, то вы могли бы и тогда еще держать пари, если бы имѣли въ виду выиграть только двѣ жизни за одну. Если бы можно было выиграть три жизни, то вы *должны* были бы играть и вы поступили бы неблагоразумно, если бы, будучи принуждены играть, не рискнули своею жизнью, чтобы выиграть втрое, въ игрѣ, гдѣ шансы выигрыша и проигрыша одинаковы. Но жизнь и блаженство вѣчны. А разъ это такъ, то, даже если бы изъ безконечнаго числа случаевъ одинъ только былъ въ вашу пользу, и тогда еще вы имѣли бы основаніе биться о закладъ одинъ противъ двоихъ. Разъ вы принуждены играть, глупо было бы съ вашей стороны отказаться поставить одну жизнь за три въ такой игрѣ, гдѣ изъ безконечнаго числа случаевъ хоть одинъ въ вашу пользу, если такимъ образомъ можно выиграть безконечность безконечно счастливой жизни. А въ данномъ случаѣ какъ разъ есть шансы выиграть такую именно безконечность безконечно счастливой жизни; кромѣ того, случай выигрыша соотвѣтствуетъ конечному числу случаевъ проигрыша, да и то, что вы ставите на игру, конечное. Здѣсь шансы уравновѣшены: когда въ выигрышѣ можно ожидать безконечнаго, а число случаевъ проигрыша не безконечно въ сравненіи съ шансомъ выигрыша, то нечего колебаться; нужно все ставить. Такимъ образомъ, разъ мы принуждены играть, то, имѣть въ виду выигрышъ безконечнаго, столь же вѣроятный, какъ проигрышъ ничтожества нашего, и все-таки беречь свою жизнь, а не рисковать ею—значитъ отказаться отъ своего разума.

А то соображеніе, что выигрышъ сомнителенъ, рискъ же несомнѣненъ, не имѣетъ никакого значенія. Не зачѣмъ говорить и того, что безконечное разстояніе между несомнѣнностью того, что ставятъ на игру, и сомнительностью того, что имѣютъ въ виду выиграть, уравновѣшиваетъ конечное благо, которое несомнѣнно ставится на игру, съ тѣмъ безконечнымъ, которое сомнительно и которое можетъ стать выигрышемъ. Всякій вѣдь игрокъ съ несомнѣнностью рискуетъ для сомнительнаго выигрыша, и все-таки, несомнѣнно рискуя конечнымъ для сомнительнаго выигрыша конечнаго, онъ не погрѣшаетъ противъ своего разума. Между несомнѣнностью ставки и сомнительностью выигрыша нѣтъ вовсе безконечнаго разстоянія. Безконечность и въ самомъ дѣлѣ есть, но только не тамъ, а между несомнѣнностью выиграть и несомнѣнностью проиграть. А сомнительность выигрыша относится къ несомнѣнности того, чѣмъ рискуешь, такъ, какъ число шансовъ выигрыша къ числу шансовъ проигрыша; отсюда происходитъ, что, если на одной сторонѣ столько же шансовъ, сколько на другой, то игра идетъ равная, и тогда несомнѣнность ставки равна сомнительности выигрыша: вотъ насколько это разстояніе далеко отъ безконечности. Такимъ образомъ наше предложеніе имѣетъ за собою безконечную силу, когда въ игрѣ съ равными шансами выигрыша и проигрыша рисковать приходится конечнымъ, а выиграть можно безконечное. Это вполнѣ убѣдительно; если только люди способны усвоить какія-либо истины, то эту они непремѣнно должны усвоить.

— „Положимъ; я это признаю, я согласенъ. Но нѣтъ-ли какого средства видѣть оборотную сторону игры?“

— Есть, напр., Св. Писаніе и пр.

— „Положимъ, это такъ; но у меня связаны руки, у меня закрыты уста: держать пари меня принуждаютъ, я не свободенъ; меня не хотятъ развязать, но я въ такомъ положеніи, что не могу вѣрить. Что же послѣ этого мнѣ дѣлать?“

Это правда. Но поймите, по крайней мѣрѣ, свое безсиліе вѣрить, если ужъ разумъ заставляетъ, а вы все-таки не можете вѣрить; старайтесь же убѣдить себя не умноженіемъ доказательствъ въ пользу Бога, а уменьшеніемъ вашихъ страстей. Вамъ хочется дойти до вѣры и вы не знаете

дороги; вы желаете излѣчить себя отъ невѣрія и просите лѣкарствъ: учитесь у тѣхъ, которые были прежде связаны, какъ и вы, а теперь держатъ пари, ставя на ставку все свое благо; эти люди знаютъ дорогу, по которой вы хотите итти, исцѣлились отъ болѣзни, отъ которой вы хотите исцѣлиться. Начните съ того, съ чего они начали, т.-е. поступайте совершенно такъ, какъ если бы вы вѣрили: берите святую воду, заказывайте службы и т. д. Это васъ даже само по себѣ заставитъ вѣрить и поглупѣть *).

— „Но этого-то я и боюсь!“

— Чего же бояться? Что вы потеряете? Чтобы показать вамъ, что это приводитъ къ желаемому результату, т.-е. уменьшитъ страсти, которыя являются для васъ великимъ препятствіемъ, и т. д., я спрошу у васъ: что худого будетъ, если вы примите такое рѣшеніе? Вы будете вѣрны, честны, смиренны, признательны, благотворительны, искренни, будете истинными друзьями. Правда, вы не будете вращаться въ зачумленныхъ удовольствіяхъ, среди славы, среди наслажденій, но развѣ у васъ не будетъ другихъ удовольствій?..

Увѣряю васъ, что вы выиграете въ этой жизни: на каждомъ шагу, сдѣланномъ вами по этому пути, вы увидите столько несомнѣнности въ выигрышѣ и столько ничтожества въ томъ, чѣмъ вы рискуете, что, наконецъ признаетесь, что держали пари за несомнѣнное и за безконечное, и притомъ сами ничѣмъ не пожертвовали.

— „О! Эта мысль меня приводитъ въ восторгъ, восхищаетъ“...

Если мои разсужденія нравятся вамъ и кажутся сильными, то знайте, что они исходятъ отъ человѣка, который до нихъ и послѣ нихъ, павши на колѣна, молилъ Безконечное и Нераздѣльное Существо, которому онъ покоряетъ себя всецѣло, чтобы Оно покорило себѣ и вашу волю, для вашего же собственнаго блага и для Его прославленія,—что такимъ образомъ заодно съ слабостью здѣсь дѣйствуетъ сила.

---

*) Ср. *Коринѳ.* 1, 3, 18: „Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ“.

— „Кто надѣется на свое спасеніе, тотъ этимъ самымъ счастливъ, но зато его мучитъ, въ противовѣсъ этому, страхъ передъ адомъ".

— Но кто имѣетъ больше причинъ бояться ада: тотъ ли, кто находится въ невѣдѣніи, есть ли адъ, и несомнѣнно будетъ осужденъ, если онъ есть, или кто несомнѣнно убѣжденъ, что адъ есть, и можетъ надѣяться, что будетъ спасенъ, если онъ есть?

Иной скажетъ: „Я тотчасъ оставилъ бы удовольствія, если бы имѣлъ вѣру". А я ему скажу: Ты тотчасъ сталъ бы имѣть вѣру, если бы оставилъ удовольствія. Тебѣ начинать! Если бы я могъ, я далъ бы тебѣ вѣру. Но я не могу этого сдѣлать; слѣдовательно, не могу испытать, правду ли ты говоришь. А ты легко можешь испытать, правду ли я говорю.

Если бы весь срокъ жизни былъ не больше недѣли, то многіе *) нашли бы болѣе выгоднымъ вѣрить, что все это не игра случая. Но кого страсти не держатъ въ своей власти, тому недѣля и сто лѣтъ—одно и то же.

II.

Метафизическія доказательства существованія Бога столь далеки отъ обычнаго способа разсужденія людей и столь запутаны, что они мало производятъ дѣйствія, и если они убѣдили бы кого, то развѣ только на тотъ моментъ, пока они на глазахъ, а часъ спустя, убѣдившійся уже боится, не обманулся ли.

„Что узнали вслѣдствіе любознательности, то потеряли вслѣдствіе гордости".

Это результатъ того, что люди хотятъ познать Бога, оставляя въ сторонѣ Іисуса Христа, т.-е., познавши Бога безъ посредника, сообщаться съ Нимъ безъ посредника. Между тѣмъ, кто позналъ Бога черезъ посредника, тотъ сознаетъ свое ничтожество.

---

*) Въ подлинникѣ: „кто только не найдетъ"... „случая"... предложеніе не закончено.

Іисусъ Христосъ есть предметъ и центръ, къ которому все стремится. Кто Его познастъ, тотъ познаетъ основаніе всѣхъ вещей.

Если кто заблуждается, то только потому, что не видитъ одной изъ этихъ двухъ вещей. Можно познать Бога, не сознавая своего ничтожества, и сознать свое ничтожество, не зная Бога. Но познатъ Іисуса Христа можно, только познавая вмѣстѣ и Бога и свое ничтожество.

Вотъ почему я не возьмусь здѣсь доказывать доводами, извлеченными изъ природы, существованіе Бога, троичность Лицъ, безсмертіе души или еще что-нибудь въ этомъ родѣ; этого я не стану дѣлать не потому только, что не чувствую себя достаточно сильнымъ, чтобы найти въ природѣ нѣчто такое, чѣмъ можно было бы убѣдить загрубѣлыхъ атеистовъ, но и потому, что познаніе Бога, пріобрѣтенное помимо познанія Іисуса Христа, безполезно и безплодно. Если бы кто былъ убѣжденъ, что соотношенія чиселъ суть не матеріальныя, а вѣчныя истины, зависимыя отъ первичной Истины, въ которой онѣ существуютъ и которую называютъ Богомъ, то я не счелъ бы такого человѣка далеко подвинувшимся на пути своего спасенія.

III.

Удивительно, что ни одинъ авторъ каноническихъ книгъ не пользовался природой для доказательства существованія Бога. Всѣ они: Давидъ, Соломонъ и др., стремятся заставить вѣрить въ Него, но ни разу не выражаются, напр., такъ: въ природѣ нѣтъ пустоты,—значитъ, есть Богъ. Они должны были бы быть просвѣщеннѣе самыхъ просвѣщенныхъ людей, явившихся послѣ нихъ и пользовавшихся подобными доказательствами. Очень важный фактъ!

Если доказывать существованіе Бога черезъ природу—признакъ слабости, то не презирайте Св. Писаніе за то, что оно этого не дѣлаетъ; если знаніе этихъ противоположностей *)—признакъ силы, уважайте за это Св. Писаніе.

---

*) Т. е. противоположностей человѣческой природы, доказывающихъ существованіе Бога, тайны грѣхопаденія, и т. д.

IV.

... Не нужно забываться: мы представляемъ собою настолько же автоматъ, насколько умъ. Поэтому орудіе, которымъ образуется наше убѣжденіе, не есть единственный способъ доказательства. Какъ мало вещей доказаннымъ! Доказательства убѣждаютъ только умъ. А самыя сильныя и самыя яркія доказательства обусловлены привычкою. Она склоняетъ въ ту или другую сторону автомата, который увлекаетъ за собою и умъ, не давая ему думать объ этомъ. Кто доказалъ, что завтра будетъ день, что мы умремъ? А между тѣмъ, что несомнѣннѣе этого? Значитъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ именно привычка; она дѣлаетъ столькихъ людей христіанами, она создаетъ турокъ, язычниковъ, ремесленниковъ, солдатъ и т. д. Наконецъ, къ ней же нужно прибѣгать,—разъ духъ увидѣлъ, гдѣ есть истина,—и для того, чтобы напитаться и проникнуться той вѣрою, которая ежечасно отъ насъ готова ускользнуть, ибо имѣть всегда на-лицо доказательства—дѣло очень трудное. Мы должны пріобрѣтать *) эту болѣе легкую вѣру, основанную на привычкѣ, которая заставляетъ насъ вѣрить безъ всякаго насилія, безъ хитрости, безъ аргументовъ, и склоняетъ всѣ наши силы къ истинной вѣрѣ, такъ что наша душа доходитъ до нея естественнымъ образомъ. Недостаточно вѣрить только подъ давленіемъ доводовъ, разъ автоматъ склоненъ повѣрить и противоположному. Итакъ, мы должны заставить вѣрить обѣ свои составныя части: умъ—доводами разума, въ которые достаточно вникнуть разъ въ жизни, автомата—привычкой, которая не позволяла бы намъ уклоняться въ противную сторону. „Приклони сердце мое“ **), Боже!

---

*) За недостаткомъ сердечной вѣры.

**) *Пс.* CXVIII.

ГЛАВА XII.

Признаки истинной вѣры.—Присутствіе этихъ признаковъ въ христіанствѣ.

I.

Признакомъ истинной религіи должно быть то, чтобы она обязывала любить Бога. Это совершенно справедливое обязательство. Между тѣмъ, никакая другая религія, кромѣ нашей, не даетъ такого предписанія, а наша обязываетъ любить Бога. Кромѣ того, истинная религія должна понять наши похоти и безсиліе; наша религія поняла это. Истинная религія должна дать средства противъ нихъ, а одна изъ нихъ—молитва. Ни одна религія не потребовала для Бога, чтобы Его любили и слѣдовали Ему.

II.

Истинная природа человѣка, истинное благо, истинная добродѣтель, истинная религія — все это такія вещи, познаніе которыхъ нераздѣльно.

Чтобы быть истинною, религія должна понять нашу природу, наше величіе и ничтожество и объяснить то и другое. А какая религія сдѣлала это, кромѣ христіанской?

III.

Другія религіи, напр., языческія, болѣе пріятны толпѣ, ибо онѣ выражаются во внѣшности; но онѣ не для просвѣщенныхъ людей. Для послѣднихъ была бы болѣе соотвѣтствующею религія чисто интеллектуальная; но такая религія не годилась бы для народа. Одна только христіанская религія соотвѣтственна для всѣхъ, такъ какъ имѣетъ и внѣшнюю и внутреннюю сторону. Она возвышаетъ народъ до внутренняго содержанія и спускаетъ гордыхъ до внѣшности; она не была бы совершенною безъ народа или безъ образованныхъ людей, ибо необходимо, чтобы первый понималъ духъ буквы, а вторые подчиняли свой духъ буквѣ.

При истинной вѣрѣ внѣшность должна быть соединена съ внутреннимъ содержаніемъ, т.-е. нужно падать на колѣни, молиться устами и т. д., чтобы гордецъ, не захотѣвшій смириться передъ Богомъ, оказался такимъ образомъ подчиненнымъ твари. Ожидать отъ этой внѣшности помощи—дѣло суевѣрія; а не желать присоединить ее къ внутреннему содержанію—значитъ быть гордымъ.

IV.

Никакая другая религія не научила питать отвращеніе къ самому себѣ. Поэтому никакая другая религія не можетъ нравиться тѣмъ, которые ненавидятъ себя и ищутъ Существа, истинно достойнаго любви. Эти люди, если бы даже никогда не слыхали о вѣрѣ въ униженнаго людьми Бога, постоянно искали бы такой религіи.

Никакая другая религія не поняла, что человѣкъ есть самое превосходное твореніе. Одни, вполнѣ признавши дѣйствительность его превосходства, приняли за малодушіе и неблагодарность тѣ низкія чувства, которыя присущи людямъ по самой природѣ; другіе, хорошо понявши, насколько дѣйствительна эта низость, съ смѣшною гордостью отнеслись къ чувствамъ величія, которыя также естественны въ человѣкѣ.

„Поднимите свои взоры къ Богу“, говорятъ одни: „посмотрите на Того, на Кого вы похожи и Кто создалъ васъ, чтобы вы поклонялись Ему. Вы можете уподобиться Ему; мудрость васъ сравняетъ съ Нимъ, если вы хотите слѣдовать ей“. А другіе говорятъ: „Опусти, жалкій червь, свои взоры на землю и смотри на звѣрей, сотоварищемъ которыхъ ты являешься“.

Чѣмъ же станетъ человѣкъ? Богу ли онъ будетъ равенъ или звѣрямъ? Какое ужасное разстояніе! Какъ же намъ быть? Кто не видитъ послѣ всего этого, что человѣкъ запутался, что онъ сбился съ мѣста, что онъ ищетъ его съ безпокойствомъ и не можетъ уже найти? А кто его направитъ туда? Самые великіе люди не могли этого сдѣлать.

Никакая религія, кромѣ нашей, не учитъ, что человѣкъ рождается въ грѣхѣ; ни одна школа философовъ не говоритъ ничего подобнаго — значитъ, ни одна не говоритъ правды.

V

Если бы была только одна религія, то Богъ былъ бы въ ней вполнѣ явнымъ. То же самое было бы, если бы только одна наша религія имѣла мучениковъ.

Если такимъ образомъ Богъ скрытъ, то всякая религія, не признающая Бога скрытымъ, не истинна; всякая религія, которая не объясняетъ этого, не имѣетъ просвѣтительнаго значенія. Наша религія все это дѣлаетъ.

Эта религія, состоящая въ вѣрованіи, что человѣкъ изъ состоянія славы и общенія съ Богомъ впалъ въ состояніе печали, раскаянія и удаленія отъ Бога и что послѣ этой жизни мы будемъ возстановлены въ прежнее состояніе Мессіей, который долженъ прійти,—эта религія постоянно была на землѣ. Все прошло, а то осталось существовать, для чего служатъ всѣ вещи.

Въ первые вѣка существованія міра люди были вовлечены во всевозможные виды нравственной распущенности, и все-таки были святые, какъ Енохъ, Ламехъ и др., которые терпѣливо ожидали Христа, отъ начала міра. Ной видѣлъ людское зло на самой высокой его степени и ему выпала на долю заслуга спасенія міра въ его лицѣ, съ помощью надежды на Мессію, котораго онъ былъ прообразомъ. Авраамъ былъ окруженъ идолопоклонниками, когда Богъ открылъ ему тайну пришествія Мессіи, котораго онъ и привѣтствовалъ издалека. Во времена Исаака и Іакова идолослуженіе распространилось на всю землю; но эти святые жили въ вѣрѣ, и Іаковъ, умирая и благословляя своихъ дѣтей, восклицаетъ, прерывая рѣчь свою отъ восторга: „На помощь твою надѣюсь, Господи“! (*Быт.* XLIX, 18).

Египтяне были заражены идолопоклонствомъ и магіей, народъ Божій былъ также увлеченъ ихъ примѣромъ, а между тѣмъ Моисей и другіе вѣрили въ Того, Кого тѣ не видѣли, и поклонялись Ему, надѣясь на вѣчные дары, которые Онъ имъ готовилъ.

Впослѣдствіи, у грековъ и латинянъ, царствовали ложныя божества; поэты составляли сотни различныхъ теологій

философы раздѣлились на тысячу различныхъ школъ, а межъ тѣмъ въ сердцѣ Іудеи все время были избранные люди, предсказывавшіе пришествіе Мессіи, который былъ признаваемъ только ими.

Наконецъ, по истеченіи срока, Онъ пришелъ: и сколько съ тѣхъ поръ появилось расколовъ и ересей, сколько низвергнуто государствъ, сколько произошло перемѣнъ во всѣхъ вещахъ! Между тѣмъ церковь, поклоняющаяся Тому, Кто всегда былъ предметомъ поклоненія, существовала непрерывно. Но удивительнѣе всего тотъ безпримѣрный и совершенно сверхъестественный фактъ, что эта религія, оставаясь неизмѣнно въ цѣлости, постоянно подвергалась ударамъ. Тысячу разъ она была наканунѣ всеобщаго разрушенія; и всякій разъ, какъ она была въ такомъ положеніи, Богъ воздвигалъ ее необычайными проявленіями Своего могущества. Не менѣе этого поразительно и то, что она удержалась, не склонившись и не павши передъ волею тирановъ. Не странно, что государство остается цѣлымъ, жертвуя иной разъ своими законами необходимости, но...

Богъ желалъ образовать священный народъ, отдѣляя его отъ всѣхъ другихъ націй, освобождая отъ враговъ и направляя въ мѣсто покоя; поэтому онъ далъ ему обѣщаніе и предсказалъ черезъ своихъ пророковъ время и образъ Своего пришествія. А между тѣмъ, чтобы поддерживать во всѣ времена надежду своихъ избранныхъ, Онъ являлъ имъ прообразы Мессіи—дабы они всегда были увѣрены въ Его могуществѣ и въ томъ, что Онъ ведетъ ихъ къ спасенію. При созданіи человѣка Адамъ былъ свидѣтелемъ и хранителемъ обѣщанія, что придетъ Спаситель, который долженъ родиться отъ жены. Когда люди были еще столь близки къ эпохѣ творенія, что не могли еще забыть своего созданія и паденія, хотя видѣвшихъ Адама уже не было на свѣтѣ, Богъ послалъ Ноя: его Онъ спасъ, а всю землю потопилъ, совершивши чудо, которое достаточно ясно показывало и власть Его спасти міръ, и волю Его сдѣлать это, произведши отъ сѣмени жены Того, Кого Онъ обѣщалъ. Этого чуда достаточно было, чтобы укрѣпить надежду въ людяхъ.

Когда память о потопѣ была еще столь свѣжа между людьми, и живъ былъ еще Ной *), Богъ повторилъ свое обѣщаніе Аврааму, а когда живъ еще былъ Симъ, Богъ послалъ Моисея, и т. д.

VI.

Государства погибали бы, если бы они не перемѣняли часто законовъ, уступая необходимости. Но религія никогда не допускаетъ этого и не пользовалась этимъ. Нужны или подобныя приспособленія или чудеса. Не странно, что кто-нибудь спасаетъ себя преклоняясь: преклоняться, собственно говоря, не значитъ удержаться въ цѣлости; притомъ же государства все-таки въ концѣ концовъ погибаютъ цѣликомъ: нѣтъ государства, которое существовало бы тысячу лѣтъ. Но тотъ фактъ, что религія постоянно держалась и остается непоколебима, не объяснимъ помимо Божескаго дѣйствія.

VII.

Слишкомъ много было бы мрака, если бы истина не имѣла видимыхъ признаковъ. Удивительнымъ ея признакомъ служитъ то, что она всегда сохранялась въ церкви и въ видимомъ обществѣ. Слишкомъ много было бы ясности, если бы въ этой церкви было только ощущаемое чувствами; но чтобы узнать, что такое истина, стоитъ только посмотрѣть, что всегда было въ церкви; ибо несомнѣнно, что истина всегда была въ ней и что никакая ложь не могла постоянно быть въ ней.

Такимъ образомъ, въ Мессію постоянно вѣрили. Преданіе объ Адамѣ было еще свѣжо при Ноѣ и Моисеѣ. Потомъ Мессію предсказывали пророки, предвѣщая постоянно новые и новые факты, исполненіе которыхъ, происходившее отъ времени до времени на глазахъ людей, доказывало подлинность ихъ миссіи, а слѣдовательно, и истину ихъ обѣщаній, касающихся Мессіи. Іисусъ Христосъ совершалъ чудеса и апостолы также; они обратили всѣхъ язычниковъ; такимъ образомъ всѣ пророчества исполнились. Мессія признанъ навсегда.

*) Ноя и Сима уже не было въ указанныя Паскалемъ эпохи.

VIII.

Видя ослѣпленіе и ничтожность людей, взирая на эту нѣмую вселенную и на человѣка, лишеннаго свѣта, предоставленнаго самому себѣ и затерявшагося въ этомъ уголкѣ вселенной, не зная, кто его туда помѣстилъ, что онъ пришелъ туда дѣлать, чѣмъ станетъ по смерти, я прихожу въ ужасъ,—какъ человѣкъ, котораго вынесли соннаго на пустынный и ужасный островъ и который пробудился, не зная, гдѣ онъ, и не имѣя средствъ уйти съ него. Я удивляюсь при этомъ, какъ люди не впадаютъ въ отчаяніе, попавши въ столь жалкое положеніе. Я вижу около себя другихъ лицъ подобной же природы; я спрашивалъ у нихъ, не больше-ли меня они знаютъ: они мнѣ говорятъ, что нѣтъ. И вотъ, при такихъ то обстоятельствахъ, эти несчастные затерявшіеся люди, осмотрѣвшись вокругъ себя и увидѣвши нѣсколько забавныхъ предметовъ, предались имъ и привязались къ нимъ. Что касается меня, то я не могъ привязаться, и, замѣчая, сколь много вѣроятности въ томъ, что есть нѣчто другое, кромѣ того, что я вижу, я разыскивалъ, не оставилъ ли Богъ какихъ-нибудь признаковъ, по которымъ можно было бы познать Его.

Я вижу нѣсколько противоположныхъ религій; слѣдовательно, онѣ всѣ ложны, кромѣ одной. Каждая хочетъ, чтобы въ нее вѣровали въ силу ея собственнаго авторитета, и каждая грозитъ невѣрующимъ. Поэтому-то я не вѣрю имъ: каждый можетъ сказать это, каждый можетъ назвать себя пророкомъ. Но видя христіанскую религію, я нахожу въ ней пророчества и исполненіе ихъ, а это не каждый можетъ сдѣлать.

IX.

Единственная религія идетъ противъ природы, противъ здраваго смысла, противъ нашихъ удовольствій; эта же религія—единственная, всегда существовавшая.

X.

Весь ходъ вещей въ мірѣ долженъ имѣть своимъ предметомъ упроченіе и величіе религіи; люди должны имѣть въ са-

михъ себѣ чувства соотвѣтственныя тому, чему она насъ учитъ; однимъ словомъ, она настолько должна быть предметомъ и центромъ, куда стремятся всѣ вещи, чтобы всякій, кто узнаетъ ея принципы, могъ объяснить всю природу человѣка въ частности и все устройство міра вообще.

Они (невѣрующіе) хулятъ то, чего не знаютъ. Христіанская религія состоитъ изъ двухъ основныхъ пунктовъ. Для людей одинаково важно знать ихъ оба и одинаково опасно не знать ихъ. Милосердіе Божіе одинаково дало намъ признаки для уразумѣнія ихъ обоихъ.

Однако они находятъ поводъ заключать, что одного изъ этихъ пунктовъ нѣтъ, именно того, который долженъ былъ бы заставить ихъ признать и другой. Мудрецы, говорившіе, что Богъ одинъ, подвергались преслѣдованію; іудеевъ ненавидѣли, христіанъ еще болѣе. Эти люди видятъ, своими природными очами, что, если есть на землѣ истинная религія, то къ ней, какъ къ центру, долженъ стремиться весь міровой порядокъ. На этомъ основаніи они принялись хулить христіанскую религію, потому что плохо ее понимаютъ. Они воображаютъ, что она состоитъ просто въ поклоненіи Богу, принимаемому за великое, могущественное и вѣчное Существо, а это, собственно говоря, деизмъ, почти столь же далекій отъ христіанской религіи, какъ и атеизмъ, который совершенно противоположенъ ей. Отсюда они заключаютъ, что эта религія не истина, потому что они не видятъ того, что всѣ вещи единодушно подтверждаютъ положеніе, что Богъ не обнаруживаетъ себя людямъ съ такою очевидностью, съ какою могъ бы это сдѣлать. Но пусть они возражаютъ, что хотятъ, противъ деизма: они этимъ ничего не возразятъ противъ христіанской религіи, которая собственно состоитъ въ тайнѣ искупленія. Искупитель, соединяя въ себѣ двѣ природы, божественную и человѣческую, освободилъ людей отъ грѣховной испорченности, чтобы примирить ихъ съ Богомъ въ своемъ Божественномъ Лицѣ.

Итакъ, она учитъ людей двумъ истинамъ: что есть Богъ, котораго люди способны познать, и что въ природѣ людей есть испорченность, которая дѣлаетъ ихъ недостойными Бога.

Для людей одинаково важно знать тотъ и другой изъ этихъ пунктовъ, и одинаково опасно для человѣка знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не зная Искупителя, который можетъ избавить отъ него. Знаніе только одной изъ этихъ вещей ведетъ за собою или гордость философовъ, которые познали Бога, но не познали своего ничтожества, или отчаяніе атеистовъ, которые сознаютъ свое ничтожество, не зная Искупителя. Такимъ образомъ, какъ одинаково необходимо человѣку знать эти два пункта, такъ же одинаково нужно милосердіе Божіе, чтобы дать намъ возможность знать ихъ. Христіанская религія даетъ эту возможность: въ этихъ пунктахъ она и состоитъ. Пусть же они изслѣдуютъ міровой порядокъ съ этой точки зрѣнія и пусть посмотрятъ, не всѣ ли вещи стремятся подтвердить эти два основныхъ пункта этой религіи.

XI.

Кто не сознаетъ себя полнымъ гордости, честолюбія, похоти, слабости, духовной нищеты и несправедливости, тотъ вполнѣ слѣпъ. А что можно сказать о человѣкѣ, который, сознавая это, не желаетъ освободиться отъ этихъ недостатковъ?... Какъ же послѣ этого не преклониться передъ религіей, которая столь хорошо понимаетъ недостатки человѣка? Какъ не желать познать истину въ религіи, которая обѣщаетъ столь желательныя средства противъ этихъ недостатковъ!

XII.

Доказательства.—1) Основаніе христіанской религіи,—она основалась сама по себѣ, столь прочно и столь мирно, будучи въ то же время столь противоположною природѣ. 2) Святость, высота и смиреніе христіанской души. 3) Чудеса Св. Писанія. 4) Іисусъ Христосъ въ частности. 5) Апостолы въ частности. 6) Моисей и пророки въ частности. 7) Іудейскій народъ. 8) Пророчества. 9) Безпрерывность. Никакая другая религія не существуетъ безпрерывно. 10) Ученіе, которое все объясняетъ. 11) Святость этого закона. 12) Устройство міра.

Разсмотрѣвъ, что такое жизнь и что такое эта религія, мы, несомнѣнно, не можемъ послѣ этого отказываться слѣдо-

вать за ней, если подобная наклонность появляется въ нашемъ сердцѣ; несомнѣнно и то, что совершенно неумѣстно смѣяться надъ тѣми, которые слѣдуютъ ей.

ГЛАВА XIII.

Одна христіанская религія понимаетъ человѣка и противорѣчіе между его величіемъ и ничтожествомъ; философскія школы неспособны понять это.

I.

Проявленія величія и ничтожности въ человѣкѣ настолько очевидны, что истинная религія необходимо должна насъ учить и тому, что въ человѣкѣ есть какое-то рѣзко выдающееся начало величія, и тому, что въ немъ есть такое же начало ничтожности. Она должна объяснить эти удивительныя противоположности.

Чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, она должна показать ему, что есть Богъ, что люди обязаны Его любить, что истинное наше счастье — быть въ Немъ, а единственное наше несчастье — быть въ удаленіи отъ Него; она должна сознавать, что мы полны мрака, который мѣшаетъ намъ познать Его и любить; что, разъ долгъ нашъ обязываетъ насъ любить Бога, а наши похоти отвращаютъ насъ отъ Него, то мы полны несправедливости. Она должна объяснить это сопротивленіе наше Богу и нашему собственному благу; должна ознакомить насъ со средствами противъ этого безсилія и указать, какъ найти эти средства. Изслѣдуйте съ этой точки зрѣнія всѣ религіи міра; посмотрите, есть ли, кромѣ христіанской, какая-нибудь другая, которая удовлетворяла бы всему этому.

Развѣ удовлетворяютъ этому философы, предлагающіе намъ, вмѣсто всякаго блага, тѣ блага, которыя заключаются въ насъ? Это ли истинное благо? Нашли ли они средство противъ нашихъ золъ? Значитъ ли это излѣчить самоувѣренность человѣка, если сравнять его съ Богомъ? Дали ли намъ средство противъ нашихъ похотей тѣ, которые сравняли насъ съ звѣрями? Можно ли сказать это о магометанахъ, которые,

ми, наблюдайте самихъ себя, и вы найдете въ себѣ живыя черты этихъ двухъ природъ. Можно ли найти столько противорѣчій въ простомъ однородномъ предметѣ?

„Я не хочу *) сказать, чтобы вы подчиняли мнѣ ваше вѣрованіе безъ всякаго основанія, я не желаю покорять васъ деспотически; я не претендую также объяснить всѣ вещи; чтобы согласовать эти противорѣчія, я хочу ясно показать вамъ, съ помощью убѣдительныхъ доводовъ, божественные признаки во мнѣ, которые убѣдили бы васъ въ томъ, что такое я, и упрочили бы мой авторитетъ чудесами и доказательствами, которыхъ вы не могли бы не признать; а послѣ этого вы должны твердо вѣрить въ то, чему я васъ учу, такъ какъ вы не найдете никокого повода отказываться, кромѣ развѣ того соображенія, что вы сами не можете узнать, вѣрно ли то, чему я васъ учу, или нѣтъ“.

Если одно только начало всего, одна только цѣль всего, то все—черезъ Бога, все для Него. Истинная религія должна, значитъ, учить насъ поклоняться только Ему, любить только Его. Но такъ какъ мы безсильны поклоняться тому, чего мы не знаемъ, и любить что-нибудь другое, кромѣ себя, то религія, научающая насъ этимъ обязанностямъ, должна показать намъ также и это безсиліе и ознакомить насъ со средствами противъ него. И вотъ она намъ сообщаетъ, что черезъ человѣка **) все потеряно и порвана связь между Богомъ и нами и черезъ человѣка же ***) эта связь возстановлена.

Мы рождаемся далекими отъ этой любви къ Богу, — отсюда необходимо вытекаетъ, что мы рождаемся виновными; иначе Богъ былъ бы несправедливъ.

II.

Первоначальный грѣхъ есть безуміе передъ людьми, но его и выдаютъ за таковое. Значитъ, вы не должны упре-

*) Слова Премудрости Божіей.

**) Адама.

***) Богочелов ка Іисуса Христа.

кать меня въ недостаткѣ основаній для этого ученія, потому что я и выдаю его за неимѣющее разумнаго основанія. Но это безуміе мудрѣе, чѣмъ вся мудрость людей: „безуміе Божіе мудрѣе человѣковъ“ *). Ибо безъ этого чѣмъ же будетъ человѣкъ? Все его положеніе зависитъ отъ этой непостижимой тайны. И какъ онъ могъ бы постигнуть ее своимъ разумомъ, если это выше его разума, если разумъ, вмѣсто того, чтобы найти ее своими собственными путями, сторонится отъ нея, когда ему представляютъ ее?

Эта двойственность человѣка столь очевидна, что иные думаютъ, будто мы имѣемъ двѣ души, такъ какъ однородный предметъ имъ кажется неспособнымъ на такія и столь внезапныя видоизмѣненія, на безмѣрную самонадѣянность и на ужасный упадокъ духа.

Всѣ эти противорѣчія, по-видимому, больше всего способныя удалить меня отъ познанія религіи, и привели скорѣе всего меня къ истинной религіи.

Признаюсь, что, лишь только христіанская религія открыла мнѣ это начало, именно—что природа людей испорчена и отпала отъ Бога, я тотчасъ повсюду сталъ видѣть признаки этой истины; ибо природа человѣка такова, что она повсюду видитъ утраченнаго Бога—и въ человѣкѣ, и внѣ человѣка—и испорченную природу.

А что могли дѣлать люди безъ этихъ духовныхъ познаній, какъ не возноситься въ своемъ внутреннемъ чувствѣ, остающимся у нихъ отъ ихъ прошлаго величія, или унижать себя при видѣ настоящей своей слабости? Ибо, не видя полной истины, они не могли дойти до совершенной добродѣтели. Считая природу человѣка то неиспорченною, то безвозвратно испорченною, они не могли избѣжать гордости или лѣности, этихъ двухъ источниковъ всѣхъ пороковъ,—ибо могли только или оставаться при своей природѣ по малодушію или удаляться отъ нея по гордости. Если они сознавали превосходство человѣка, зато они не знали его испорченности, такъ что избѣгали въ этомъ случаѣ лѣности, но

*) *Коринѳ.* I, 1, 25.

терялись въ гордости. Если же они признавали слабость природы, они не знали ея достоинства, такъ что легко могли избѣгнуть тщеславія, но зато впадали въ отчаяніе.

Отсюда происходятъ различныя школы—стоиковъ и эпикурейцевъ, догматистовъ и академиковъ, и т. д. Одна только христіанская религія могла исцѣлить оба эти порока, не изгоняя одинъ другимъ съ помощью земной мудрости, но изгоняя одинъ и другой силою Евангельской простоты. Ибо она внушаетъ праведнымъ, что, хотя она поднимаетъ ихъ до соучастія съ самимъ Божествомъ, но что и въ этомъ высокомъ положеніи они носятъ въ себѣ источникъ всей испорченности, которая дѣлаетъ ихъ въ продолженіе всей жизни подверженными заблужденію, несчастіямъ, смерти, грѣху; а самымъ нечестивымъ она громко заявляетъ, что и они способны воспринять благодать отъ ихъ Искупителя. Такимъ образомъ, заставляя трепетать тѣхъ, которыхъ оправдываетъ, и утѣшая тѣхъ, которыхъ осуждаетъ, она, благодаря этой двойной способности, общей всѣмъ людямъ—именно способности воспринимать благодать и грѣшить, съ такою справедливостью умѣряетъ страхъ надеждою, что унижаетъ человѣка безконечно болѣе, чѣмъ можетъ это сдѣлать одинъ разумъ, не толкая его все-таки въ отчаяніе, и возвышаетъ его безконечно болѣе, чѣмъ природная гордость, не давая ему все-таки кичиться. Отсюда вполнѣ очевидно, что, разъ она одна изъята отъ заблужденія и порока, то ей только и принадлежитъ способность просвѣщать и исправлять людей.

Кто же можетъ отказаться вѣровать въ это небесное откровеніе и почитать его? Не яснѣе ли дня то обстоятельство, что мы чувствуемъ въ себѣ самихъ неизгладимыя черты превосходства? Не такъ же ли истинно и то, что мы ежечасно испытываемъ послѣдствія нашего плачевнаго положенія? О чемъ же, какъ не объ истинности этихъ двухъ положеній, заявляетъ этотъ хаосъ и это чудовищное смѣшеніе,—столь мощнымъ голосомъ, что невозможно ему противостоять?

IV.

Мы не постигаемъ ни славнаго состоянія Адама, ни природы его грѣха, ни преемственности послѣдняго, доходящей

до насъ. Эти вещи произошли, когда человѣкъ имѣлъ природу, совершенно отличную отъ нашей, и превосходятъ нашу теперешнюю способность понимать. Чтобы избавиться отъ грѣха, намъ безполезно все это знать; намъ важно знать только то, что мы жалки, испорчены, отдѣлены отъ Бога, но искуплены Іисусомъ Христомъ, а для этого мы имѣемъ удивительныя доказательства на землѣ.. Напр., доказательства порчи и искупленія можно извлечь изъ образа жизни нечестивыхъ, которые живутъ въ религіозномъ индифферентизмѣ, и іудеевъ, которые суть непримиримые враги искупленія.

V.

Странно поступаетъ христіанство! Оно приказываетъ человѣку сознавать себя презрѣннымъ и даже мерзкимъ, но оно же предписываетъ ему стремиться уподобиться Богу. Безъ подобнаго противовѣса это возвышеніе дѣлало бы его ужасно тщеславнымъ, а это униженіе — ужасно отверженнымъ. Ничтожностью внушается отчаяніе, гордостью внушается самоувѣренность. Воплощеніе показываетъ человѣку величіе его ничтожности, благодаря величію средства, которое нужно было употребить.

VI.

... Униженіе не дѣлаетъ насъ неспособными къ благу и святость не дѣлаетъ изъятыми отъ зла.

Нѣтъ ученія, болѣе свойственнаго человѣку, чѣмъ то, которое открываетъ ему эту двойственную способность — получать благодать и терять благодать, такъ какъ онъ подвергается постоянно двойной опасности — отчаянію или гордости.

VII.

Философы не предписывали чувствованій, соотвѣтсвенныхъ этимъ двумъ положеніямъ. Они внушали чувства чистаго величія, а это не есть состояніе человѣка. Они внушали чувства чистаго уничиженія, а это не должно быть свойственно человѣку. Нужны чувства уничиженія, но обусловленныя не природой, а раскаяніемъ, и не для того, чтобы оставаться при нихъ, а для того, чтобы черезъ

нихъ итти къ величію. Нужны чувства величія, но не въ силу заслуги, а въ силу благодати, и притомъ уже послѣ того, какъ человѣкъ прошелъ черезъ уничиженіе.

VIII.

Никто не бываетъ такъ счастливъ, какъ истинный христіанинъ, никто не бываетъ такъ разсудителенъ, добродѣятеленъ, достоинъ любви.

Сколь мало христіанинъ гордится вѣрою въ единеніе съ Богомъ! Какъ мало чувствуетъ свою отверженность, приравнивая себя къ червямъ земли! Прекрасный способъ получать жизнь и смерть, благо и зло!

IX.

Все, что непостижимо, не перестаетъ существовать. Безконечное число, безконечное пространство существуетъ одинаково съ конечнымъ.

„Невѣроятно, чтобы Богъ былъ въ единеніи съ нами“.— Эта мысль навѣяна видомъ нашей приниженности. Но если вы вполнѣ искренне убѣждены въ ней, то слѣдуйте за мною, и вы сознаетесь, что мы дѣйствительно столь низки, что неспособны сами собою узнать, можетъ ли милосердіе Бога сдѣлать насъ способными достичь единенія съ Нимъ. Ибо мнѣ очень хотѣлось бы знать, откуда это животное, сознающее себя столь слабымъ, получило право измѣрять милосердіе Божіе и ставить ему предѣлы, внушаемые собственной фантазіей? Человѣкъ не только не знаетъ, что такое Богъ, онъ не знаетъ даже, что такое онъ самъ. И вотъ онъ, пришедши въ полное смущеніе при видѣ своего собственнаго состоянія, беретъ на себя смѣлость говорить, что Богъ не можетъ его сдѣлать способнымъ къ единенію съ Нимъ! Но я хотѣлъ бы спросить у него: развѣ Богъ требуетъ отъ него чего-нибудь другого, кромѣ того, чтобъ онъ любилъ Его и познавалъ? Почему онъ думаетъ, что Богъ не можетъ сдѣлать Себя доступнымъ для его познанія и любви, коль скоро въ немъ отъ природы есть способность любить и познавать? Вѣдь человѣкъ, несомнѣнно, сознаетъ, что онъ су-

ществуетъ и что онъ любитъ что-нибудь. Значитъ, если онъ видитъ кое-что и во мракѣ, среди котораго онъ находится, если находитъ предметъ для любви среди земныхъ вещей, то почему же, если Богъ открываетъ ему нѣкоторые лучи Своего бытія, онъ не будетъ способенъ познавать и любить Бога—тѣмъ путемъ, какимъ Ему угодно войти въ общеніе съ нами? Итакъ, подобнаго рода умствованія, несомнѣнно, отзываются невыносимою самоувѣренностью; они, по-видимому, основаны на смиреніи, но это смиреніе неискреннее и неосновательное, если оно не заставляетъ насъ сознаться, что, разъ мы не знаемъ сами по себѣ, что мы такое, то мы можемъ научиться этому только отъ Бога.

ГЛАВА XIV.

О разумѣ и вѣрѣ.

I.

Всѣ попытки разума оканчиваются тѣмъ, что онъ сознаетъ, что есть безконечное число вещей, превышающихъ его пониманіе. Если онъ не доходитъ до этого сознанія, то это означаетъ только, что онъ слабъ. А если его превосходятъ вещи естественныя, что̀ сказать о сверхъестественныхъ?

Нужно умѣть сомнѣваться, гдѣ нужно, вѣровать, гдѣ нужно, и подчиняться тоже въ пору. Кто не такъ поступаетъ, тотъ не слушается силы разума. Есть люди, которые погрѣшаютъ противъ этихъ трехъ правилъ: одни довѣряютъ всему, какъ будто все убѣдительно, не будучи знатоками въ доказательствахъ; другіе сомнѣваются во всемъ, не умѣя, гдѣ нужно, подчиниться; третьи подчиняются всему, не умѣя, гдѣ нужно, имѣть свое сужденіе.

II.

Если все подчинять разуму, наша религія не будетъ имѣть ничего таинственнаго или сверхъестественнаго. Если

пренебрегать принципами разума, наша религія будетъ абсурдной и смѣшной.

Разумъ никогда не подчинялся бы, если бы не приходилъ къ заключенію, что есть такіе случаи, гдѣ онъ долженъ подчиняться (св. Августинъ). Слѣдовательно, справедливо, что онъ тогда подчиняется, когда полагаетъ, что долженъ подчиниться.

III.

Благочестіе отличается отъ суевѣрія. Поддерживать благочестіе до суевѣрія это значитъ разрушать его. Еретики насъ упрекаютъ въ этомъ подчиненіи суевѣрію...

IV.

Есть два способа убѣдить въ истинахъ нашей религіи: можно убѣждать силою разума и авторитетомъ говорящаго. Употребляется не послѣдній способъ, а первый. Никто не скажетъ: „Нужно вѣрить въ это, ибо Св. Писаніе, говорящее это, божественно“; но скажутъ, что тому-то нужно вѣрить въ силу такого-то и такого-то разумнаго основанія, а это слабые аргументы, такъ какъ разумъ можно склонить ко всему.

Даже тѣ, которые кажутся самыми ярыми противниками прославленія религіи, сослужатъ службу для другихъ. Мы приведемъ ихъ какъ первый аргументъ въ доказательство того, что есть нѣчто сверхъестественное, ибо подобнаго рода ослѣпленіе вещь совершенно неестественная; если безуміе дѣлаетъ ихъ такими противниками ихъ собственнаго блага, то оно же послужитъ для того, чтобы гарантировать другихъ отъ этого безумія, ужасая ихъ столь плачевнымъ примѣромъ и столь достойнымъ состраданія заблужденіемъ.

Одной изъ вещей, которыя послужатъ къ стыду осужденныхъ, является то, что они осуждены ихъ собственнымъ разумомъ, съ помощью котораго они претендовали осудить христіанскую религію.

Ничто такъ не содѣйствуетъ разуму, какъ это отрицаніе разума.

Двѣ бываютъ крайности: то исключаютъ разумъ, то допускаютъ только разумъ.

Нерѣдко приходится упрекать людей въ излишней послушности. Это такой же естественный порокъ, какъ недовѣрчивость, и столь же гибельный.

V.

Вѣра хорошо выражаетъ то, чего не говорятъ чувства, но она не говоритъ противнаго тому, что они видятъ. Она выше ихъ, а не противъ нихъ.

VI.

„Если бы я увидѣлъ чудо“, говорятъ иные, „то я обратился бы“. Какъ они могутъ быть увѣрены, что сдѣлаютъ то, чего не знаютъ? Они воображаютъ, что это обращеніе и поклоненіе Богу нѣчто въ родѣ сдѣлки или простой бесѣды. Но истинное обращеніе состоитъ въ полномъ самоуничиженіи передъ всеобъемлющимъ Существомъ, котораго столько разъ вы раздражали и которое можетъ васъ ежечасно справедливо погубить, и въ сознаніи, что безъ Него ничего вы не можете сдѣлать, что вы ничего не заслужили отъ Него кромѣ Его немилости. Истинное обращеніе состоитъ въ сознаніи, что между Богомъ и вами заключается непреодолимая противоположность и что безъ посредника нельзя имѣть съ Нимъ общенія.

VII.

Не удивляйтесь, видя, что простые люди вѣрятъ безъ разсужденій. Богъ даруетъ имъ любовь къ Нему и отвращеніе къ самимъ себѣ. Онъ склоняетъ ихъ сердце къ вѣрѣ. Никто не будетъ имѣть спасающей вѣры, если Богъ не склонитъ къ ней его сердца; вѣра начнется съ тѣхъ поръ, какъ Онъ склонитъ. Давидъ хорошо это сознавалъ, говоря: „Преклони сердце мое къ откровеніямъ Твоимъ“ *).

VIII.

Люди, не прочитавшіе Ветхаго и Новаго Завѣта, вѣрятъ потому, что имѣютъ къ вѣрѣ внутреннее святое располо-

*) *Пс.* CXVIII.

женіе, и потому, что то, что они слышатъ о нашей религіи, соотвѣтствуетъ этому расположенію. Они чувствуютъ, что Богъ ихъ сотворилъ. Они хотятъ любить только Бога; они хотятъ презирать только самихъ себя. Они чувствуютъ, что они не имѣютъ на это силы въ самихъ себѣ, что они неспособны итти къ Богу и что, если Богъ не пришелъ бы къ нимъ, то они не могли бы имѣть съ Нимъ никакого общенія. И вотъ они слышатъ, что по нашей религіи должно любить только Бога и питать отвращеніе только къ самому себѣ, что, разъ всѣ люди испорчены и сами неспособны познать Бога, то Богъ сдѣлался человѣкомъ, чтобы имѣть единеніе съ нами. А больше ничего и не нужно для убѣжденія людей, которые уже имѣютъ въ сердцѣ подобное расположеніе и сознаютъ свой долгъ и свою неспособность.

IX.

Люди, являющіеся христіанами, но не знающіе ни пророчествъ, ни доказательствъ, не перестаютъ такъ же хорошо судить о вѣрѣ, какъ человѣкъ, знающій все это. Они судятъ по влеченіямъ сердца, подобно тому, какъ другіе судятъ, опираясь на умъ. Самъ Богъ склоняетъ ихъ къ вѣрѣ; такимъ образомъ, они оказываются очень сильно убѣжденными.

Я хорошо знаю, что иному изъ этихъ христіанъ, вѣрящихъ безъ доказательствъ, можетъ-быть, нечѣмъ будетъ убѣдить невѣрующаго, который будетъ ему много толковать о себѣ. Но тѣ, которые знакомы съ доказательствами религіи, легко докажутъ, что этотъ вѣрующій воистину получилъ вдохновеніе отъ Бога, хотя и не можетъ доказать этого самъ. Ибо Богъ сказалъ въ лицѣ своихъ пророковъ (въ лицѣ тѣхъ, которые несомнѣнно суть пророки), что въ царствованіе Іисуса Христа Онъ распространитъ свой Духъ надъ народами, что будутъ пророчествовать сыны, дщери и дѣти Церкви; несомнѣнно, значитъ, что Духъ Божій покоится на этихъ людяхъ, а не на другихъ.

ГЛАВА XV.

Человѣкъ, убѣдившись въ своемъ ничтожествѣ и мучимый сомнѣніемъ, не находитъ никакой надежной опоры внѣ христіанства. Іудейская исторія—одна изъ несомнѣнныхъ основъ христіанской религіи.

I.

Забавно, что мы находимъ успокоеніе въ обществѣ себѣ подобныхъ. Будучи такими же жалкими, какъ мы, и такими же безсильными, они намъ не помогутъ; мы будемъ умирать одинокими. Нужно, значитъ, поступать такъ, какъ будто мы были одинокими,—а кто тогда сталъ бы строить пышные дома и т. п.? Тогда, не колеблясь, люди искали бы истины; а если они отказываются отъ этого, то это свидѣтельствуетъ, что имъ дороже уваженіе другихъ людей, чѣмъ изслѣдованіе истины.

Вотъ что меня смущаетъ: я смотрю на всѣ стороны и всюду вижу только темноту. Природа не представляетъ мнѣ ничего такого, что не было бы предметовъ сомнѣнія и безпокойства. Если бы я не видалъ въ ней ничего, что указывало бы на Бога, то я не сталъ бы ничему вѣрить. Если бы я всюду видѣлъ признаки Создателя, я мирно успокоился бы въ вѣрѣ. Но видя слишкомъ много предметовъ для отрицанія и слишкомъ мало для вѣры, я нахожусь въ жалкомъ положеніи: я въ сто разъ больше желалъ бы, чтобы природа, если Богъ устраиваетъ ее, указывала на Него безъ всякаго двусмыслія, а если признаки, которые она даетъ для познанія Его, обманчивы,—чтобы она уничтожила ихъ совершенно, чтобы она говорила или все, или ничего, такъ чтобы я видѣлъ, какой стороны я долженъ держаться. А вмѣсто того, я въ такомъ положеніи, что, не зная, что такое я и что я долженъ дѣлать, я не знаю ни окружающихъ меня условій, ни своего долга. Мое сердце всѣми своими силами стремится познать, гдѣ истинное благо, чтобы слѣдовать ему.

Я вижу, что христіанская религія основана на предшествующей религіи *): я нахожу это важнымъ фактомъ. Я не говорю здѣсь о чудесахъ Моисея, Іисуса Христа и апостоловъ, потому что съ перваго разу они не кажутся убѣдительными: я хочу только сдѣлать здѣсь очевидными тѣ основанія христіанской религіи, которыя внѣ всякаго сомнѣнія, которыя не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію—кѣмъ бы то ни было...

Я вижу массу религій во многихъ мѣстахъ міра и во всѣ времена. Но онѣ не заключаютъ въ себѣ ни нравственности, которая могла бы мнѣ нравиться, ни доказательствъ, которыя могли бы меня остановить. Я одинаково отказался бы отъ религій Могомета, китайской, древнихъ римлянъ, египтянъ, на томъ только основаніи, что, разъ одна имѣетъ не больше признаковъ истины, чѣмъ другая, разъ нѣтъ ничего, что необходимо опредѣляло бы истинность, то разумъ не можетъ склониться скорѣе къ одной, чѣмъ къ другой.

Но разсматривая это непостоянное и прихотливое разнообразіе нравовъ и вѣрованій въ различныя времена, я нахожу въ одномъ уголкѣ міра особый народъ, отдѣленный отъ всѣхъ другихъ народовъ земли, самый древній изъ всѣхъ, исторія котораго началась за нѣсколько вѣковъ раньше древнѣйшихъ, какія мы только имѣемъ, исторій. Я нахожу этотъ народъ великимъ и многочисленнымъ, происшедшимъ отъ одного человѣка, поклоняющимся одному Богу и управляемымъ закономъ, полученнымъ, по его словамъ, изъ рукъ Бога. Онъ утверждаетъ, что ему одному въ мірѣ Богъ открылъ свои тайны, что всѣ люди испорчены и въ немилости у Бога, что они совершенно предоставлены ихъ собственнымъ чувствамъ и уму, что отсюда происходятъ у нихъ странныя заблужденія и непрерывныя перемѣны религій и привычекъ, между тѣмъ какъ самъ онъ остается непоколебимымъ въ своихъ учрежденіяхъ, но что Богъ не оставитъ другіе народы вѣчно во мракѣ, что придетъ для всѣхъ Освободитель, что онъ самъ назначенъ возвѣстить міру приходъ этого Освободителя, что онъ образованъ нарочно для того,

*) Іудейской.

чтобы быть предвозвѣстникомъ и глашатаемъ этого великаго событія, чтобы призвать всѣ народы соединиться съ собою въ ожиданіи Освободителя.

Повѣствованіе объ этомъ народѣ меня удивляетъ и кажется мнѣ замѣчательнымъ. Я разсматриваю законъ, которымъ онъ гордился—какъ полученнымъ отъ Бога, и нахожу его удивительнымъ. Этотъ законъ первый изъ всѣхъ законовъ, такъ что, прежде чѣмъ даже слово „законъ“ вошло въ употребленіе у грековъ, прошло уже почти тысячу лѣтъ, какъ іудеи получили и непрерывно хранили свой законъ. Я нахожу страннымъ, что первый въ мірѣ законъ оказывается въ то же время самымъ совершеннымъ, такъ что величайшіе законодатели заимствовали отъ него свои законы, какъ это видно изъ аѳинскихъ законовъ „двѣнадцати таблицъ“, принятыхъ потомъ римлянами, и какъ это легко было бы показать, если бы Іосифъ *) и другіе не достаточно уже разработали этотъ вопросъ.

При этомъ изысканіи іудейскій народъ, прежде всего, привлекаетъ мое вниманіе множествомъ удивительныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ явленій въ его жизни. Я прежде всего вижу, что это народъ, весь составленный изъ братьевъ; всѣ другіе образовались изъ совокупности безконечнаго числа семействъ, этотъ народъ, удивительно изобильный, весь произошелъ отъ одного человѣка; будучи, всѣ отъ одной и той же плоти, одни членами другихъ, іудеи составили могущественное государство изъ одного семейства. Это единственный въ своемъ родѣ фактъ. Это семейство или этотъ народъ древнѣе всѣхъ, какихъ только люди знаютъ; это, кажется мнѣ, вызываетъ къ нему преимущественное почтеніе, а особенно съ точки зрѣнія настоящаго нашего изслѣдованія, потому что, если Богъ испоконъ вѣковъ былъ въ общеніи съ людьми, то къ этому именно народу нужно обратиться, чтобы знать преданіе объ этомъ.

Этотъ народъ не только замѣчателенъ по своей древности, но онъ единственъ и по своей живучести: онъ не-

*) Іосифъ Флавій.

прерывно существуетъ съ своего начала до теперешняго момента; ибо между тѣмъ, какъ народы Греціи и Италіи, лакедемоняне, аѳиняне, римляне и другіе, явившіеся столь долго спустя, уже давно окончили свое существованіе, іудеи постоянно существуютъ; несмотря на всѣ мѣры столь могущественныхъ королей, сотню разъ пытавшихся ихъ погубить, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ историки и какъ легко судить объ этомъ по естественному порядку вещей, они тѣмъ не менѣе постоянно сохранялись въ продолженіе столь длиннаго ряда лѣтъ, и ихъ исторія, простираясь съ первыхъ временъ до послѣднихъ, обнимаетъ своею продолжительностью всѣ наши исторіи.

Законъ, которымъ управлялся этотъ народъ, есть одновременно и самый древній въ мірѣ, и самый совершенный и единственный, который постоянно и безъ всякаго перерыва сохранялся когда-либо въ государствѣ. Это съ удивительнымъ искусствомъ показываютъ намъ Іосифъ, опровергая Апіона, и Филонъ іудей: въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій они обнаруживаютъ, что онъ столь древенъ, что даже слово „законъ“ стало извѣстно древнимъ только спустя болѣе тысячи лѣтъ, — Гомеръ, касавшійся исторіи столькихъ государствъ, никогда не употреблялъ этого слова. А о его совершенствѣ легко судить изъ простого чтенія: мы видимъ, что онъ съ такою мудростью, съ такою справедливостью, съ такимъ пониманіемъ печется обо всемъ, что древнѣйшіе греческіе и римскіе законодатели, получившіе о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствовали изъ него свои главные законы; это видно изъ такъ называемаго закона „двѣнадцати таблицъ“ и изъ другихъ доказательствъ, приводимыхъ Іосифомъ. Но этотъ законъ въ то же время оказывается самымъ строгимъ и суровымъ во всемъ томъ, что относится къ религіозному культу; онъ подъ страхомъ смерти обязываетъ этотъ народъ, чтобы держать его въ предѣлахъ долга, къ соблюденію тысячи особыхъ и трудно выполнимыхъ предписаній. Поэтому нельзя не удивляться, какъ онъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ постоянно соблюдался такимъ непокорнымъ и несклоннымъ къ терпѣнію народомъ, какъ этотъ, тогда какъ всѣ другія государства отъ времени до времени перемѣняли свои законы, хотя они были совершенно легко

переносимы. Книга, содержащая этотъ законъ,—первая изъ всѣхъ, и притомъ древнѣйшая въ мірѣ, такъ какъ книги Гомера, Гезіода и другихъ явились только спустя шесть или семь сотъ лѣтъ.

II.

Съ любовью и вѣрностью іудеи относятся къ книгѣ, въ которой Моисей заявляетъ, что они всю свою жизнь были неблагодарны къ Богу, выражаетъ увѣренность, что и послѣ его смерти они останутся такими же, и призываетъ небо и землю во свидѣтельство противъ нихъ въ томъ, что онъ достаточно ихъ училъ; заявляетъ, что Богъ, разгнѣвавшись на нихъ, наконецъ разсѣетъ ихъ между всѣми народами земли, что, какъ они разгнѣвали Его, почитая боговъ, которые не были ихъ Богомъ, точно такъ же и Онъ броситъ имъ вызовъ, призывая къ Себѣ народъ, который не былъ Его народомъ; что, наконецъ, Онъ хочетъ, дабы всѣ Его слова вѣчно сохранялись, чтобы Его книга была положена въ кивотъ завѣта и служила на вѣки свидѣтельствомъ противъ нихъ. Исаія говоритъ то же самое (XXX, 8). И вотъ они сохраняютъ цѣною жизни книгу, которая позоритъ ихъ столькими способами! Это искренность, которой нѣтъ примѣра въ мірѣ и нѣтъ корня въ природѣ.

Большая разница между книгою, которую отдѣльное лицо составляетъ и пускаетъ въ народъ, и книгою, которую составляетъ самъ народъ. Безъ сомнѣнія, книга — не столь же древняго происхожденія, какъ народъ.

Всякая исторія, если она не современна, бываетъ подозрительна; такія книги, какъ книги Сивиллъ и Трисмегиста *), и многія другія, пріобрѣтшія кредитъ въ мірѣ, ложны или съ теченіемъ времени окажутся ложными. Но этого нельзя сказать объ авторахъ современныхъ событіямъ.

III.

Какая бываетъ разница между одной книгой и другою! Я не удивляюсь, что греки составили Иліаду, египтяне и китайцы—свои исторіи. Стоитъ только посмотрѣть, какъ это

*) Т.-е. трикратно великаго (о Меркуріи).

произошло. Эти баснословные историки не были современниками того, что они описывают. Гомеръ составляетъ романъ и выдаетъ его за таковой, ибо никто не сомнѣвался, что существованіе Трои и Агамемнона не болѣе достовѣрно, чѣмъ существованіе золотого яблока. Онъ не думалъ писать исторіи, но составилъ только разсказъ для развлеченія. Но онъ одинъ только пишетъ о своемъ времени; красота его произведенія дополняетъ дѣло, и вотъ всѣ изучаютъ его, говорятъ о немъ: его нужно знать, его каждый знаетъ наизусть. А четыреста лѣтъ спустя, свидѣтелей событій уже нѣтъ въ живыхъ; никто уже самъ по себѣ не знаетъ, басня это или исторія: чему научились отъ своихъ предковъ, то и сходитъ за истинное.

IV.

Послѣ творенія и потопа, когда Богу уже не нужно было разрушать міръ, а тѣмъ болѣе его снова создавать, когда уже не нужно было давать подобныхъ великихъ знаменій Своей власти, Онъ началъ устраивать на землѣ особый народъ, нарочно для этого созданный и предназначенный жить до появленія другого народа, который образуетъ Мессія Своимъ Духомъ.

V.

Богъ, желая показать, что Онъ могъ, образовавъ народъ, надѣлить его незримою святостью и вѣчной славой, проявилъ это въ видимыхъ вещахъ. Такъ какъ пророда есть изображеніе благодати, то Онъ и проявилъ въ благахъ природы то, что нужно было проявить въ дарахъ благодати, чтобы отсюда можно было судить, что, если Онъ такъ хорошо сотворилъ видимое, то Онъ могъ сотворить и невидимое. Поэтому-то Онъ спасъ этотъ народъ отъ потопа, произвелъ отъ Авраама, выручилъ изъ среды враговъ и далъ ему мѣсто покоя.

Спасая отъ потопа и производя весь народъ отъ Авраама, Богъ имѣлъ въ виду не только ввести этотъ народъ въ тучную землю. Точно также и благодать есть лишь образъ славы, ибо она не есть послѣдняя цѣль. Она была прообразована въ законѣ и сама изображаетъ славу; но она все-таки есть ея образъ, начало или причина.

Обыденная жизнь простыхъ людей похожа на обыденную жизнь святыхъ. Тѣ и другіе ищутъ собѣ удовлетворенія и различаются только по предмету, въ которомъ находятъ его. Тѣ и другіе называютъ врагами людей, которые имъ препятствуютъ въ этомъ, и т. п. Богъ показалъ Свою власть давать невидимыя блага тѣмъ, что обнаружилъ Свою власть надъ вещами видимыми.

VI.

Богъ желалъ своихъ избранныхъ лишить тлѣнныхъ благъ, а чтобы показать, что Онъ это дѣлалъ не по безсилію *), Онъ создалъ іудейскій народъ.

Іудеи всю жизнь прожили въ своихъ земныхъ мысляхъ,—они думали, что Богъ любилъ отца ихъ Авраама, его плоть и все, что отъ нея произошло; что для этого Онъ умножилъ ихъ и отличилъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, не допуская смѣшенія съ ними; что, когда они томились въ Египтѣ, Онъ удерживалъ ихъ въ своей милости, давая имъ всякія великія знаменія, что Онъ пропиталъ ихъ манной въ пустынѣ, вывелъ ихъ въ плодороднѣйшую землю, далъ имъ царей и храмъ искусно сооруженный, для того чтобы въ немъ приносить жертвы и очищаться пролитіемъ крови животныхъ, что Онъ, наконецъ, долженъ послать имъ Мессію, чтобы сдѣлать ихъ владыками всего міра. Онъ предсказалъ имъ даже время пришествія Мессіи.

Долго міръ лелѣялъ эти плотскія заблужденія, и вотъ пришелъ Іисусъ Христосъ въ предсказанное время, но вовсе не въ ожидаемомъ блескѣ; іудеи подумали, что это не Онъ. Послѣ Его смерти апостолъ Павелъ училъ людей, что всѣ эти вещи исполнились образно, что царство Божіе состояло не въ плоти, а въ духѣ, что врагами людей были не вавилоняне, а людскія страсти, что Богу угодны не храмы, созданные руками человѣка, а храмъ въ чистомъ и смиренномъ сердцѣ, что обрѣзаніе тѣла было безполезно, что нужно обрѣзаніе сердца, что Моисей не далъ имъ небеснаго хлѣба и т. д.

---

*) Не по безсилію дать истинныя блага.

Но Богъ, не желая открыть эти вещи народу, который былъ недостоинъ этого, желалъ все-таки ихъ предсказать, чтобы въ нихъ вѣрили; поэтому Онъ ясно предвозвѣстилъ время, и даже о самыхъ этихъ вещахъ выражался иной разъ ясно, но чаще всего, впрочемъ, въ образахъ, для того, чтобы, кто предпочитаетъ образы, тому можно было остановиться на образахъ, а кто предпочитаетъ вещи, подразумѣваемыя подъ образами, тому можно было видѣть вещи этого второго рода.

VII.

Чувственные іудеи не понимали ни величія, ни униженія Мессіи, предсказанныхъ въ ихъ пророчествахъ. Они не признали Его въ Его величіи, когда, напримѣръ, Онъ говоритъ, что Мессія Господомъ будетъ для Давида *), хотя Онъ его сынъ, что Онъ существуетъ прежде Авраама и что Онъ видѣлъ Авраама **). Они не считали Его столь великимъ, чтобы вѣрить, что Онъ вѣченъ. Точно также они не признали Его въ униженіи и въ смерти Его. „Мессія", говорили они, „пребываетъ вѣчно, а этотъ говоритъ, что Онъ умретъ". Итакъ, они не считали Его ни смертнымъ, ни вѣчнымъ: они искали въ Немъ только плотскаго величія.

VIII.

Іудеи такъ любили образное и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали его, что не признали дѣйствительности, когда она наступила въ предсказанное время и предсказаннымъ способомъ.

IX.

Кому тяжело вѣровать, тѣ ищутъ оправданія въ томъ, что іудеи не вѣровали. „Если это было столь ясно", говорятъ они, „то почему же они не вѣрили?" Имъ чуть ли не хочется, чтобы тѣ вѣрили,—чтобы не быть увлеченными примѣромъ ихъ отказа. Но этотъ самый отказъ іудеевъ и есть основаніе для нашего вѣрованія. Мы были бы гораздо менѣе

*) Ср. *Евам. Лук.*, XX, 44.
**) *Евангг. Іоанн.*, VIII.

расположены къ вѣрѣ, если бы они были на нашей сторонѣ. Мы имѣли бы тогда болѣе вѣскій предлогъ для отговорокъ, Удивительно, что іудеи оказались большими поклонниками предсказаній и большими врагами исполненія ихъ.

X.

Чтобы внушить вѣру въ Мессію, нужны были предшествующія пророчества о Немъ; нужно было, чтобы они хранились людьми стоящими внѣ подозрѣнія, отличающимися прилежаніемъ, вѣрностью, необычайнымъ, извѣстнымъ всему міру, усердіемъ.

Для успѣшнаго исполненія всего этого Богъ избралъ этотъ чувственный народъ, которому далъ на храненіе пророчества, предсказывающія Мессію, какъ освободителя и распредѣлителя тѣхъ чувственныхъ благъ, которыя любилъ этотъ народъ; такимъ образомъ, послѣдній имѣлъ необыкновенное рвеніе къ своимъ пророкамъ и сохранялъ на глазахъ всего міра книги, предсказывающія Мессію, увѣряя всѣ націи, что Онъ долженъ прійти и именно такъ, какъ сказано въ его книгахъ, которыя онъ держалъ открытыми для всего міра. А обманувшись въ ожиданіяхъ, при безславномъ и бѣдномъ пришествіи Мессіи, этотъ народъ сталъ тѣмъ болѣе жестокимъ Его врагомъ. Такимъ образомъ народъ, всего менѣе въ мірѣ склонный благопріятствовать намъ и самый строгій, какой только можно назнать, въ отношеніи къ своему закону и своимъ пророчествамъ, хранитъ ихъ неиспорченными. А для этого въ пророчествахъ скрытый духовный смыслъ, къ которому этотъ народъ былъ враждебенъ, сохраняется подъ матеріальнымъ, къ которому онъ былъ расположенъ. Если бы духовный смыслъ былъ открытымъ, іудеи неспособны были бы его полюбить; а не умѣя его оцѣнить, они не прилагали бы столько усердія къ сохраненію своихъ книгъ и обрядовъ. А если бы они относились съ любовью къ этимъ духовнымъ обѣщаніямъ и сохранили бы ихъ неискаженными до пришествія Мессіи, то ихъ свидѣтельство не имѣло бы силы, разъ они были бы расположены къ такимъ пророчествамъ. Вотъ почему хорошо было, что духовный смыслъ былъ скрытъ. Но съ другой стороны, если бы этотъ смыслъ былъ настолько скрытъ, что его совсѣмъ не

было бы видно, то онъ не могъ бы служить доказательствомъ въ пользу Мессіи. Что же было на дѣлѣ? Духовный смыслъ былъ скрытъ подъ временнымъ въ цѣлой массѣ мѣстъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ совершенно открытъ,— не считая уже того, что время и состояніе міра были предсказаны яснѣе солнца. Этотъ духовный смыслъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ столь ясно выраженъ, что не уразумѣть его можно было бы только при ослѣпленіи, подобномъ тому, которое плоть наводитъ на духъ, подчиняя его себѣ. Вотъ какъ поступилъ Богъ. Духовный смыслъ скрытъ подъ другимъ въ безконечномъ числѣ мѣстъ, а открытъ онъ рѣдко кое-гдѣ; но зато мѣста, гдѣ онъ скрытъ, двусмысленны и могутъ быть истолкованы на-двое, между тѣмъ какъ мѣста, гдѣ онъ открытъ, имѣютъ одно только значеніе и могутъ соотвѣтствовать только духовному смыслу.

Выходитъ, что такая постановка дѣла не могла вводить въ заблужденіе и что только этотъ, столь чувственный народъ могъ здѣсь ошибаться.

Разъ были обѣщаны въ изобиліи блага, что мѣшало іудеямъ разумѣть здѣсь истинныя блага, какъ не жадность ихъ, сводившая смыслъ этихъ словъ на блага земныя? Но кто имѣлъ блага лишь въ Богѣ, тотъ относилъ ихъ единственно къ Богу. Ибо желанія людей можно раздѣлить на двѣ категоріи, по двумъ принципамъ—жадности и любви. Это не значитъ, что жадность не можетъ соединяться съ вѣрой въ Бога и любовь—съ земными благами; но жадность старается извлечь выгоду изъ вѣры и ищетъ пользы—въ мірѣ; любовь же наоборотъ. А послѣдняя цѣль именно и даетъ вещамъ названіе. Все, что мѣшаетъ намъ достигнуть ея, мы называемъ враждебнымъ. Такимъ образомъ, если какія твари отвращаютъ праведныхъ отъ Бога, то, хотя онѣ и добрыя, онѣ враждебны имъ; даже Богъ является врагомъ въ глазахъ тѣхъ, алчности которыхъ онъ препятствуетъ. А такъ какъ названіе кого-нибудь „врагомъ“ обусловлено послѣднею цѣлью, то праведные понимали подъ этимъ названіемъ свои страсти, а чувственные люди разумѣли вавилонянъ. Такимъ образомъ, подобные термины были темны только для неправедныхъ. А это и разумѣетъ Исаія, говоря: „Завяжи свидѣтельство и запечатай откровеніе при ученикахъ Моихъ“ (*Ис.* VIII, 16).

Онъ же говоритъ, что Іисусъ Христосъ будетъ „камнемъ преткновенія и скалою соблазна“. Но „вѣрующій въ него не постыдится“ (*Ис.* XXVIII, 16). Осія говоритъ совершенно то же самое: „Кто мудръ, чтобы разумѣть это? кто разуменъ, чтобы познать это? ибо правы пути Господни, и праведники ходятъ по нимъ, а беззаконные падутъ на нихъ“ (XIV, 10). Отвергли и распяли Іисуса Христа, бывшаго для нихъ „соблазномъ“, тѣ самые люди, которые имѣли эти книги, прямо свидѣтельствующія о Немъ, что Онъ будетъ отвергнутъ и будетъ скалою соблазна; они, значитъ, замѣтили, отвергая Его, что это былъ Онъ самый. Итакъ, истинность Мессіи была доказана поступкомъ праведныхъ іудеевъ, принявшихъ Его, и поступкомъ неправедныхъ іудеевъ, отвергшихъ Его, такъ какъ то и другое было предсказано.

XI.

Время перваго пришествія было предсказано, а время второго нѣтъ, потому что первое должно было быть скрытымъ, а второе должно быть блистательнымъ и настолько очевиднымъ, что даже Его враги должны будутъ признать Его...

Что было дѣлать іудеямъ, врагамъ Его? Если они Его принимаютъ, то этимъ принятіемъ доказываютъ, что Онъ истинный Мессія, ибо въ этомъ случаѣ принимаютъ Его сами хранители завѣта о Мессіи; если они отказываются отъ Него, то и своимъ отреченіемъ доказываютъ то же самое.

XII.

„Смотри, сдѣлай ихъ по тому образцу, какой показанъ тебѣ на горѣ“ (*Исх.* XXV, 40).

Итакъ, религія іудеевъ была основана на образномъ выраженіи истинности Мессіи, а истинность Мессіи была узнана съ помощію іудейской религіи, которая была ея образомъ. У іудеевъ истина была облечена въ образъ. На небѣ она открыта. Въ церкви она скрыта и узнается изъ отношенія къ образу. Образъ изображалъ собою истину, а истина была узнана въ ея образѣ.

XIII.

Кто станетъ судить объ іудейской религіи по ея грубымъ послѣдователямъ, тотъ плохо ее пойметъ. Она видна въ священныхъ книгахъ и въ преданіи пророковъ, которые достаточно ясно показали, что они не понимали закона буквально. И наша религія божественна въ Евангеліи, у апостоловъ и въ преданіи, но она нелѣпа въ тѣхъ, которые плохо разсуждаютъ о ней.

Мессія, сообразно чувственному характеру іудеевъ, долженъ былъ быть великимъ временнымъ государемъ. Іисусъ Христосъ, по мнѣнію чувственныхъ христіанъ, пришелъ избавить насъ отъ обязанности любить Бога и дать намъ таинства, которыя производили бы свое дѣйствіе совершенно помимо насъ. Но ни въ послѣднемъ взглядѣ не заключается христіанской религіи, ни въ первомъ — іудейской. Истинные іудеи и истинные христіане всегда ожидали такого Мессію, который заставитъ ихъ любить Бога и, путемъ этой любви, дастъ возможность одержать верхъ надъ врагами.

Въ каждой религіи есть два сорта послѣдователей: между язычниками—поклоняющіеся звѣрямъ и поклоняющіеся единому Богу въ силу естественной религіи; между іудеями — чувственные и духовные, которые были христіанами древняго закона; между христіанами—(истинные христіане) и грубые суевѣры, которые являются іудеями новаго закона. Чувственные іудеи ожидали чувственнаго Мессію, а грубые христіане думаютъ, что Мессія избавилъ ихъ отъ обязанности любить Бога. Истинные іудеи и истинные христіане поклоняются такому Мессіи, который заставляетъ ихъ любить Бога.

Чувственные іудеи и язычники одержимы духовными болѣзнями, христіане—тоже. Для язычниковъ нѣтъ Искупителя, ибо они не надѣются на Него. Для іудеевъ нѣтъ Искупителя; они надѣются на Него тщетно. Искупитель есть только для христіанъ.

XIV.

Покровъ тайны, существовавшій для іудеевъ на книгахъ Св. Писанія, существуетъ также для дурныхъ христіанъ и для всѣхъ тѣхъ, которые не презираютъ самихъ себя. Но зато какъ хорошо человѣкъ расположенъ понимать эти книги и познавать Іисуса Христа, когда онъ истинно презираетъ самого себя!

XV.

Чувственные іудеи занимаютъ середину между христіанами и язычниками. Язычники не знаютъ Бога и любятъ только землю. Іудеи знаютъ истиннаго Бога, а любятъ лишь землю. Христіане знаютъ истиннаго Бога и не любятъ земли. Іудеи и язычники любятъ одни и тѣ же блага. Іудеи и христіане знаютъ одного и того же Бога. Іудеи были двоякаго рода: одни имѣли только языческія привязанности, другіе имѣли христіанскія привязанности.

XVI.

Этотъ народъ былъ какъ бы нарочно созданъ для свидѣтельства о Мессіи (*Ис.* XLIII, 9; XLV, 8). Онъ имѣетъ книги, любитъ ихъ и не понимаетъ ихъ. И все это было предсказано—именно, что откровенія Бога будутъ довѣрены ему, но—какъ запечатанная книга.

Пока жили пророки для поддержанія закона, народъ ими пренебрегалъ. Но лишь только ихъ не стало, появилось усердіе къ нимъ. Діаволъ смутилъ усердіе іудеевъ не послѣ, а передъ явленіемъ Іисуса Христа, потому что иначе оно было бы для нихъ спасительнымъ.

XVII.

Когда съ момента творенія прошло уже довольно много времени, Богъ избралъ единственнаго историка-современника и приставилъ цѣлый народъ для охраненія книги, чтобы эта исторія была самой подлинной въ мірѣ, чтобы всѣ люди могли научиться этому, столь необходимому знанію и

XIII.

Кто станетъ судить объ іудейской религіи по ея грубымъ послѣдователямъ, тотъ плохо ее пойметъ. Она видна въ священныхъ книгахъ и въ преданіи пророковъ, которые достаточно ясно показали, что они не понимали закона буквально. И наша религія божественна въ Евангеліи, у апостоловъ и въ преданіи, но она нелѣпа въ тѣхъ, которые плохо разсуждаютъ о ней.

Мессія, сообразно чувственному характеру іудеевъ, долженъ былъ быть великимъ временнымъ государемъ. Іисусъ Христосъ, по мнѣнію чувственныхъ христіанъ, пришелъ избавить насъ отъ обязанности любить Бога и дать намъ таинства, которыя производили бы свое дѣйствіе совершенно помимо насъ. Но ни въ послѣднемъ взглядѣ не заключается христіанской религіи, ни въ первомъ — іудейской. Истинные іудеи и истинные христіане всегда ожидали такого Мессію, который заставитъ ихъ любить Бога и, путемъ этой любви, дастъ возможность одержать верхъ надъ врагами.

Въ каждой религіи есть два сорта послѣдователей: между язычниками—поклоняющіеся звѣрямъ и поклоняющіеся единому Богу въ силу естественной религіи; между іудеями — чувственные и духовные, которые были христіанами древняго закона; между христіанами—(истинные христіане) и грубые суевѣры, которые являются іудеями новаго закона. Чувственные іудеи ожидали чувственнаго Мессію, а грубые христіане думаютъ, что Мессія избавилъ ихъ отъ обязанности любить Бога. Истинные іудеи и истинные христіане поклоняются такому Мессіи, который заставляетъ ихъ любить Бога.

Чувственные іудеи и язычники одержимы духовными [illegible] лѣзнями, христіане—тоже. Для язычниковъ нѣтъ Искупит[illegible] ибо они не надѣются на Него. Для іудеевъ нѣтъ [illegible] ля; они надѣются на Него тщетно. Искупитель ес[illegible] для христіанъ.

XIII.

Кто станетъ судить объ іудейской религіи по ея грубымъ послѣдователямъ, тотъ плохо ее пойметъ. Она видна въ священныхъ книгахъ и въ преданіи пророковъ, которые достаточно ясно показали, что они не понимали закона буквально. И наша религія божественна въ Евангеліи, у апостоловъ и въ преданіи, но она нелѣпа въ тѣхъ, которые плохо разсуждаютъ о ней.

Мессія, сообразно чувственному характеру іудеевъ, долженъ былъ быть великимъ временнымъ государемъ. Іисусъ Христосъ, по мнѣнію чувственныхъ христіанъ, пришелъ избавить насъ отъ обязанности любить Бога и дать намъ таинства, которыя производили бы свое дѣйствіе совершенно помимо насъ. Но ни въ послѣднемъ взглядѣ не заключается христіанской религіи, ни въ первомъ — іудейской. Истинные іудеи и истинные христіане всегда ожидали такого Мессію, который заставитъ ихъ любить Бога и, путемъ этой любви, дастъ возможность одержать верхъ надъ врагами.

Въ каждой религіи есть два сорта послѣдователей: между язычниками—поклоняющіеся звѣрямъ и поклоняющіеся единому Богу въ силу естественной религіи; между іудеями — чувственные и духовные, которые были христіанами древняго закона; между христіанами—(истинные христіане) и грубые суевѣры, которые являются іудеями новаго закона. Чувственные іудеи ожидали чувственнаго Мессію, а грубые христіане думаютъ, что Мессія избавилъ ихъ отъ обязанности любить Бога. Истинные іудеи и истинные христіане поклоняются такому Мессіи, который заставляетъ ихъ любить Бога.

Чувственные іудеи и язычники одержимы духовными болѣзнями, христіане—тоже. Для язычниковъ нѣтъ Искупителя, ибо они не надѣются на Него. Для іудеевъ нѣтъ Искупителя; они надѣются на Него тщетно. Искупитель есть только для христіанъ.

XIV.

Покровъ тайны, существовавшій для іудеевъ на книгахъ Св. Писанія, существуетъ также для дурныхъ христіанъ и для всѣхъ тѣхъ, которые не презираютъ самихъ себя. Но зато какъ хорошо человѣкъ расположенъ понимать эти книги и познавать Іисуса Христа, когда онъ истинно презираетъ самого себя!

XV.

Чувственные іудеи занимаютъ середину между христіанами и язычниками. Язычники не знаютъ Бога и любятъ только землю. Іудеи знаютъ истиннаго Бога, а любятъ лишь землю. Христіане знаютъ истиннаго Бога и не любятъ земли. Іудеи и язычники любятъ одни и тѣ же блага. Іудеи и христіане знаютъ одного и того же Бога. Іудеи были двоякаго рода: одни имѣли только языческія привязанности, другіе имѣли христіанскія привязанности.

XVI.

Этотъ народъ былъ какъ бы нарочно созданъ для свидѣтельства о Мессіи (*Ис.* XLIII, 9; XLV, 8). Онъ имѣетъ книги, любитъ ихъ и не понимаетъ ихъ. И все это было предсказано—именно, что откровенія Бога будутъ довѣрены ему, но—какъ запечатанная книга.

Пока жили пророки для поддержанія закона, народъ ими пренебрегалъ. Но лишь только ихъ не стало, появилось усердіе къ нимъ. Діаволъ смутилъ усердіе іудеевъ не послѣ, а передъ явленіемъ Іисуса Христа, потому что иначе оно было бы для нихъ спасительнымъ.

XVII.

Когда съ момента творенія прошло уже довольно много времени, Богъ избралъ единственнаго историка-современника и приставилъ цѣлый народъ для охраненія книги, чтобы эта исторія была самой подлинной въ мірѣ, чтобы всѣ люди могли научиться этому, столь необходимому знанію и

чтобы пріобрѣсти это знаніе можно было только съ помощью этой книги.

XVIII.

Моисей былъ умный человѣкъ; а если имъ управлялъ умъ, то онъ не говорилъ, конечно, ничего такого, что прямо противорѣчило бы уму. Такимъ образомъ, всѣ замѣтныя слабости указываютъ на силу. Возьмемъ въ примѣръ двѣ генеалогіи — св. Матѳея и св. Луки; что̀ яснѣе того, что онѣ несогласны между собою?

Почему у Моисея жизнь людей столь продолжительна, а поколѣній столь мало? Потому что не продолжительность лѣтъ, а чрезмѣрное множество поколѣній дѣлаетъ вещи темными. Ибо истина искажается только благодаря смѣнѣ людей. А Моисей два событія, самыхъ достопамятныхъ, какія только можно когда-либо вообразить,—твореніе и потопъ, ставитъ такъ близко, что можно прослѣдить соприкосновеніе.

Симъ, видѣвшій Ламеха, который видѣлъ Адама, видѣлъ также Іакова *), а Іаковъ видѣлъ тѣхъ, которые знали Моисея. Значитъ, потопъ и твореніе несомнѣнно были. Это заключеніе сдѣлано на основаніи свидѣтельства людей, достовѣрно знавшихъ событія.

Продолжительность жизни патріарховъ не только не содѣйствовала потерѣ преданій о прошлыхъ событіяхъ, но даже, напротивъ, служила къ ихъ сохраненію. Ибо, если иной разъ люди недостаточно свѣдущи въ исторіи своихъ предковъ, то это происходитъ оттого, что они никогда почти не жили одновременно съ предками, послѣдніе умирали часто прежде, чѣмъ первые достигли зрѣлаго возраста. Но когда жизнь людей была столь продолжительна, дѣтямъ приходилось долго жить съ своими отцами и часто бесѣдовать съ ними. А о чемъ же было имъ бесѣдовать, какъ не объ исторіи ихъ предковъ, разъ вся исторія сводилась тогда къ исторіи предковъ, разъ они не имѣли ни наукъ, ни искусствъ, которыя чаще всего служатъ предметами разговора въ

*) Симъ не могъ видѣть Іакова, а если и видѣлъ, то Авраама.

жизни? Притомъ же въ то время, какъ видно, народы особенно заботились сохранять свои родословныя.

XIX.

Съ этихъ поръ я отказываюсь отъ всѣхъ другихъ религій: теперь я нахожу отвѣтъ на всѣ возраженія. Справедливо, что Богъ, обладающій такою чистотою, открывается лишь тому, чье сердце очищено. Съ этихъ поръ эта религія дорога мнѣ, и я нахожу, что она достаточно доказана уже одною этою, столь божественною нравственностью; но я нахожу еще болѣе... Я нахожу такой фактъ: насколько люди помнятъ, имъ постоянно возвѣщалось, что они подвержены всеобщей испорченности, что придетъ Возстановитель. И не одинъ человѣкъ говорилъ это, а безконечное множество людей, цѣлый народъ, въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ пророчествовавшій и нарочно для этой цѣли созданный... Я простираю руки къ своему Освободителю, котораго предсказывали четыре тысячи лѣтъ и который пришелъ пострадать и умереть за меня на землѣ, въ то самое время и при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, которыя были предсказаны; по Его благодати, я мирно ожидаю смерти, въ надеждѣ быть съ Нимъ въ вѣчномъ единеніи; живу же я съ радостью, будь то среди благъ, которыя Ему угодно даровать мнѣ, будь среди золъ, которыя Онъ посылаетъ мнѣ для моего блага, научивъ меня терпѣть ихъ по Его примѣру.

Чѣмъ больше я ихъ (іудеевъ) разсматриваю, тѣмъ больше нахожу истинъ, сравнивая предыдущее съ послѣдующимъ. Вотъ наконецъ они безъ кумировъ и безъ царя! Вотъ ихъ синагога—она тоже предсказана. Вотъ жалкіе люди слѣдуютъ за ней: они наши враги, но они служатъ удивительными свидѣтелями истинности этихъ пророчествъ, въ которыхъ предсказаны даже ихъ духовная нищета и ослѣпленіе. Всюду я нахожу связь, всюду вижу религію, божественную по авторитету, по продолжительности и непрерывности, по нравственности и устройству, по ученію и дѣйствіямъ, и рядомъ съ ней ужасный мракъ у іудеевъ, который тоже предсказанъ: „И всякое пророчество для васъ то же, что слова въ запечатанной книгѣ, которую подаютъ умѣю-

щему читать книгу, и говорятъ: „прочитай ее“, и тотъ отвѣчаетъ: „не могу, потому что она запечатана“ *).

ГЛАВА XVI.

Религія іудейская, какъ и христіанская, предписываетъ любовь къ Богу.

На первый взглядъ кажется, что религія іудеевъ въ сущности состоитъ въ почитаніи отцомъ—Авраама, въ обрѣзаніи, жертвоприношеніяхъ, обрядахъ, въ почитаніи кивота завѣта, Іерусалимскаго храма и, наконецъ, въ законѣ и завѣтѣ Моисеевомъ. Но я утверждаю, что она состояла не въ этомъ, а только въ любви къ Богу, и что Богъ отвергалъ всѣ другія вещи. Вотъ рядъ фактовъ этого рода.

Богъ не принималъ чувственнаго потомства Авраама.

Онъ обѣщалъ іудеевъ наказать, какъ и иноплеменниковъ, если они Его оскорбятъ: „Если же ты позабудешь Господа Бога твоего и пойдешь въ слѣдъ боговъ другихъ и будешь служить имъ, и поклоняться имъ, то свидѣтельствуюсь вамъ сегодня небомъ и землею, что вы погибнете. Какъ народы, которые Господь Богъ истребляетъ отъ лица вашего, такъ погибнете и вы“ (*Второз.* VIII, 19, 20).

Онъ обѣщалъ иноплеменниковъ принять такъ же, какъ и іудеевъ, если они любятъ Его: „Да не говоритъ сынъ иноплеменника, присоединившійся къ Господу: Господь совсѣмъ отдѣлилъ меня отъ Своего народа“... „И сыновей иноплеменниковъ, присоединившихся къ Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабомъ Его... Я приведу на святую гору Мою и обрадую ихъ въ Моемъ домѣ молитвы; всесожженія ихъ и жертвы ихъ будутъ благопріятны на жертвенникѣ Моемъ; ибо домъ мой назовется домомъ молитвы для всѣхъ народовъ“ (*Ис.* LVI). Истинные іудеи видѣли свою заслугу въ Богѣ, а не въ Авраамѣ: „Только Ты Отецъ нашъ: ибо Авраамъ не узнаетъ насъ, и Израиль не признаетъ насъ своими; Ты Господи Отецъ нашъ, отъ вѣка имя Твое:

*) *Ис.* XXIX, 11.

Искупитель Нашъ" (*Ис.* LXIII, 16). Моисей даже сказалъ іудеямъ, что Богъ „не смотритъ на лица и не беретъ даровъ" (*Второз.* X, 17). Было предписано и обрѣзаніе сердца: „Итакъ обрѣжьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковыйны. Ибо Господь Богъ вашъ есть Богъ боговъ и Владыка владыкъ, Богъ великій, сильный и страшный" (*Второз.* X, 16, 17)... Богъ говоритъ, что Онъ совершитъ нѣкогда такое обрѣзаніе: „И обрѣжетъ Господь Богъ твой сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любилъ Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей, дабы жить тебѣ" (*Второз.* XXX, 6).

Богъ хотѣлъ судить народы необрѣзанные сердцемъ и весь израильскій народъ, потому что онъ былъ „съ необрѣзаннымъ сердцемъ" (*Іерем.*, IX, 26). Онъ указываетъ, что внѣшность ни къ чему не служитъ безъ внутренняго содержанія: „Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши„ (*Іоил.* II, 13. Ср. *Ис.* LVIII, 3, 4 и т. д.). Любовь къ Богу предписывается во всемъ Второзаконіи: „Во свидѣтели предъ вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложилъ я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое, любилъ Господа Бога твоего, слушалъ гласъ Его и прилѣплялся къ Нему, ибо въ этомъ жизнь твоя" (*Втор.* XXX, 19, 20). Іудеи, вслѣдствіе недостатка этой любви, будутъ отвергнуты за свои преступленія, а вмѣсто нихъ, будутъ избраны язычники: „Сокрою лицо Мое отъ нимъ и увижу, какой будетъ конецъ ихъ, ибо они родъ развращенный, дѣти, въ которыхъ нѣтъ вѣрности. Они развратили Меня не богомъ, суетными своими огорчили Меня; и Я раздражу ихъ не народомъ, народомъ безсмысленнымъ огорчу ихъ". (*Втор.* XXXII, 20, 21; ср. *Ос.* I, 10; *Ис.* LXV, 1). Временныя блага ложны, а истинное благо состоитъ въ единеніи съ Богомъ (*Ис.* CXLIII, 15). Праздники іудеевъ неугодны были Богу (*Амос.* V, 21). Жертвы іудеевъ тоже неугодны Богу (*Ис.* LXVI, 1—3; I, 11; *Іерем.* VI, 20; *Пс.* XVIII), даже жертвы добрыхъ (*Ис.* XLIX, 8—14). Богъ учредилъ жертвы только въ виду грубости іудеевъ (*Мих.* VI, 6—8; *Царствъ* I, XV, 22; *Ос.* VI, 6). Жертвы язычниковъ приняты будутъ Богомъ, а отъ жертвъ іудеевъ. Онъ устранитъ свое „благоволеніе" (*Малах.* I, 11). Богъ обѣщаетъ за-

ключить новый завѣтъ черезъ Мессію и отвергнуть прежній (*Іерем.* XXXI, 31; „постановленія недобрыя", *Іезек.*). Пророки говорятъ, что прежнее будетъ забыто (*Ис.* XLIII, 18, 19; LXV, 17, 18), что нѣкогда не вспомнятъ о ковчегѣ завѣта (*Іерем.* III, 15, 16), что храмъ будетъ отвергнутъ (*Іерем.* VII, 12—14), что жертвы будутъ отвергнуты и будутъ установлены другія, чистыя жертвы (*Малах.* I, 11), что порядокъ жертвоприношенія, установленный Ааономъ, будетъ отвергнутъ, что Мессія введетъ порядокъ Мельхиседека, что эти жертвоприношенія будутъ вѣчными, что Іерусалимъ будетъ отвергнутъ, а допущенъ Римъ, что имя іудеевъ будетъ отвергнуто и дано будетъ новое имя (*Ис.* LXV, 15), что это послѣднее имя будетъ лучше имени іудеевъ и притомъ будетъ вѣчнымъ (*Ис.* LVI, 5), что іуден будутъ безъ пророковъ, безъ царя, безъ князя, безъ жертвъ, безъ идоловъ (*Ам.*), что тѣмъ не менѣе іуден постоянно будутъ существовать (*Іерем.* XXXI, 36).

ГЛАВА XVII.

Древній законъ былъ изобразительнымъ. Ветхій завѣтъ изображаетъ въ образахъ событія, исполнившіяся съ пришествіемъ Мессіи.

I.

Есть образы ясные и убѣдительные, но бываютъ и такіе, которые кажутся нѣсколько туманными и служатъ доказательствомъ лишь для того, кто убѣжденъ уже другимъ путемъ. Послѣдніе образы подобны апокалипсическимъ. Но разница въ томъ, что эти люди не имѣютъ въ своихъ образахъ ничего несомнѣннаго, такъ что они въ высшей степени несправедливо доказываютъ, что и ихъ образы такъ же прочно обоснованы, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, на которые мы опираемся; на самомъ дѣлѣ у нихъ нѣтъ такихъ убѣдительныхъ образовъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ. Партіи у насъ и у нихъ неравны. Нельзя сравнивать и смѣшивать вещи потому, что онѣ кажутся похожими съ одного

конца, коль скоро онѣ столь различны съ другого. Таинственность однихъ образовъ мы почитаемъ лишь благодаря поразительной ясности другихъ.

II.

Іосифъ, горячо любимый отцомъ, посланный отцомъ посѣтить своихъ братьевъ и т. д., невинный, проданный братьями за 20 динаріевъ и сдѣлавшійся, вслѣдствіе этого, ихъ повелителемъ, спасителемъ ихъ и иноземцевъ, спасителемъ міра,—Іосифъ съ подобными чертами былъ прообразомъ Іисуса Христа; всего этого не было бы съ нимъ, если бы не было намѣренія погубить его, не было продажи и клеветы на него.

Въ темницѣ невинный Іосифъ—среди двухъ преступниковъ, на крестѣ Іисусъ Христосъ—между двумя разбойниками. Іосифъ предсказываетъ одному спасеніе, а другому смерть при однихъ и тѣхъ же уликахъ; Іисусъ Христосъ спасаетъ избранныхъ и осуждаетъ отверженныхъ, за одни и тѣ же преступленія. Іосифъ только предсказываетъ, Іисусъ Христосъ исполняетъ. Іосифъ проситъ того, который будетъ спасенъ, чтобы онъ вспомнилъ о немъ, когда войдетъ въ славу; и тотъ, котораго спасаетъ Іисусъ Христосъ, проситъ у Него, чтобы Онъ вспомнилъ о немъ, когда будетъ въ царствѣ Своемъ.

III.

Синагога не погибала, потому что она была образомъ; а такъ какъ она была только образомъ, то она впала въ рабство. Образъ существовалъ до осуществленія истины, для того чтобы церковь всегда была видимой—или въ изображеніи, которое предвѣщало ее, или въ дѣйствительности.

IV.

Чтобы сразу доказать истинность обоихъ завѣтовъ, стоитъ только посмотрѣть, исполнились ли пророчества одного въ другомъ. А чтобы разсматривать пророчества, нужно ихъ понимать, ибо, если полагать, что въ нихъ только одинъ смыслъ, то не придешь къ заключенію, что придетъ Мессія;

ключить новый завѣтъ черезъ Мессію и отвергнуть прежній (*Іерем.* XXXI, 31; „постановленія недобрыя“, *Іезек.*). Пророки говорятъ, что прежнее будетъ забыто (*Ис.* XLIII, 18, 19; LXV, 17, 18), что нѣкогда не вспомнятъ о ковчегѣ завѣта (*Іерем.* III, 15, 16), что храмъ будетъ отвергнутъ (*Іерем.* VII, 12—14), что жертвы будутъ отвергнуты и будутъ установлены другія, чистыя жертвы (*Малах.* I, 11), что порядокъ жертвоприношенія, установленный Ааропомъ, будетъ отвергнутъ, что Мессія введетъ порядокъ Мельхиседека, что эти жертвоприношенія будутъ вѣчными, что Іерусалимъ будетъ отвергнутъ, а допущенъ Римъ, что имя іудеевъ будетъ отвергнуто и дано будетъ новое имя(*Ис.* LXV, 15), что это послѣднее имя будетъ лучше имени іудеевъ и притомъ будетъ вѣчнымъ (*Ис.* LVI, 5), что іудеи будутъ безъ пророковъ, безъ царя, безъ князя, безъ жертвъ, безъ идоловъ (*Ам.*), что тѣмъ не менѣе іудеи постоянно будутъ существовать (*Іерем.* XXXI, 36).

ГЛАВА XVII.

Древній законъ былъ изобразительнымъ. Ветхій завѣтъ изображаетъ въ образахъ событія, исполнившіяся съ пришествіемъ Мессіи.

I.

Есть образы ясные и убѣдительные, но бываютъ и такіе, которые кажутся нѣсколько туманными и служатъ доказательствомъ лишь для того, кто убѣжденъ уже другимъ путемъ. Послѣдніе образы подобны апокалипсическимъ. Но разница въ томъ, что эти люди не имѣютъ въ своихъ образахъ ничего несомнѣннаго, такъ что они въ высшей степени несправедливо доказываютъ, что и ихъ образы такъ же прочно обоснованы, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, на которые мы опираемся; на самомъ дѣлѣ у нихъ нѣтъ такихъ убѣдительныхъ образовъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ. Партіи у насъ и у нихъ неравны. Нельзя сравнивать и смѣшивать вещи потому, что онѣ кажутся похожими съ одного

конца, коль скоро онѣ столь различны съ другого. Таинственность однихъ образовъ мы почитаемъ лишь благодаря поразительной ясности другихъ.

II.

Іосифъ, горячо любимый отцомъ, посланный отцомъ посѣтить своихъ братьевъ и т. д., невинный, проданный братьями за 20 динаріевъ и сдѣлавшійся, вслѣдствіе этого, ихъ повелителемъ, спасителемъ ихъ и иноземцевъ, спасителемъ міра,—Іосифъ съ подобными чертами былъ прообразомъ Іисуса Христа; всего этого не было бы съ нимъ, если бы не было намѣренія погубить его, не было продажи и клеветы на него.

Въ темницѣ невинный Іосифъ—среди двухъ преступниковъ, на крестѣ Іисусъ Христосъ—между двумя разбойниками. Іосифъ предсказываетъ одному спасеніе, а другому смерть при однихъ и тѣхъ же уликахъ; Іисусъ Христосъ спасаетъ избранныхъ и осуждаетъ отверженныхъ, за одни и тѣ же преступленія. Іосифъ только предсказываетъ, Іисусъ Христосъ исполняетъ. Іосифъ проситъ того, который будетъ спасенъ, чтобы онъ вспомнилъ о немъ, когда войдетъ въ славу; и тотъ, котораго спасаетъ Іисусъ Христосъ, проситъ у Него, чтобы Онъ вспомнилъ о немъ, когда будетъ въ царствѣ Своемъ.

III.

Синагога не погибала, потому что она была образомъ; а такъ какъ она была только образомъ, то она впала въ рабство. Образъ существовалъ до осуществленія истины, для того чтобы церковь всегда была видимой—или въ изображеніи, которое предвѣщало ее, или въ дѣйствительности.

IV.

Чтобы сразу доказать истинность обоихъ завѣтовъ, стоитъ только посмотрѣть, исполнились ли пророчества одного въ другомъ. А чтобы разсматривать пророчества, нужно ихъ понимать, ибо, если полагать, что въ нихъ только одинъ смыслъ, то не придешь къ заключенію, что придетъ Мессія;

но если видѣть въ нихъ двойной смыслъ, то окажется несомнѣннымъ, что Онъ придетъ, въ лицѣ Іисуса Христа.

Весь, значитъ, вопросъ въ томъ, имѣютъ ли они двойной смыслъ...

V.

Показать, что ветхій завѣтъ носитъ образный характеръ и что пророки подъ временными благами понимали блага иного рода, это значитъ показать, во-первыхъ, что обѣщать только временныя блага было бы недостойно Бога, во-вторыхъ, что хотя ихъ разсужденія очень ясно выражаютъ обѣщаніе временныхъ благъ, все-таки они утверждаютъ, что ихъ рѣчи темны и что смыслъ ихъ не будетъ понятъ. Отсюда ясно, что это не тотъ смыслъ, который они выражаютъ напрямикъ, что, слѣдовательно, нужно понимать, что они говорятъ о какихъ-то другихъ жертвоприношеніяхъ, разумѣютъ другого рода освободителя и т. д. Они говорятъ: „въ послѣдніе дни уразумѣете это“ (*Іер.* XXX, 24).

Третье доказательство состоитъ въ томъ, что ихъ рѣчи противорѣчивы и уничтожаютъ другъ друга, такъ что, если принять, что подъ словами „законъ“ и „жертва“ они разумѣли то же самое, что и Моисей, то у нихъ окажется очевидное и грубое противорѣчіе. Значитъ, они разумѣли нѣчто другое, коль скоро не разъ противорѣчатъ себѣ въ одной и той же главѣ.

VI.

Если законъ и жертвоприношенія суть истина, то необходимо, чтобы они были угодны Богу и чтобы не были противны Ему. Если же это образы, то можетъ выйти, что они угодны и неугодны. А во всемъ Св. Писаніи они именно то угодны, то неугодны.

Съ одной стороны, Богъ говоритъ, что законъ будетъ замѣненъ, что жертвоприношеніе измѣнится, что іудеи будутъ безъ царя, безъ князя и безъ жертвъ, что будетъ заключенъ новый завѣтъ, что законъ будетъ возобновленъ, что наставленія, полученныя ими, не хороши, что ихъ жертвы мерзки, что Богъ не просилъ такихъ жертвъ.

Съ другой стороны, Онъ говоритъ, что законъ будетъ

существовать вѣчно, что завѣтъ этотъ будетъ вѣчнымъ, что жертвоприношеніе будетъ вѣчнымъ, что „скипетъ не отойдетъ отъ Іуды, пока не придетъ Примиритель, и Ему — покорность народовъ".

Означаютъ ли всѣ эти мѣста, что это дѣйствительность? Нѣтъ. Указываютъ ли они на то, что это образъ? Нѣтъ. Тутъ есть образы, есть и дѣйствительность. Но первыя мѣста, исключающія дѣйствительность, показываютъ, что это только образъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ въ совокупности не можетъ быть рѣчи о дѣйствительности; но во всѣхъ можно разумѣть образъ; значитъ, въ этихъ мѣстахъ сказано не о дѣйствительности, а объ образѣ. Агнецъ закланъ былъ отъ созданія міра.

VII.

Портретъ заключаетъ въ себѣ отсутствіе и присутствіе, возбуждаетъ удовольствіе и тоску. Дѣйствительность исключаетъ отсутствіе и тоску.

Чтобы знать, дѣйствительность или образъ составляютъ законъ и жертвы, для этого нужно знать, какъ смотрятъ и думаютъ пророки, говоря объ этихъ вещахъ: видятъ ли они въ нихъ только древній завѣтъ ими какую-нибудь другую вещь, для которой этотъ завѣтъ служитъ изображеніемъ, какъ и въ портретѣ мы видимъ лишь нѣчто образное. Для рѣшенія этого вопроса стоитъ только разсмотрѣть, какъ они объ этомъ выражаются.

Говоря, что завѣтъ будетъ вѣченъ, тотъ ли самый завѣтъ они разумѣютъ, о которомъ говорятъ, что онъ будетъ измѣненъ? То же можно спросить о жертвахъ и т. д.

Когда мы случайно встрѣчаемъ важное письмо, смыслъ котораго ясенъ, но въ которомъ тѣмъ не менѣе сказано, что смыслъ его скрытъ и затемненъ, такъ что читающій, смотря въ письмо, ничего не видитъ и, все понимая, въ то же время ничего не понимаетъ, развѣ не ясно, въ такомъ случаѣ, что мы имѣемъ дѣло съ шифромъ, въ которомъ два смысла, особенно если въ буквальномъ смыслѣ мы находимъ очевидныя противорѣчія? Какъ дороги намъ должны быть тѣ,

которые открываютъ шифръ и научаютъ насъ поминать скрытый смыслъ, особенно если употребляемые ими способы чтенія совершенно естественны и ясны! А это самое и дѣлаетъ Іисусъ Христосъ и апостолы. Онъ снялъ печать, Онъ разорвалъ покровъ тайны и открылъ внутренній духъ. Апостолы для этого и научили насъ, что враги человѣка —это его страсти, что Искупителя нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, что должно признавать два пришествія, одно безславное, съ цѣлью унизить гордаго человѣка, другое славное, съ цѣлью поднять униженнаго человѣка, что Іисусъ Христосъ—Богъ и человѣкъ. Пророки ясно говорили, что Израиль всегда будетъ любимъ Богомъ и что законъ будетъ вѣчнымъ, но они же говорили, что люди не понимали смысла ихъ пророчествъ, что онъ былъ скрытъ.

VIII.

Іисусъ Христосъ всячески вразумлялъ людей, что они любили самихъ себя, что они были рабами, слѣпыми, больными, несчастными и грѣшниками, что Онъ долженъ ихъ освободить, просвѣтить, сдѣлать счастливыми и исцѣлить, и что этого можно достигнуть—лишь ненавидя самого себя и слѣдуя за Нимъ въ Его униженіи и крестной смерти.

Такой то именно ключъ къ шифру и даетъ намъ апостолъ Павелъ. Письмо прочитано. Все происходило въ образахъ. Христу предстояло пострадать. Богъ былъ униженъ. Явилось обрѣзаніе сердца, истинный постъ, истинная жертва, истинный храмъ. Пророки указывали, что все это нужно было понимать въ духовномъ смыслѣ.

Двоякій законъ, двойныя скрижали закона, двоякій храмъ, двоякое рабство.

IX.

... Ветхій завѣтъ, созданный для того, чтобы ослѣплять однихъ и просвѣщать другихъ, даже въ лицѣ тѣхъ, которыхъ ослѣплялъ, показывалъ истину, которую должны были по-

знать просвѣщенные. Ибо видимыя блага, получаемыя отъ Бога этими ослѣпленными людьми, были столь велики и столь поразительны, что вполнѣ было очевидно, что Онъ властенъ дать имъ и невидимыя блага, и Мессію. Ибо природа есть изображеніе благодати, а видимыя чудеса суть изображенія невидимыхъ. „Но чтобы вы знали *)—тебѣ говорю: встань!“

Исаія (LI) говоритъ, что искупленіе будетъ образомъ Чермнаго моря.

Итакъ, Богъ показалъ на фактѣ выхода изъ Египта, на переходѣ черезъ море, пораженіи царей, полученіи манны, на всей генеалогіи Авраама, что Онъ былъ способенъ спасти, ниспослать хлѣбъ съ неба и т. д., такъ что враждебный народъ служитъ образомъ и представленіемъ того самаго Мессіи, котораго онъ не призналъ. Онъ научилъ насъ, наконецъ, что всѣ эти вещи были только образами, указалъ, что̀ такое истинно свободный, истинно добрый человѣкъ, что такое истинное обрѣзаніе, истинный хлѣбъ небесный и т. д.

Въ этихъ обѣщаніяхъ каждый находитъ то, что есть въ глубинѣ его собственнаго сердца — временныя блага или духовныя, Бога или тварь; но разница въ томъ, что, кто ищетъ тварь, тотъ ее находитъ, но находитъ и кое-какія противорѣчія: онъ находитъ запрещеніе любить тварь и — что̀ то же самое—приказаніе поклоняться только Богу и любить только Его, онъ узнаетъ, что Мессія пришелъ не для него; наоборотъ, кто ищетъ Бога, тотъ и находитъ Бога, и притомъ безъ всякаго противорѣчія, — онъ находитъ, что предписано любить только Бога, что Мессія пришелъ въ предсказанное время, чтобы дать ему блага, которыя онъ проситъ.

Такимъ образомъ, іудеи имѣли чудеса, пророчества, которыя на ихъ же глазахъ исполнялись; а ученіе ихъ закона стояло въ томъ, чтобы поклоняться и любить только Бога; кромѣ того, оно непрерывно существовало... Такимъ образомъ, оно имѣло всѣ признаки истинной религіи: значитъ, было истиннымъ. Но нужно различать ученіе іудевъ отъ

*) „Но чтобы вы знали, что Сынъ человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи: тебѣ говорю: встань“ (*Лук.* V).

ученія закона іудейскаго. Ученіе іудеевъ не было истиннымъ, хотя имѣло чудеса, пророчества и существовало непрерывно, потому что оно не заключало въ себѣ второй изъ указанныхъ сторонъ, именно—обязанности поклоняться и любить только Бога.

X.

Источники противоположностей: Богъ—униженный до того, что умеръ на крестѣ, Мессія—своею смертью торжествующій надъ смертью. Двѣ природы въ Іисусѣ Христѣ, два пришествія, два состоянія человѣческой природы.

Хорошій портретъ можно сдѣлать не иначе, какъ согласовавши всѣ наши противоположности: недостаточно слѣдовать по порядку за чертами, согласными между собою, нужно примирить и противоположности. Точно такъ же, чтобы понять смыслъ автора, нужно примирить всѣ противорѣчивыя мѣста.

Такимъ образомъ, чтобы понять Св. Писаніе, нужно найти смыслъ, въ которомъ всѣ противорѣчивыя мѣста согласовались бы. Нельзя довольствоваться смысломъ, который подходилъ бы лишь къ нѣсколькимъ согласнымъ мѣстамъ; нужно найти такой, при которомъ даже противорѣчивыя мѣста оказывались бы согласными.

Всякій авторъ имѣетъ смыслъ, въ которомъ согласуются всѣ противорѣчивыя мѣста, а иначе въ немъ вовсе нѣтъ смысла. Послѣдняго нельзя сказать о Св. Писаніи и о пророкахъ. Они обладали, несомнѣнно, совершенно здравымъ смысломъ. Нужно, значитъ, искать въ нихъ такого смысла, который согласовалъ бы всѣ противорѣчія.

Истинный смыслъ не тотъ, который разумѣли іудеи: но въ Іисусѣ Христѣ всѣ противорѣчія согласованы.

Іудеи не сумѣли бы согласовать прекращеніе царской и княжеской власти, предсказанное Осіей, съ пророчествомъ Іакова.

Если принимать законъ, жертвы, царство за дѣйствительность, то нельзя согласовать всѣ мѣста. Итакъ, необходимо принимать это только за образы. Въ противномъ случаѣ, едва

ли кто сумѣлъ бы согласовать даже мѣста одного и того же автора, одной и той же книги, а иной разъ — и главы. Все это достаточно ясно указываетъ, какой смыслъ разумѣлъ авторъ, напр., Іезекіиль, говорившій, что народъ и будетъ жить въ заповѣдяхъ Божіихъ и не будетъ жить въ заповѣдяхъ (XX).

XI.

Не было позволено ни приносить жертвы внѣ Іерусалима, который былъ избраннымъ мѣстомъ Господа, ни даже ѣсть въ другихъ мѣстахъ „десятину“ (*Втор.* XII, 5 и д., XIV, 23 и д.; XV, 20; XVI, 2, 7, 11, 15).

Осія предсказалъ, что іудеи будутъ безъ царя, безъ князя, безъ жертвъ и безъ идоловъ, что и исполнилось теперь, такъ какъ они не могутъ приносить законную жертву внѣ Іерусалима.

XII.

Когда слово Божье, которое всегда истинно, оказывается ложнымъ въ буквальномъ смыслѣ, то это значитъ, что оно истинно въ духовномъ смыслѣ. „Сиди одесную Меня“,— буквально это невѣрно: значитъ, это истинно въ духовномъ смыслѣ. Въ этихъ выраженіяхъ сказано о Богѣ, какъ говорятъ о людяхъ, и это означаетъ не что иное, какъ то, что Богъ будетъ имѣть такое же желаніе, какое выражаютъ люди тѣмъ, что сажаютъ кого-нибудь по правую руку. Это внѣшнее выраженіе воли Бога, а не способа исполненія.

Точно также, когда, напр., говорится: „Богъ принялъ запахъ вашихъ благовоній и дастъ вамъ въ награду тучную землю“, то это значитъ, что, какое настроеніе имѣлъ бы по отношенію къ вамъ человѣкъ, который, принимая благосклонно ваши благовонія, далъ бы въ награду за нихъ тучную землю, такое же настроеніе по отношенію къ вамъ будетъ имѣть и Богъ, разъ вы проявили къ Нему такое же расположеніе, какое мы имѣемъ къ тому, кому воскуряемъ благовонія. Такъ же надо толковать выраженія: „разгнѣвался“, „Богъ ревнитель *)“, и т. п. Ибо, разъ дѣла Божіи

*) *Исх.* XXXVI, 14.

невыразимы, то о нихъ и нельзя выражаться иначе; и теперь еще церковь употребляетъ, напр., выраженіе: „Врата мѣдная стерлъ еси и вереи желѣзныя сломилъ еси“, и т. д.

XIII.

Все, что не относится къ любви, — есть образъ. Единственный предметъ Св. Писанія есть любовь. Все, что не относится къ этой единственной цѣли, есть образъ: ибо, разъ цѣль только одна, то все, что не относится къ ней въ точномъ значеніи слова, есть образъ.

Богъ разнообразитъ эту единственную заповѣдь любви, чтобы удовлетворить нашу любознательность, которая ищетъ разнообразія, но и при этомъ разнообразіи Онъ ведетъ насъ всегда къ единственно необходимому для насъ. Одна только вещь необходима, а мы любимъ разнообразіе; и вотъ Богъ удовлетворяетъ той и другой потребности съ помощью разнообразія, которое ведетъ къ единственно необходимому.

XIV.

Раввины принимаютъ за образъ сосцы жены *) и все, что не выражаетъ единственной цѣли, которую они преслѣдуютъ, именно временныхъ благъ. А христіане даже Евхаристію принимаютъ за образъ славы, къ которой они стремятся.

XV.

Многіе хорошо видятъ, что у человѣка нѣтъ иного врага, кромѣ похоти, что она отвращаетъ его отъ Бога, а не Богъ Самъ; что нѣтъ иного добра, кромѣ Бога, а не тучная земля—добро. Кто думаетъ, что благо человѣка заключается въ плоти, а зло — въ томъ, что отвращаетъ его отъ чувственныхъ удовольствій, тотъ пусть пресыщается, пусть умираетъ среди нихъ. Но кто ищетъ Бога всѣмъ своимъ сердцемъ, для кого нѣтъ иного неудовольствія, какъ быть лишеннымъ Его лицезрѣнія, иного желанія, какъ обладать вѣрой въ Него, у кого нѣтъ иного недруга, кромѣ тѣхъ, которые отвращаютъ отъ Него, кто удрученъ тѣмъ, что видитъ кругомъ враговъ и себя во власти ихъ, тотъ пусть утѣшится!

*) Въ Пѣсни пѣсней.

Я возвѣщаю такимъ людямъ счастливую вѣсть: есть для нихъ Освободитель, я покажу Его имъ, я укажу, что для нихъ есть Богъ; но я не покажу Его остальнымъ. Я покажу, что былъ обѣщанъ Мессія, чтобы избавить ихъ отъ враговъ, но что Онъ пришелъ избавить отъ беззаконій, а не отъ непріятелей.

XVI.

Когда Давидъ предсказываетъ, что Мессія освободитъ свой народъ отъ враговъ, то въ матеріальномъ смыслѣ можно подумать, что рѣчь идетъ объ египтянахъ; въ такомъ случаѣ, я могу только указать, что пророчество исполнилось. Но можно такъ же хорошо разумѣть подъ врагами—беззаконія, ибо въ истинномъ смыслѣ враги не египтяне, а беззаконія. Слово „враги", слѣдовательно, имѣетъ два значенія. Но если бы въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ,—какъ онъ и дѣлаетъ,—что Богъ освободитъ свой народъ отъ грѣховъ (то же говоритъ Исаія и др.), то двусмысленности уже нѣтъ: двойное значеніе слова „враги" сведено къ значенію просто „беззаконія"; ибо, если авторъ имѣлъ въ виду грѣхи, то онъ могъ ихъ обозначить словомъ „враги"; а если бы онъ думалъ о непріятеляхъ, то онъ не могъ бы означить ихъ словомъ „беззаконія". А Моисей, Давидъ, Исаія пользовались одними и тѣми же терминами. Кто же послѣ этого скажетъ, что они держались не одного и того же смысла, что смыслъ, принимаемый Давидомъ, когда онъ, говоря о врагахъ, очевидно, разумѣетъ беззаконія, не тотъ же самый, что и у Моисея, когда онъ говоритъ о врагахъ?

Даніилъ (IX) проситъ освобожденія народа изъ плѣна враговъ, но онъ разумѣлъ грѣхи, и, чтобы доказать это, говоритъ, что ему явился Гавріилъ и объявилъ, что молитва его услышана, что придется ждать не болѣе семидесяти седминъ, послѣ чего народъ загладитъ беззаконія, запечатаны будутъ грѣхи и Освободитель, „Святый святыхъ", приведетъ правду вѣчную,—не основанную на Моисеевомъ законѣ, а именно вѣчную.

Разъ открытъ этотъ секретъ, уже невозможно не видѣть его. Читая Ветхій Завѣтъ съ этой точки зрѣнія, можно ли

прійти къ заключенію, что жертвы были истинны, что истинной причиной Божьяго расположенія къ народа было происхожденіе отъ отца Авраама, что истиннымъ мѣстомъ покоя была обѣтованная земля? Нѣтъ. Значитъ, это были образы. Стоитъ также разсмотрѣть всѣ предписанные обряды, всѣ заповѣди, не имѣющія цѣлью любви, и мы увидимъ, что все это образы.

Итакъ, всѣ жертвы и обряды были образами или глупостями. А глупостями ихъ считать не дозволяютъ многія ясныя и въ высшей степени возвышенныя вещи.

ГЛАВА XVIII.

Четыре тысячи лѣтъ Іисусъ Христосъ предвозвѣщался пророчествами, которыя впослѣдствіи и исполнились.

I.

Величайшее изъ доказательствъ истинности Іисуса Христа это пророчества. О нихъ-то Богъ имѣлъ наибольшее попеченіе; ибо событіе, въ которомъ они исполнились, есть чудо, которое существуетъ со времени зарожденія церкви и будетъ существовать до конца (міра). И Богъ воздвигалъ пророковъ въ продолженіе полуторы тысячи лѣтъ, а въ продолженіе послѣдующихъ четырехъ сотъ лѣтъ Онъ разсѣялъ всѣ эти пророчества, вмѣстѣ со всѣми іудеями, хранившими ихъ, по всѣмъ странамъ міра. Вотъ каково было приготовленіе къ рожденію Іисуса Христа, въ Евангеліе котораго долженъ былъ увѣровать весь міръ; нужно было не только имѣть на лицо пророчества, чтобы заставить увѣровать въ Него, но эти пророчества должны были быть разсѣяны по всему міру, чтобы весь міръ могъ обнять Его.

Если бы одинъ только человѣкъ составилъ книгу пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, о времени и способѣ Его пришествія, и если бы Іисусъ Христосъ пришелъ сообразно съ этими пророчествами, то и это было бы фактомъ безконечной важности. Но въ данномъ случаѣ гораздо больше такихъ людей: цѣлымъ рядомъ люди, въ продолженіе четырехъ ты-

сячъ лѣтъ, постоянно и неизмѣнно, являлись одинъ за другимъ предсказывать одно и то же пришествіе. Цѣлый народъ возвѣщалъ Мессію, народъ, жившій четыре тысячи лѣтъ, чтобы всей своею массою засвидѣтельствовать свою увѣренность въ Мессію, отъ которой его не могли отвратить никакія угрозы, никакія преслѣдованія. Этотъ фактъ уже гораздо важнѣе!

II.

Время предсказано было обозначеніемъ положенія іудейскаго народа, положенія языческаго народа, состоянія храма, числа лѣтъ. Нужно много смѣлости, чтобы предсказывать одну и ту же вещь столькими способами. На одно и то же время должны были прійтись четыре идолопоклонническія или языческія монархіи, конецъ царства Іуды и семьдесятъ седминъ, и притомъ все это до разрушенія второго храма.

Было предсказано, что во время четвертой монархіи, прежде разрушенія второго храма, прежде чѣмъ будетъ отнято господство у іудеевъ, въ семидесятую седмину Даніила (при цѣлости еще второго храма) язычники будутъ просвѣщены и приведены къ познанію Бога, почитаемаго іудеями, любящіе Бога будутъ освобождены отъ своихъ враговъ и исполнятся страха Божія и любви къ Нему.

И дѣйствительно, такъ и случилось: во время четвертой монархіи, прежде разрушенія второго храма и т. д., язычники массами поклоняются Богу, иные ведутъ ангельскую жизнь; дѣвы посвящаютъ Богу свое дѣвство и жизнь; люди отказываются отъ всѣхъ удовольствій. Въ чемъ Платонъ не могъ убѣдить небольшую кучку избранныхъ и просвѣщенныхъ людей, въ томъ таинственная сила убѣждаетъ сотни тысячъ непросвѣщенныхъ, съ помощью немногихъ, но великихъ словъ. Богатые разстаются съ своимъ имуществомъ, дѣти покидаютъ любимый домъ своихъ отцовъ, чтобы погрузиться въ таинственность пустыни, и т. д. (см. Филона-іудея). Что же значитъ все это? А это исполненіе того, что было предсказано за столь много времени раньше. Двѣ тысячи лѣтъ ни одинъ язычникъ не поклонялся Богу іуде-

евъ, а въ предсказанное время толпы язычниковъ поклоняются этому единому Богу. Храмы разрушены, цари покоряются кресту. Что значитъ все это? А это значитъ, что Духъ Божій распространился по землѣ.—Прежде всѣ народы были погружены въ невѣріе и похоть; а теперь вся земля стала горѣть любовью. Князья оставляютъ свое величіе; дѣвы терпятъ мученія. Откуда такая сила? А это, значитъ, Мессія пришелъ. Вотъ результаты и признаки Его прихода.

Предсказано было, что во время Мессіи будетъ установленъ новый завѣтъ, который заставитъ забыть объ исходѣ изъ Египта (*Іерем.* XXIII, 5), положитъ свой законъ не во внѣшности, а въ сердцахъ; было предсказано, что Іисусъ Христосъ внушитъ въ сердца страхъ Божій, который раньше проявлялся только извнѣ. Кто не видитъ во всемъ этомъ христіанскаго закона?

Было предсказано, что іудеи отвергнутъ Іисуса Христа, что они сами будутъ отвергнуты Богомъ, такъ какъ отборный виноградникъ станетъ давать только незрѣлые плоды, что избранный народъ будетъ невѣрнымъ, неблагодарнымъ и невѣрующимъ, что Богъ поразитъ его слѣпотою: „и ты будешь ощупью ходить въ полдень, какъ слѣпой ощупью ходитъ впотьмахъ“ (*Второз.* XXVIII, 29).

Было предсказано, что Іисусъ Христосъ вначалѣ будетъ малымъ, а потомъ сдѣлается великимъ (небольшой камень у Даніила, сдѣлавшійся великою горою), что тогда идолослуженіе будетъ низвергнуто, что Мессія разобьетъ всѣ идолы и приведетъ людей къ почитанію истиннаго Бога, что храмы идоловъ будутъ разрушены, что между всѣми племенами и во всѣхъ мѣстахъ міра будутъ приносить Ему чистую жертву, а не животныхъ, что Онъ наставитъ людей на путь истины.

И дѣйствительно, никогда, ни прежде ни послѣ, не являлось ни одного человѣка, ученіе котораго было бы хотьсколько-нибудь похоже на все это.

Было предсказано, что Мессія будетъ царемъ іудеевъ и язычниковъ. И вотъ этого царя іудеевъ и язычниковъ угне-

таютъ тѣ и другіе, злоумышляя на Его жизнь, но Онъ господствуетъ надъ тѣми и другими и разрушаетъ какъ культъ Моисеевъ въ Іерусалимѣ, гдѣ былъ центръ этого культа и гдѣ Онъ устанавливаетъ Свою первую церковь, такъ и культъ идоловъ въ Римѣ, который тоже былъ центромъ этого культа и въ которомъ Онъ устанавливаетъ свою главную церковь.

Іисусъ Христосъ приходитъ сказать людямъ, что у нихъ нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ нхъ же самихъ, что отъ Бога отдѣляютъ ихъ страсти, что Онъ является уничтожить эти страсти, дать людямъ благодать, образовать изъ нихъ святую церковь, ввести въ эту церковь іудеевъ и язычниковъ и разрушить идоловъ однихъ и суевѣріе другихъ.

Этому всѣ противятся—не только въ силу естественнаго противодѣйствія похоти; сверхъ всего этого, и цари земные соединяются, чтобы уничтожить эту зарождающуюся религію, какъ это было предсказано: „Зачѣмъ мятутся народы, и племена замышляютъ тщетное? Возстаютъ цари земли, и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа“ (*Пс.* II). Соединяется все, что было великаго на землѣ: ученые, мудрецы, цари. Одни пишутъ, другіе осуждаютъ, третьи убиваютъ. И вотъ простые люди, не обладающіе силою, оказываются способными, несмотря на всѣ препятствія, выдержать борьбу съ этимъ могуществомъ, покоряютъ себѣ этихъ царей, этихъ ученыхъ, этихъ мудрецовъ и избавляютъ всю землю отъ идолопоклонства. И все это сдѣлано съ помощью силы, которая была предсказана.

Іудеи, убивая Христа, чтобы не признавать его за Мессію, доказали этимъ самымъ въ послѣдній разъ, что Онъ—Мессія. А продолжая Его не признавать, они стали безупречными свидѣтелями истинности Мессіи. И убивая, и продолжая отказываться отъ Него, они исполняли пророчество (*Ис.* LV, 5; LX, 4 и др.; *Пс.* LXXI, 11, 18 и др.).

Вотъ другія пророчества объ Іисусѣ Христѣ:

На него указываютъ загадки и притчи у Іезекіиля (XVII,2).

О Его предтечѣ говоритъ Малахія (III, 1).

О рожденіи младенца говоритъ Исаія (IX, 6).

Мессія родится въ городѣ Виѳлеемѣ (*Мих.* V, 2). Онъ

способѣ Его пришествія; они же говорили, что законъ, котораго они держатся, будетъ оставаться только до закона Мессіи, что до этой поры онъ будетъ неизмѣннымъ, но вѣчнымъ будетъ другой законъ, что такимъ образомъ на землѣ постоянно будетъ законъ, — то ихъ законъ, то обѣщанный законъ Мессіи; и дѣйствительно, законъ постоянно существовалъ; наконецъ, пришелъ Іисусъ Христосъ при всѣхъ предсказанныхъ обстоятельствахъ. Какъ изумительна эта непрерывность!

Если это было столь ясно предсказано іудеямъ, то какъ же они не повѣрили? какъ они не погибли въ борьбѣ съ вещью, столь ясною? На это я отвѣчу: вѣдь — прежде всего — это самое и было предсказано, именно, что они не повѣрятъ столь очевидной вещи и притомъ не будутъ уничтожены. А этотъ фактъ и служитъ больше всего къ прославленію Мессіи, ибо недостаточно было, чтобы о Немъ были пророчества, нужно было, чтобы эти пророчества сохранились безъ подозрѣнія...

V.

У пророковъ частныя подробности перемѣшаны съ пророчествами о Мессіи, для того, чтобы пророчества о Мессіи не были бездоказательными и чтобы частныя пророчества не были безплодными.

„Нѣтъ у насъ царя, кромѣ Кесаря“. Значитъ, Іисусъ Христосъ былъ Мессіей, потому что іудеи не имѣли иного царя, кромѣ иноземнаго и не хотѣли имѣть другого.

Семьдесятъ седминъ Данінла двусмысленны по отношенію къ начальному предѣлу, по неясности этого предѣла, и въ отношеніи къ конечному предѣлу, по причинѣ различій въ исчисленіяхъ хронологистовъ. Но вся эта разница не доходитъ до 200 лѣтъ.

Пророчества должны быть непонятны для нечестивыхъ (*Дан.* XII, 10; *Ос.* XIV, 10), но понятны для просвѣщенныхъ.

Пророчества, представляя Мессію униженнымъ, въ то же время представляютъ Его владыкою народовъ (*Ис.* LII, 14; LIII; *Зах.* IX, 9).

Пророчества, предсказывающія время, предсказываютъ только, что Онъ будетъ владыкою язычниковъ и страждущимъ, а не „въ тучахъ“, не грознымъ судьею. Тѣ же пророчества, которыя представляютъ Его творящимъ судъ и славнымъ, не отмѣчаютъ времени.

ГЛАВА XIX.

Рожденіе и смерть Іисуса Христа доказываютъ, что Онъ истинный Мессія и Богъ.

I.

Безконечное разстояніе между тѣлами и духомъ служитъ подобіемъ безконечно большого разстоянія между духомъ и Любовью; ибо она превыше природы.

Весь блескъ внѣшняго величія кажется тусклымъ для людей, погруженныхъ въ умственныя изысканія. Короли, богачи, полководцы, всѣ эти „великіе люди“ плоти не видятъ величія людей ума. А величіе Премудрости, которая заключается только въ Богѣ, невидимо для людей плоти и для людей ума. Это три ряда существъ, различные по роду. Великіе геніи имѣютъ своего рода власть, своего рода блескъ и величіе, одерживаютъ своего рода побѣду и пріобрѣтаютъ славу, но они не имѣютъ никакой нужды въ плотскомъ величіи, къ которому ихъ величіе не имѣетъ отношенія. Ихъ видятъ не глаза, а умы: этого для нихъ и достаточно. Святые тоже имѣютъ своего рода власть и блескъ, имѣютъ свои побѣды и свою славу, но имъ нѣтъ никакой нужды до плотскаго или умственнаго величія, которое не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ величію, такъ какъ не въ состоя-

ніи ничего ни прибавить, ни отнять у послѣдняго. Ихъ видитъ Богъ и ангелы, а не тѣла и не любознательные умы: одного Бога имъ достаточно.

Архимедъ и безъ внѣшняго блеска былъ бы въ такомъ же почетѣ. Онъ не давалъ битвъ, поражающихъ зрѣніе, но онъ подѣлился со всѣми умами своими изобрѣтеніями. И вотъ въ какомъ блескѣ является онъ для людей ума! Іисусъ Христосъ, безъ матеріальныхъ благъ, безъ всякихъ произведеній, научныхъ по виду, проявилъ святость высшаго порядка. Онъ не оставилъ изобрѣтеній, Онъ не царствовалъ, но Онъ былъ смиренъ, терпѣливъ, безконечно святъ, страшенъ демонамъ и чуждъ всякаго грѣха. О, въ какомъ пышномъ величіи, въ какомъ чудномъ великолѣпіи явился Онъ для очей сердца, видящихъ Премудрость!

Для Архимеда было бы безполезно называться государемъ въ своихъ сочиненіяхъ по геометріи, даже если бы онъ былъ государемъ. Точно также для Господа нашего Іисуса Христа, чтобы блистать въ Своемъ царствѣ святости, не было нужды приходить на землю въ образѣ царя. Но зато съ какимъ блескомъ иного рода Онъ пришелъ!

Очень странно находить неумѣстнымъ униженіе Іисуса Христа, какъ будто это униженіе было такого же порядка, какъ то величіе, которое Онъ пришелъ проявить. Посмотрите, какое Онъ проявилъ величіе въ своей жизни, въ своемъ страданіи, въ своей неизвѣстности, въ своей смерти, въ избраніи учениковъ, въ ихъ оставленіи, въ своемъ таинственномъ воскресеніи и во всемъ остальномъ! Вы увидите, что Его величіе столь поразительно, что не будетъ никакого основанія быть недовольнымъ униженіемъ, котораго и нѣтъ. Но есть люди, которые въ состояніи удивляться только матеріальному величію,—какъ будто бы духовнаго величія вовсе и не было; иные же удивляются только духовному величію, какъ будто бы не было другого, безконечно болѣе высокаго величія—Премудрости.

Всѣ тѣла, сводъ небесный, звѣзды, земля съ ея царствами не стоятъ слабѣйшаго изъ умовъ, ибо послѣдній познаетъ все это и самого себя, а тѣла ничего не познаютъ. Съ другой стороны, всѣ тѣла въ совокупности, всѣ умы вмѣстѣ и всѣ ихъ произведенія не стоятъ даже малѣйшаго проявленія

Любви: это — свойство безконечно высшаго ряда. Всѣ тѣла въ совокупности не могли бы произвести самой ничтожной мысли: это невозможно, это явленіе иного ряда. Изъ всѣхъ тѣлъ и умовъ нельзя было бы извлечь ни одного движенія истинной Любви: это — невозможно, это явленіе иного ряда, это — выше природы.

II.

Іисусъ Христосъ былъ въ такой неизвѣстности (я разумѣю то, что обыкновенно разумѣютъ подъ этимъ словомъ), что историки, писавшіе только о важныхъ государственныхъ событіяхъ, едва Его замѣтили.

III.

Какой человѣкъ имѣлъ когда-либо больше блеска! До пришествія Его предсказывалъ цѣлый іудейскій народъ. Ему поклоняются языческіе народы, послѣ пришествія. Народы іудейскій и языческіе видятъ въ Немъ свой центръ. А между тѣмъ кто когда-нибудь меньше наслаждался подобнымъ блескомъ! Изъ 33 лѣтъ тридцать Онъ живетъ, не являясь народу. А въ эти три года Его выдаютъ за лжеучителя; духовныя и свѣтскія власти Его отвергаютъ, друзья и самые близкіе люди покидаютъ. Наконецъ Онъ умираетъ, преданный однимъ изъ своихъ, при чемъ отъ Него отрекается другой и оставляютъ всѣ. Какое же участіе принимаетъ Онъ въ этомъ блескѣ? Никогда человѣкъ не имѣлъ столько блеска, никогда человѣкъ не испытывалъ больше униженія. Весь этотъ блескъ послужилъ только для насъ, чтобы сдѣлать насъ способными познать Его; для Него самого онъ нисколько не служилъ.

IV.

О вещахъ великихъ Іисусъ Христосъ говорилъ столь просто, что Ему какъ будто и не приходилось задумываться надъ ними, а съ другой стороны, столь ясно, что всякій хорошо видѣлъ то, что Онъ думалъ. Эта ясность, соединенная съ подобною естественностью, удивительна.

Откуда узнали евангелисты о свойствахъ души, героической до совершенства, если они столь совершенно изображаютъ ее, повѣствуя объ Іисусѣ Христѣ? Почему они изображаютъ Его слабымъ въ минуты предсмертной борьбы? Неужели они не умѣли изобразить мужественной смерти? Безъ сомнѣнія, умѣли: тотъ же самый Лука смерть св. Стефана изображаетъ болѣе мужественною, чѣмъ смерть Іисуса Христа. Пока не наступила необходимость смерти, они представляютъ намъ Іисуса Христа способнымъ бояться, а послѣ этого—совершенно мужественнымъ. Но если они изображаютъ Его смущеннымъ, это значитъ, что Онъ самъ по себѣ приходитъ въ смущеніе; когда же Его смущаютъ люди, Онъ—совершенно мужественъ.

Церкви было столь же трудно доказать, что Іисусъ Христосъ былъ человѣкомъ, передъ людьми отрицавшими это, сколь трудно было доказать, что Онъ былъ Богомъ, а признаки того и другого были одинаково значительны.

Іисусъ Христосъ—Божество, къ которому приближаются безъ гордости и передъ которымъ унижаются безъ отчаянія.

V.

Обращеніе язычниковъ зависѣло только отъ благодати Мессіи. Іудеи столь долго и безуспѣшно боролись съ ними: все, что говорилъ Соломонъ и пророки, было безполезно для этой цѣли. Мудрецы, какъ Платонъ и Сократъ, не смогли убѣдить въ истинности Бога.

Евангелисты о дѣвствѣ Св. Дѣвы говорятъ только до рожденія Іисуса Христа, и всякій разъ въ отношеніи къ Іисусу Христу.

На Іисуса Христа взираютъ люди обоихъ завѣтовъ: ветхій завѣтъ смотритъ на Него, какъ на предметъ ожиданія, новый какъ на свой образецъ, и оба завѣта какъ на свое средоточіе.

Пророки предсказывали, но не были предсказаны; святые были предсказаны, но сами не были предсказывающими. Іисусъ Христосъ былъ предсказанъ и предсказывалъ.

Іисусъ Христосъ—для всѣхъ. Моисей—для народа.

Іудеи были благословенны въ лицѣ Авраама: „Я благословлю благословляющихъ тебя“ (*Быт.* XII, 3). Но въ сѣмени Авраама были благословленны всѣ народы: „И благословятся въ сѣмени твоемъ всѣ народы земли“ (*Быт.* XXII, 18).

„Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ“.

„Не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу“, говорилъ Давидъ по поводу закона (*Пс.* CXLVII). А говоря объ Іисусѣ Христѣ, нужно было бы сказать наоборотъ: „Сдѣлалъ Онъ это для всякаго народа“.

„Мало того, что ты будешь рабомъ Моимъ“ и т. д. (*Ис.* XLIX, 6). Іисусу Христу предстояло быть всеобщимъ свѣтомъ. Даже церковь совершаетъ жертву только за вѣрныхъ, а Іисусъ Христосъ принесъ крестную жертву за всѣхъ.

ГЛАВА XX.

Объ истинности евангельской исторіи. Чудеса—новое доказательство въ пользу Іисуса Христа. Разница между Мессіей и Магометомъ.

I.

Предположить, что апостолы были обмануты или сами обманывали, одинаково трудно...

Пока Христосъ былъ съ ними, Онъ могъ поддерживать ихъ. Но послѣ Его смерти, если бы Онъ имъ не являлся, кто заставлялъ бы ихъ дѣйствовать?

Предположеніе, что апостолы обманывали, вполнѣ нелѣпо. Стоитъ только разобрать всѣ его послѣдствія. Предположимъ, что эти двѣнадцать человѣкъ, собравшись по смерти Іисуса Христа, сговорились объявить всѣмъ, что Онъ воскресъ. Но вѣдь этимъ они вооружили бы противъ себя власти. А такъ какъ сердце человѣческое питаетъ странную склонность къ

легкомыслію, перемѣнамъ, обѣщаніямъ, благамъ, то они погибли бы, если бы хоть одинъ изъ нихъ былъ сколько-нибудь увлеченъ этими приманками, а тѣмъ болѣе, если бы имъ угрожали темницею, муками и смертью. Подумайте-ка объ этомъ!

II.

Слогъ Евангелія удивителенъ во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ томъ, что въ немъ ни разу не допускается никакого поношенія противъ мучителей и враговъ Іисуса Христа. Нѣтъ ни одного грубаго слова противъ Іуды, Пилата или кого-нибудь изъ іудеевъ. Если бы эта скромность евангельскихъ повѣствователей,—какъ и много другихъ столь же прекрасныхъ чертъ,—была напускная, если бы они выставляли ее только для того, чтобы ее замѣтили, то они, разъ сами не осмѣливались указать на нее, не замедлили бы подыскать себѣ такихъ друзей, которые сдѣлали бы подобныя указанія въ ихъ пользу. Но такъ какъ они дѣйствовали безъ притворства и совершенно безкорыстно, то они никому не выставляли на показъ своей скромности. Я думаю, что иныя изъ этихъ вещей не были замѣчены до сихъ поръ; а это обстоятельство и свидѣтельствуетъ о хладнокровіи, съ которымъ было сдѣлано это дѣло.

III.

Чудеса творилъ Іисусъ Христосъ, а потомъ стали творить апостолы и очень многіе изъ первыхъ святыхъ, потому что, разъ пророчества еще не всѣ исполнились, а только исполнялись черезъ нихъ, то чудеса были лучшимъ свидѣтельствомъ. Было предсказано, что Мессія обратитъ народы. А какъ это пророчество могло бы исполниться безъ обращенія народовъ? Съ другой стороны, какъ обратились бы къ Мессіи народы, если бы они не видѣли этого послѣдняго исполненія пророчествъ, доказывающихъ истинность Мессіи? Итакъ, пока Онъ не умеръ, не воскресъ и не обратилъ народы, не все еще исполнилось, что было предсказано; такимъ образомъ на все это время были нужны чудеса. Для іудеевъ теперь уже не нужно было чудесъ, потому что исполнившіяся пророчества—это и есть постоянное чудо...

IV.

Удивительная и достойная особаго вниманія вещь, что іудейскій народъ существуетъ столько лѣтъ и въ то же время постоянно несчастенъ, ибо для доказательства истинности Мессіи необходимо было, чтобы онъ и существовалъ для того, чтобы доказывать это, и въ то же время терпѣлъ бѣдствія, зато что предалъ распятію Іисуса Христа; какъ ни противоположны эти два состоянія — терпѣть бѣдствія и долго существовать, онъ все-таки постоянно существуетъ, несмотря на всѣ свои несчастія.

Когда Навуходоносоръ увелъ іудейскій народъ, то, чтобы іудеи не подумали, что у Іуды отнятъ скипетръ, имъ было заранѣе сказано, что они не долго будутъ въ плѣну и что ихъ возвратятъ. Ихъ по-прежнему утѣшали пророки, и цари у нихъ продолжали существовать. Но второе разрушеніе было безъ обѣщанія возстановить, безъ пророковъ, безъ царей, безъ утѣшенія, безъ надежды, потому что скипетръ былъ отнятъ навсегда.

Имѣть увѣренность, что черезъ семьдесятъ лѣтъ будетъ освобожденіе, это не значило еще быть плѣнникомъ. Но теперь іудеи—плѣнники, безъ всякой надежды.

Богъ обѣщалъ имъ, что, хотя Онъ ихъ разсѣялъ по всѣмъ концамъ міра, но если они будутъ вѣрны своему закону, Онъ соберетъ ихъ снова. Они очень вѣрны закону и остаются угнетенными...

V.

Если бы іудеи были обращены Іисусомъ Христомъ, то мы имѣли бы въ нихъ не болѣе, какъ подозрительныхъ свидѣтелей; если бы они были истреблены, мы вовсе не имѣли бы свидѣтелей.

Іудеи отказываются отъ Мессіи, но не всѣ: святые Его принимаютъ, а чувственные люди нѣтъ. А это не только не

противорѣчитъ Его славѣ, но даже, напротивъ, завершаетъ ее, такъ какъ основаніе, которое они имѣли для отказа, и притомъ единственное, которое находится во всѣхъ ихъ книгахъ, въ Талмудѣ и у раввиновъ, состоитъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ не покорилъ народы вооруженною рукою. Но неужели имъ больше нечего сказать? „Іисусъ Христосъ", говорятъ они, „былъ умерщвленъ. Онъ не устоялъ, не покорилъ язычниковъ своею силою, не далъ намъ отнятой у нихъ добычи, не далъ намъ богатствъ". Только-то? Но вѣдь за это самое Онъ и достоинъ любви. Мнѣ бы не хотѣлось видѣть Его такимъ, какимъ они воображаютъ Его. Очевидно, что только жизнь Его помѣшала имъ принять Его; но этотъ самый отказъ и дѣлаетъ ихъ безупречными свидѣтелями; въ этомъ отказѣ—что еще важнѣе—исполняются пророчества.

VI.

Какъ пріятно видѣть, очами вѣры, что Дарій и Киръ, Александръ, римляне, Помпей и Иродъ, всѣ дѣйствовали, сами того не зная, во славу Евангелія!

VII.

Языческая религія—безъ основы. Магометанская религія имѣетъ въ основѣ Алкоранъ и Магомета. Но предсказанъ ли былъ этотъ пророкъ, которому слѣдовало бы быть предметомъ самаго горячаго ожиданія для міра? Какіе онъ имѣетъ признаки, которыхъ не было бы во всякомъ человѣкѣ, пожелавшемъ назваться пророкомъ? Какія чудеса онъ сотворилъ, даже если вѣрить его собственнымъ словамъ? Какой тайнѣ онъ научилъ, даже если основываться на оставленномъ имъ преданіи? Какой научилъ нравственности, какому блаженству?

Іудейская религія въ преданіи, сохраненномъ въ священныхъ книгахъ, и въ преданіи народномъ должна представляться не съ одинаковой точки зрѣнія. Ея мораль и ученіе о блаженствѣ смѣшны въ народномъ преданіи, но достойны удивленія въ преданіи, сохраненномъ святыми мужами. Основаніе этого послѣдняго удивительно: это самая древняя въ мірѣ книга и самая подлинная. Магометъ, чтобы сохранить

навсегда свою книгу, запретилъ ее читать, Моисей съ тою же цѣлью повелѣлъ всему міру читать ее.

Наша религія столь божественна, что другая божественная религія есть только ея основа.

Магометъ не имѣетъ за собою авторитета. Ему нужны были бы самыя мощныя основанія для его ученія, которыя держались бы только своею собственною силою. А онъ что говоритъ? Говоритъ, что ему нужно вѣрить.

VIII.

Положимъ, два лица разсказываютъ какія-нибудь глупыя сказки; но разсказъ одного, опытнаго въ пріемахъ кабалистики, имѣетъ двоякій смыслъ, а разсказъ другого только одинъ смыслъ. Если кто, не будучи посвященнымъ въ секретъ, станетъ слушать разсказы обоихъ этихъ лицъ, тотъ составитъ о нихъ одинаковое сужденіе. Но если потомъ, при продолженіи разсказовъ, окажется, что одинъ говоритъ нѣчто высокое и божественное, а другой вздорное и пошлое, то слушатель сдѣлаетъ заключеніе, что тайны повѣдать способенъ не второй, а первый изъ нихъ: первый, значитъ, ясно покажетъ, что онъ неспособенъ на эти глупости, но зато способенъ выражаться таинственно, а второй, — что онъ неспособенъ повѣдать тайнъ, но зато способенъ на глупости.

IX.

Объ ученіи Магомета нужно судить не по тому, что въ немъ есть темнаго и что можно выдавать за таинственное, а по тому, что въ немъ есть яснаго, какъ, напр., рай и пр. А въ этомъ отношеніи оно нелѣпо. Разъ же все ясное въ немъ смѣшно, то несправедливо принимать и темныя его мѣста за тайну. Не то мы видимъ въ Св. Писаніи. Положимъ, въ немъ есть темныя мѣста, столь же странныя, какъ и у Магомета; но зато въ немъ есть удивительно ясныя мѣста, есть воочію исполнившіяся пророчества. Значитъ, здѣсь партіи неравны. Нельзя сравнивать и смѣшивать вещи, которыя походятъ другъ на друга не по ясности, а по темнотѣ: только ради ясныхъ мѣстъ мы почитаемъ темныя.

Алкоранъ не болѣе принадлежитъ Магомету, чѣмъ Евангеліе св. Матѳею; послѣднее цитировалось многими авторами изъ вѣка въ вѣкъ. Даже враги, Цельзъ и Порфирій, не отвергали его.

Алкоранъ говоритъ, что св. Матѳей былъ добродѣтельнымъ человѣкомъ. Значитъ, Магометъ былъ лживымъ пророкомъ, такъ какъ онъ дѣлалъ одно изъ двухъ: или называлъ добродѣтельными людей злыхъ, или не соглашался съ добродѣтельными въ томъ, что они говорили объ Іисусѣ Христѣ.

X.

Всякій человѣкъ можетъ сдѣлать то, что дѣлалъ Магометъ; ибо онъ не дѣлалъ чудесъ и не былъ предсказанъ. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать того, что дѣлалъ Іисусъ Христосъ.

Магометъ не былъ предсказанъ, Христосъ былъ предсказанъ. Магометъ распространялъ вѣру убивая, послѣдователи Христа сами были убиваемы. Магометъ запрещалъ читать, апостолы предписывали читать. Однимъ словомъ, все это настолько противоположно, что, если Магометъ рѣшилъ успѣть въ жизни, какъ человѣкъ, то Іисусъ Христосъ рѣшилъ погибнуть, какъ человѣкъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы выводить заключеніе, что, коль скоро Магометъ добился успѣха, то Іисусъ Христосъ также могъ бы добиться успѣха въ жизни, нужно было бы сдѣлать обратный выводъ, а именно, что, коль скоро Магометъ добился успѣха, то Іисусъ Христосъ долженъ былъ погибнуть.

ГЛАВА XXI.

Богъ не скрываетъ и не открываетъ Себя всецѣло. Мессію могли узнать добрые и не могли злые. Истинность христіанской религіи можно понять даже изъ ея темныхъ для пониманія истинъ.

I.

Богъ захотѣлъ искупить людей и открыть путь къ спасенію для тѣхъ, которые искали Его. Но люди являются столь недостойны этого, что Богъ нѣкоторымъ, за ихъ оже-

сточеніе, справедливо отказываетъ въ томъ, что даруетъ остальнымъ—по Своему милосердію, ничѣмъ передъ ними не обязанный. Если бы Онъ хотѣлъ преодолѣть упорство наиболѣе загрубѣлыхъ, то Онъ для этого могъ бы открыть Себя имъ столь ясно, чтобы они не могли сомнѣваться въ Его существованіи, какъ это будетъ, напр., въ послѣдній день, когда Онъ явится съ такимъ блескомъ молній, съ такими переворотами во всей природѣ, что мертвые воскреснутъ и совершенно слѣпые Его увидятъ.

Но не въ такомъ видѣ Онъ захотѣлъ явиться при своемъ кроткомъ пришествіи, потому что, разъ столько людей оказывались недостойными Его милости, Онъ желалъ оставить ихъ лишенными блага, котораго они не желали. Поэтому не было нужды, чтобы Онъ явился въ явно божественномъ видѣ и безусловно способномъ убѣдить всѣхъ людей; но, съ другой стороны, Ему не было нужды прійти столь тайно, чтобы Его не могли узнать тѣ, которые искренно искали Его. Онъ хотѣлъ явиться совершенно доступнымъ познанію послѣднихъ; такимъ образомъ, желая открыто явиться тѣмъ, которые ищутъ Его всѣмъ своимъ сердцемъ, и скрыто для тѣхъ, которые избѣгаютъ Его всѣмъ своимъ сердцемъ, Онъ нѣкоторымъ образомъ уменьшилъ возможность познать Себя, такъ что далъ такіе признаки, которые очевидны для людей, ищущихъ Его, и темны для тѣхъ, кто не ищетъ Его. Въ этомъ пришествіи довольно свѣту для тѣхъ, которые всѣми помыслами стремятся видѣть Его, и довольно темноты для людей, имѣющихъ противоположное настроеніе: здѣсь достаточно свѣту, чтобы освѣтить избранныхъ, и достаточно темноты, чтобы ихъ сдѣлать смиренными; довольно темноты, чтобы оставить слѣпыми отверженныхъ, и довольно свѣту, чтобы осудить ихъ и сдѣлать недостойными прощенія.

II.

Если бы міръ существовалъ для того, чтобы научить человѣка познанію Бога, то Божество сіяло бы со всѣхъ сторонъ неопровержимымъ образомъ; но такъ какъ міръ существуетъ только благодаря Іисусу Христу и для Іисуса Христа, чтобы научить людей познать свою испорченность и иску-

пленіе ихъ Христомъ, то въ мірѣ всюду ясно видны доказательства и той истины и другой. Что является въ мірѣ, то не носитъ въ себѣ признаковъ ни полнаго исключенія, ни совершенно явнаго присутствія Божества, но лишь указываетъ на присутствіе Бога, скрывающаго Себя: все здѣсь носитъ подобный характеръ.

Если бы отъ Бога никогда ничего не являлось, то это вѣчное лишеніе имѣло бы двоякій смыслъ: могло бы объясняться отсутствіемъ всякаго Божества или тѣмъ, что люди недостойны Его познать. Но то обстоятельство, что Онъ является иногда, а не всегда, уничтожаетъ двусмысленность положенія. Если Онъ явился разъ, Онъ, значитъ, всегда есть; такимъ образомъ, можно прійти только къ одному заключенію, что Богъ есть и что люди недостойны Его.

III.

Богъ хочетъ лучше расположить къ вѣрѣ волю, чѣмъ умъ. Совершенная ясность служила бы уму и вредила бы волѣ. Богъ хочетъ унизить гордость.

Если бы не было вовсе неясности, человѣкъ не чувствовалъ бы своей испорченности; если бы не было вовсе ясности, человѣкъ не надѣялся бы на средства избавленія. Такимъ образомъ, не только справедливо, но и полезно для насъ, что Богъ частью скрытъ, частью открытъ, потому что для человѣка одинаково опасно знать Бога, не сознавая своего ничтожества, и сознавать свое ничтожество, не зная Бога.

IV.

Правда, что все учитъ человѣка, въ какомъ онъ состояніи, но нужно хорошо понять этотъ фактъ, ибо не правда, что все открываетъ Бога, не правда и то, что все скрываетъ Бога. Правда въ обоихъ положеніяхъ: Онъ скрывается для тѣхъ, которые искушаютъ Его, и открывается для тѣхъ, которые ищутъ Его, потому что люди всѣ въ совокупности недостойны Бога и всѣ способны познать Его,—недостойны вслѣдствіе испорченности, а способны въ силу своей первоначальной природы.

V.

Нѣтъ ничего на землѣ, что не указывало бы на ничтожество человѣка или на милосердіе Божіе, на безпомощность человѣка безъ Бога или на могущество человѣка съ Богомъ.

Вся вселенная даетъ понять человѣку или то, что онъ испорченъ, или то, что онъ искупленъ; все указываетъ ему на его величіе или на его ничтожество. Оставленіе человѣка Богомъ видно на язычникахъ, покровительство Божіе видно на іудеяхъ.

VI.

Все служитъ въ пользу для избранныхъ, даже темныя мѣста Св. Писанія, ибо избранные почитаютъ ихъ въ силу божественной ясности другихъ мѣстъ. Все служитъ во вредъ для несчастныхъ, даже ясность; ибо они поносятъ ясность, опираясь на темноту тѣхъ мѣстъ, которыхъ не понимаютъ.

VII.

Если бы Іисусъ Христосъ пришелъ только для того, чтобы освятить, то все Св. Писаніе и всѣ событія клонились бы къ этой цѣли и очень легко было бы убѣдить невѣрующихъ. Съ другой стороны, если бы Іисусъ Христосъ пришелъ съ единственною цѣлью ослѣпить, то вся Его земная жизнь была бы непонятна и мы не имѣли бы никакого средства убѣдить невѣрующихъ. Но такъ какъ Онъ пришелъ, чтобы быть „освѣщеніемъ“ и „скалою соблазна“, какъ говоритъ Исаія, то мы не можемъ убѣдить невѣрующихъ и они не могутъ насъ убѣдить; но этимъ самымъ мы ихъ и убѣждаемъ, разъ мы настаиваемъ, что жизнь Христа не есть исключительное доказательство ни того, ни другого положенія.

Іисусъ Христосъ пришелъ ослѣпить видѣвшихъ ясно и дать зрѣнія слѣпымъ, исцѣлить больныхъ и предоставить умирать тѣмъ, которые себя считали святыми, призвать къ раскаянію и оправдать грѣшниковъ и оставить въ грѣхахъ мнимыхъ праведниковъ, обогатить нуждающихся и сдѣлать бѣдными богатыхъ.

Говорятъ ли пророки объ Іисусѣ Христѣ, что онъ очевиднымъ образомъ явится Богомъ? Нѣтъ. Они говорятъ, что Онъ—Богъ, воистину скрытый, что Его не признаютъ, подумаютъ о Немъ, что это не Онъ, что Онъ будетъ камнемъ преткновенія, о который многіе споткнутся и т. п. Пусть же не упрекаютъ насъ послѣ этого въ недостаткѣ ясности, разъ мы сами признаемся въ этомъ.

„Но“, говорятъ намъ, „у васъ есть темныя мѣста“. Безъ этого они будто не упрямились бы признать Іисуса Христа; межъ тѣмъ пророкъ прямо сказалъ: „Огрубѣло сердце народа сего“ (*Ис.* VI, 10).

Чтобы сдѣлать Мессію доступнымъ познанію для добрыхъ и недоступнымъ для злыхъ, Богъ такъ именно и предсказывалъ о немъ. Если бы способъ пришествія Мессіи былъ предсказанъ ясно, то нигдѣ не было бы никакой темноты, даже для злыхъ. Если бы время пришествія было предсказано темно, то темнота существовала бы и для добрыхъ, ибо доброта ихъ сердца не дала бы еще имъ средствъ понять, что, напр., буква „*мемъ*“ закрытое означаетъ 600 лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ время было предсказано ясно, а способъ пришествія—въ образахъ.

При такомъ положеніи дѣла, злые, принимая обѣщанныя блага за матеріальныя, заблуждаются, несмотря на то, что время было предсказано ясно, а добрые не заблуждаются, ибо разумѣніе обѣщанныхъ благъ зависитъ отъ сердца, которое называетъ благомъ то, что оно любитъ; но пониманіе обѣщаннаго времени не зависитъ отъ сердца; такимъ образомъ ясное предсказаніе о времени и темное о благахъ обмануло только однихъ злыхъ.

VIII.

Какъ объяснить пришествіе Мессіи? вѣдь скипетръ долженъ былъ вѣчно быть у Іуды, а съ пришествіемъ Мессіи, скипетръ долженъ оказаться отнятымъ у Іуды?

Это какъ нельзя лучше было сдѣлано для того, чтобы іудеи видя не видѣли и слыша не слышали.

IX.

Генеалогія Іисуса Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ переплетена съ столькими посторонними вещами, что ее нельзя и разобрать. Если бы Моисей просто составилъ списокъ предковъ Іисуса Христа, это было бы слишкомъ очевидно. Если бы онъ не намѣтилъ генеалогіи Іисуса Христа, это было бы недостаточно очевидно. Но кто разсмотритъ все внимательно, тотъ увидитъ, что генеалогія Іисуса Христа ясно отмѣчена именами Θамари, Руѳи и т. д.

X.

Итакъ, познайте истину религіи даже въ самой неясности этой религіи, въ недостаткѣ освѣщенія ея для насъ, въ нашемъ равнодушіи къ ея познанію.

Іисусъ Христосъ не говоритъ, что Онъ не изъ Назарета, что Онъ не сынъ Іосифа, чтобы оставить злыхъ въ ихъ ослѣпленіи.

XI.

Какъ Іисусъ Христосъ оставался неизвѣстнымъ между людьми, такъ Его истина остается между обыденными мыслями безъ внѣшняго отличія, такъ Евхаристія не отличается по внѣшности отъ обыкновеннаго хлѣба.

Если милосердіе Бога столь велико, что Онъ спасительно просвѣщаетъ насъ даже тогда, когда скрытъ отъ насъ, то какого изумительнаго свѣта мы должны ожидать, если Онъ откроетъ Себя!

Тотъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ Бога, кто не принимаетъ за правило, что Онъ однихъ хотѣлъ ослѣпить, а другихъ просвѣтить.

ГЛАВА XXII.

Человѣкъ можетъ познать Бога и самого себя только черезъ Іисуса Христа. Таинственное приготовленіе Іисуса Христа къ смерти.

I.

Первая часть: Ничтожество человѣка безъ Бога.

Вторая часть: Счастье человѣка съ Богомъ.

Другими словами, — первая часть: Природа испорчена (основываться на самой природѣ).

Вторая часть: Есть Возстановитель (основываться на Св. Писаніи).

Въ предисловіи ко второй части — сказать о тѣхъ, которые занимались этимъ вопросомъ.

Я дивлюсь, съ какою смѣлостью эти люди начинаютъ говорить о Богѣ, обращаясь съ рѣчью къ нечестивымъ. Они уже въ первой главѣ доказываютъ существованіе Божества дѣлами природы. Я не удивлялся бы ихъ засмыслу, если бы они обращали свою рѣчь къ вѣрующимъ, ибо несомнѣнно, что имѣющіе живую вѣру въ сердцѣ постоянно видятъ, что все, что только существуетъ, есть дѣло Бога, которому они поклоняются. Что же касается людей, въ которыхъ этотъ свѣтъ угасъ и въ которыхъ хотятъ вновь засвѣтить его, то эти люди, лишенные вѣры и благодати, сколько ни напрягали бы свои умственныя очи при изслѣдованіи того, что они видятъ въ природѣ, которая должна бы привести къ познанію Бога, все-таки найдутъ въ ней лишь неясность и мракъ. Говорить, что имъ стоитъ только разсмотрѣть малѣйшую изъ вещей, ихъ окружающихъ, и они прямо увидятъ Бога, и, представивъ имъ, вмѣсто всякаго доказательства этого великаго и важнаго предмета, ходъ луны и планетъ, на этомъ и закончить свои доводы, это значитъ дать имъ поводъ думать, что доказательства въ пользу нашей религіи очень слабы; я убѣжденъ и знаю по опыту, что такой способъ дѣйствія скорѣе всего способенъ внушить имъ презрѣніе.

Не такъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Св. Писаніе, которое лучше знаетъ все, что относится къ Богу. Оно, напротивъ, говоритъ, что Богъ есть Богъ скрытый, что, со времени искаженія человѣческой природы, Онъ оставилъ людей въ ослѣпленіи, изъ котораго они могутъ выйти только черезъ Іисуса Христа, внѣ котораго невозможно никакое общеніе съ Богомъ: „И Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть“ *).

Это и имѣетъ въ виду Св. Писаніе, когда въ столькихъ мѣстахъ говоритъ, что ищущіе Бога находятъ Его. Но не этотъ свѣтъ разумѣютъ, напр., въ выраженіи: „какъ свѣтъ въ полдень“. Не говорятъ, что, кто ищетъ свѣта въ полдень или воды въ морѣ, тотъ найдетъ. Совершенно ясно, что очевидность Бога въ природѣ не такова. Да и Св. Писаніе въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Истинно, Ты—Богъ сокровенный“ (*Ис.* XLV, 15).

Богъ христіанъ не есть просто творецъ геометрическихъ истинъ и порядка элементовъ. Это взглядъ язычниковъ и эпикурейцевъ. Наше понятіе о Богѣ не въ томъ только состоитъ, что Богъ проявляетъ свое Провидѣніе въ жизни и благополучіи людей, чтобы дать рядъ счастливыхъ лѣтъ тѣмъ, кто Его почитаетъ.

Это взглядъ іудеевъ. Богъ Авраама, Исаака и Іакова, Богъ христіанъ есть Богъ любви и утѣшенія; это Богъ, наполняющій душу и сердце, которыми Онъ владѣетъ; это Богъ, который заставляетъ людей внутренно чувствовать свое ничтожество и Его безконечное милосердіе, который входитъ въ единеніе съ людьми въ глубинѣ ихъ души, наполняетъ ее смиреніемъ, радостью, упованіемъ, любовью, дѣлаетъ ихъ неспособными итти къ иной цѣли, кромѣ вѣры въ Него.

Богъ христіанъ есть Богъ, дающій душѣ чувствовать, что Онъ—ея единственное благо, что весь покой ея заключается въ Немъ, что для нея одна радость — любить Его. Онъ въ то же время заставляетъ ее гнушаться препятствій, которые ее удерживаютъ и мѣшаютъ любить Его всѣми силами. Самолюбіе и похоть, останавливающая ее, Ему невыносимы. Это Богъ, который даетъ ей чувствовать, что

*) *Матѳ.* XI, 27.

она имѣетъ въ своей основѣ самолюбіе, которое ее губитъ, и что Онъ одинъ можетъ ее исцѣлить.

Познаніе Бога безъ сознанія своего ничтожества ведетъ къ гордости. Сознаніе своего ничтожества безъ познанія Бога ведетъ къ отчаянію. Познаніе Іисуса Христа даетъ средній выходъ, потому что тутъ мы находимъ и Бога и свое ничтожество.

Кто ищетъ Бога помимо Іисуса Христа и останавливается на природѣ, тѣ или не находятъ никакого отвѣта, который ихъ удовлетворялъ бы, или доходятъ до того, что создаютъ себѣ особый способъ познавать Бога и служить Ему безъ посредника, а вслѣдствіе этого, впадаютъ или въ атеизмъ или въ деизмъ—двѣ вещи, которыхъ христіанская религія чуждается почти одинаково.

Мы познаемъ Бога только черезъ Іисуса Христа. Безъ этого посредника у насъ отнято всякое общеніе съ Богомъ, а черезъ Іисуса Христа мы познаемъ Бога. У всѣхъ, кто имѣлъ претензію познать Бога и доказать Его бытіе безъ помощи Іисуса Христа, были только слабыя доказательства. А въ пользу Іисуса Христа мы имѣемъ прочныя и ощутительныя доказательства. Разъ эти пророчества исполнялись, разъ доказана исполненіемъ ихъ истинность, это служитъ признакомъ несомнѣнности этихъ истинъ, а слѣдовательно, доказательствомъ божественности Іисуса Христа. Итакъ, въ Немъ и черезъ Него мы познаемъ Бога. А помимо этого, помимо Св. Писанія и первороднаго грѣха, помимо необходимаго Посредника, обѣщаннаго и пришедшаго, нельзя доказать рѣшительно существованіе Бога, нельзя дать истинное вѣроученіе или научить хорошей нравственности. Но черезъ Іисуса Христа и въ Іисусѣ Христѣ и доказывается существованіе Бога и люди научаются истинной нравственности и вѣрѣ. Итакъ, Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ людей.

Но мы познаемъ въ то же время свое ничтожество, ибо этотъ Богъ есть Избавитель насъ отъ ничтожества. Такимъ образомъ, хорошо познать Бога мы можемъ не иначе, какъ сознавая свои беззаконія.

Тѣ, которые познали Бога, не сознавши своего ничтожества, не Его прославляли, а сами себя превознесли.

„Ибо когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ“ *).

Мы не только познаемъ Бога лишь черезъ Іисуса Христа, но и самихъ себя познаемъ только черезъ Іисуса Христа. Жизнь и смерть мы познаемъ только черезъ Іисуса Христа. Внѣ Іисуса Христа мы не можемъ знать, что такое наша жизнь и смерть, что такое Богъ, что такое мы сами.

Безъ Св. Писанія, единственнымъ предметомъ котораго служитъ Іисусъ Христосъ, мы ничего не знаемъ и въ природѣ Бога и нашей собственной природѣ видимъ только темноту.

Безъ Іисуса Христа человѣкъ по необходимости былъ бы въ порокѣ и ничтожествѣ; съ Іисусомъ Христомъ человѣкъ изъятъ изъ порока и ничтожества. Въ Немъ вся наша добродѣтель и все наше блаженство. Внѣ Его есть только порокъ, ничтожество, заблужденія, мракъ, смерть, отчаяніе.

Безъ Іисуса Христа міръ не существовалъ бы, ибо онъ необходимо разрушился бы или былъ бы въ родѣ ада.

Таинственное приготовленіе Іисуса Христа къ смерти.

I.

Іисусъ терпитъ при своемъ страданіи муки, причиняемыя Ему людьми, но въ предсмертной борьбѣ Онъ терпитъ муки, которыя Самъ себѣ причиняетъ: Іисусъ „началъ ужасаться и тосковать“. Это наказаніе не отъ человѣческой, а отъ Всемогущей руки и, чтобы вынести его, нужно быть всемогущимъ.

Іисусъ ищетъ какого-нибудь утѣшенія, по крайней мѣрѣ, въ своихъ трехъ, болѣе любимыхъ друзьяхъ, но они спятъ. Онъ проситъ ихъ побыть немного съ нимъ, а они Его оставляютъ съ полнымъ пренебреженіемъ и столь мало раздѣляютъ Его страданія, что не могутъ удержаться минуты отъ сна. Такимъ образомъ, Іисусъ былъ оставленъ одинъ на волю Божью.

Іисусъ не только одинъ на землѣ чувствуетъ и выно-

*) *Коринѳ.* I, 21.

ситъ Свою скорбь, но даже одинъ и знаетъ о ней: Небо и Онъ были единственными свидѣтелями ея.

Іисусъ — въ саду, но не въ такомъ саду прелестей, въ какомъ Адамъ погубилъ себя и весь родъ человѣческій: Онъ — въ саду мученій, гдѣ спасаетъ Себя и весь родъ человѣческій.

Онъ переноситъ эту скорбь и это одиночество среди ужасовъ ночи.

Я думаю, что Іисусъ никогда не жаловался, кромѣ этого единственнаго раза; но въ этомъ случаѣ Онъ такъ горько жалуется, какъ будто бы не могъ болѣе сдержать своей чрезмѣрной горести: „Душа моя скорбитъ смертельно“.

Іисусъ ищетъ соучастія и облегченія со стороны людей. И это, мнѣ кажется, единственный разъ во всю Его жизнь. Но Онъ не получаетъ его, ибо ученики спятъ.

Іисусъ въ предсмертной скорби будетъ до конца міра: не станемъ же спать въ это время.

Іисусъ, среди этого общаго ослабленія, постигшаго даже учениковъ, которыхъ Онъ избралъ для бодрствованія съ Собою, находитъ ихъ спящими и досадуетъ на нихъ за то, что они подвергаютъ опасности не Его, а самихъ себя; съ сердечною къ нимъ нѣжностью, несмотря на неблагодарность ихъ, Онъ предупреждаетъ ихъ позаботиться объ ихъ собственномъ спасеніи и благѣ. Онъ предупреждаетъ, что духъ бодръ, а плоть немощна.

Находя и второй разъ учениковъ спящими, такъ какъ ихъ не удержало отъ сна ни Его предостереженіе, ни собственная осторожность, Онъ опять выказываетъ столько доброты, что не будитъ ихъ и оставляетъ въ покоѣ.

Іисусъ молится, будучи въ неизвѣстности относительно воли Отца, и боится смерти, но узнавши волю Отца, Онъ идетъ впередъ, на смерть: „Встаньте, пойдемъ! Вотъ приблизился предающій Меня“.

Іисусъ просилъ людей и не былъ услышанъ.

Іисусъ, пока ученики Его спали, подвизался за ихъ спасеніе. Онъ то же дѣлалъ по отношенію къ каждому изъ праведныхъ, пока они спали, какъ до ихъ рожденія, когда ихъ не было еще, такъ и среди грѣховной жизни по рожденіи.

Онъ одинъ только разъ молится о томъ, чтобы Его мино-

вала чаша, притомъ еще съ покорностью волѣ Божьей, и два раза,—чтобы она пришла, если нужно.

Іисусъ въ тоскѣ. Видя всѣхъ друзей своихъ заснувшими, а всѣхъ враговъ своихъ бодрствующими, Онъ предается всецѣло своему Отцу.

Іисусъ видитъ въ Іудѣ не злобу къ Себѣ, а повелѣніе Бога, котораго Онъ любитъ... Онъ называетъ его другомъ.

Іисусъ удаляется отъ своихъ учениковъ, чтобы предаться предсмертной скорби: станемъ же удаляться изъ среды своихъ близкихъ и интимныхъ друзей, чтобы подражать Ему.

Іисусъ въ предсмертной борьбѣ и среди самыхъ тяжкихъ страданій: станемъ же молиться еще дольше!

II.

„Утѣшься! Ты Меня не искалъ бы, если бы не нашелъ уже.

Я думалъ о тебѣ, въ своей предсмертной борьбѣ; за тебя я проливалъ кровь.

Полагать, что ты самъ можешь зародить въ себѣ то или иное чувство, значитъ искушать Меня, а не себя испытывать: это Я все дѣлаю, что происходитъ въ тебѣ.

Слѣдуй моимъ правиламъ; посмотри, какъ хорошо я направилъ Св. Дѣву и святыхъ, которые предоставили Мнѣ дѣйствовать въ нихъ.

Отецъ любитъ все то, что Я дѣлаю.

Неужели ты хочешь, чтобы Мнѣ стоило крови спасеніе человѣчества, а чтобы ты не пролилъ и слезъ?

Обращеніе—Мое дѣло. Не бойся,—молись съ упованіемъ, какъ бы для Меня.

Я для тебя присутствую Своимъ словомъ въ Св. Писаніи, Своимъ духомъ и внушеніями въ церкви, Своею силою въ священствѣ, Своею молитвою въ вѣрующихъ.

Врачи тебя не исцѣлятъ: ты все-таки умрешь подъ конецъ. Я исцѣляю и дѣлаю тѣло безсмертнымъ. Терпи цѣпи и тѣлесное рабство; пока я освобождаю тебя лишь отъ духовнаго рабства.

Я тебѣ болѣе другъ, чѣмъ всякій другой, ибо я сдѣлалъ для тебя больше ихъ: они не стерпѣли бы того, что я терпѣлъ за тебя; они не умерли бы за тебя, когда ты оказался

бы невѣрнымъ и жестокимъ, а Я все это дѣлалъ, готовъ дѣлать и дѣлаю для своихъ избранныхъ.

Если бы ты зналъ свои грѣхи, ты палъ бы духомъ".

— „Я падаю духомъ, Господи, я вѣрю Тебѣ, какъ они тяжки".

„Нѣтъ не падай! Указавши тебѣ грѣхи, Я могу и исцѣлить тебя отъ нихъ: эти слова Мои есть знаменіе того, что Я хочу тебя исцѣлить. По мѣрѣ того, какъ ты станешь искупать ихъ, ты будешь ихъ сознавать и, наконецъ, тебѣ будетъ сказано: Смотри, какіе грѣхи тебѣ отпущены! Кайся же въ своихъ скрытыхъ грѣхахъ, кайся въ невѣдомой тебѣ тяжести тѣхъ грѣховъ, которые ты знаешь!"

— „Господи! я весь Тебѣ предаюсь!"

— „Я болѣе горячо люблю тебя, чѣмъ ты любилъ свои мерзости.

Мнѣ да будетъ слава, а не тебѣ, червь и земля!

Обратись къ твоему Владыкѣ, когда Мои собственныя слова служатъ для тебя поводомъ ко злу, тщеславію или суемудрію".

III.

Я вижу въ себѣ пучину гордости, суемудрія, похоти. Нѣтъ ничего общаго между мною и Богомъ, никакого соотношенія къ всеправедному Іисусу Христу. Но изъ-за меня Его выдали за грѣшника; на Него падали всѣ ваши бичи: Онъ больше меня подвергался униженіямъ,—и послѣ всего этого Онъ не только не чуждается меня, но даже гордится тѣмъ, что я иду къ Нему за помощью.

Онъ самъ себя исцѣлилъ, тѣмъ болѣе исцѣлитъ меня. Свои раны я долженъ присоединить къ Его ранамъ, я долженъ соединиться съ Нимъ; и Онъ спасетъ меня, спасая Себя.

Но я не долженъ впредь увеличивать Его ранъ своими ранами.

IV.

Утѣшьтесь: не отъ себя вы должны ждать исцѣленія. Напротивъ, вы должны ожидать его, ничего не ожидая отъ самихъ себя.

V.

На крестѣ Іисусъ Христосъ былъ мертвъ и видимъ, въ мѣстѣ погребенія Онъ былъ мертвъ и скрытъ.

Погребали Іисуса Христа только святые люди.

Іисусъ Христосъ не сдѣлалъ ни одного чуда въ мѣстѣ погребенія. Входили туда только святые. Тамъ Іисусъ Христосъ принимаетъ новую жизнь, а не на крестѣ. Это послѣдняя тайна страданія и искупленія.

Іисусъ Христосъ не имѣлъ на землѣ, гдѣ главу преклонить,—кромѣ мѣста погребенія.

Его враги перестали Его преслѣдовать только въ мѣстѣ погребенія.

VI.

„Я часто говорю тебѣ и совѣтую, потому что твой Руководитель не можетъ непосредственно говорить съ тобою, а Я не хочу, чтобы ты оставался безъ руководителя. Можетъ-быть, я дѣлаю это по Его порученію, и такимъ образомъ Онъ руководитъ тобою, а ты не видишь Его. Ты не искалъ бы Меня, если бы уже не обладалъ Мною. Не бойся же!“

VII.

„Не сравнивай себя съ другими, а сравнивай со Мной. Если ты не находишь Меня въ тѣхъ, съ которыми сравниваешь себя, то, значитъ, ты сравниваешь себя съ гнуснымъ человѣкомъ. Если же находишь Меня, то сравнивай. Но что ты станешь сравнивать? Себя ли или Меня въ тебѣ? Если себя, то ты сравниваешь гнуснаго человѣка. Если Меня, то, значитъ, Меня ты сравниваешь со Мною же. А Я—Богъ во всемъ“.

VIII.

Мнѣ кажется, что Іисусъ Христосъ, послѣ Своего воскресенія, позволялъ касаться только своихъ ранъ. „Не прикасайся ко Мнѣ!“ Намъ нужно соединяться съ Нимъ только въ Его страданіяхъ.

IX.

Въ Канѣ Онъ предоставилъ сообщаться съ Собою, какъ съ смертнымъ, ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ,—какъ съ воскресшимъ, всей церкви,—какъ съ восшедшимъ на небо.

X.

„Молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“. Опасно подвергаться искушенію. Если кто подвергается искушенію, то потому, что не молится. „И ты нѣкогда обратившись утверди братьевъ твоихъ“ (говорилъ Христосъ Петру). Но прежде, чѣмъ это случилось, „Господь обратившись взглянулъ на Петра“ *).

Ап. Петръ проситъ позволенія ударить Малха и ударяетъ, прежде чѣмъ услышалъ отвѣтъ. Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ уже послѣ.

XI.

Іисусъ Христосъ не хотѣлъ быть преданнымъ смерти безъ формальнаго суда, ибо гораздо позорнѣе умереть по приговору суда, чѣмъ пасть жертвой несправедливаго возмущенія.

XII.

Ложный судъ Пилата ведетъ лишь къ тому, что заставляетъ страдать Іисуса Христа; ибо Пилатъ велитъ Его бичевать въ силу своего ложнаго суда, и потомъ уже умертвить, вмѣсто того, чтобы прямо предать смерти. Такъ поступаютъ и ложные праведники. Чтобы угодить міру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать, что они совершенно преданы Іисусу Христу, они дѣлаютъ и добрыя дѣла и злыя, ибо они стыдятся Христа. А наконецъ, среди наибольшихъ искушеній и случайностей, они Его предаютъ смерти.

---

*) *Лук.* XXII.

ГЛАВА XXIII.

О чудесахъ.

Чудо—это дѣйствіе, которое превышаетъ естественную силу способовъ, при немъ употребляющихся; не-чудо—это дѣйствіе, которое не превышаетъ естественной силы употребляемыхъ при этомъ способовъ. Такимъ образомъ, кто исцѣляетъ вмѣшательствомъ діавола, тотъ не творитъ чуда ибо это не превышаетъ силы діавола.

Чудеса властью, проявленной надъ тѣлами, доказываютъ, какую власть Богъ имѣетъ надъ сердцами.

I.

По чудесамъ различается ученіе; съ другой стороны, и ученіе дѣлаетъ различіе между чудесами. Есть ложныя и истинныя чудеса. Нуженъ какой-нибудь признакъ, чтобы ихъ различать, иначе они были бы безполезны. А они не безполезны, — напротивъ, они служатъ основой. Правило различать чудеса должно быть такого рода, чтобы оно не разрушало истины, извлекаемой изъ истинныхъ чудесъ, которая и служитъ главной цѣлью чудесъ. Моисей далъ два такихъ признака: если предсказаніе не исполняется (*Вт.* XVIII, 22), или если чудесами вводятъ въ идолопоклонство (*Вт.* XIII, 4), то чудеса ложны; Іисусъ Христосъ далъ одинъ.

Если ученіе направляетъ чудеса, то они безполезны для этого ученія. Если же чудеса даютъ направленіе ученію, то можно ли ими убѣдить въ ученіи, во всемъ его составѣ? Нѣтъ, это не удастся.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ чудеса ложны, когда ими хотятъ отвратить отъ Бога. Въ новомъ завѣтѣ они ложны, если ими отвращаютъ отъ Іисуса Христа. Вотъ намѣченные случаи, когда можно не вѣрить чудесамъ. Другихъ исключеній не зачѣмъ и придумывать.

Слѣдуетъ ли отсюда, что іудеи имѣли право исключить всѣхъ пророковъ, приходившихъ къ нимъ? Нѣтъ. Они грѣшили бы, не исключая тѣхъ, которые отрицали Бога, но

грѣшили бы также, если бы исключали тѣхъ, которые не отрицали Бога.

Итакъ, прежде всего, видя чудо, нужно или покориться, или имѣть чудесныя доказательства противоположнаго. Нужно смотрѣть, не отрицаютъ ли творящіе чудеса Бога, Іисуса Христа или церковь.

Если бы не было ложныхъ чудесъ, то была бы полная несомнѣнность. Если бы не было правила, какъ различать чудеса, то они были бы безполезны и не было бы основанія имъ вѣрить. На дѣлѣ же, человѣкъ по своему человѣчеству не имѣетъ полной несомнѣнности, но онъ имѣетъ полное основаніе вѣрить.

„Чудо“, говорятъ иные, „подкрѣпило бы мою увѣренность“. Говорятъ это—не видя чуда. Если основанія слишкомъ далеки отъ васъ, то это, по-видимому, ограничиваетъ наше зрѣніе, но стоитъ подойти къ нимъ ближе, и мы начинаемъ видѣть еще дальше. Ничто не можетъ остановить подвижности нашего ума. Нѣтъ правила, говорятъ, безъ исключенія, нѣтъ истины столь всеобщей, чтобы съ какой-нибудь стороны она не оказалась неполной. А достаточно того, что она не абсолютно всеобща, — и мы имѣемъ уже поводъ подводить подъ исключеніе настоящій именно случай и говорить: „Это не всегда истинно; значитъ, есть случаи, гдѣ это не истинно“. Послѣ этого остается только показать, что данный случай и есть именно такой; и развѣ только очень неловкій или очень неудачливый не найдетъ средствъ сдѣлать такой выводъ.

II.

Всякая религія ложна, если въ своемъ вѣроученіи не учитъ поклоняться Богу, какъ началу всѣхъ вещей, и если въ своей морали не проповѣдуетъ любви къ одному только Богу, какъ причинѣ всѣхъ вещей.

Іудеи имѣли ученіе о Богѣ, какъ мы имѣемъ объ Іисусѣ Христѣ, и притомъ опиравшееся на чудеса; имъ было запрещено вѣрить всякимъ чудотворамъ и, даже болѣе того,

приказано было обращаться въ такихъ случаяхъ къ первосвященникамъ и держаться ихъ. Такимъ образомъ, они имѣли по отношенію къ пророкамъ всѣ тѣ основанія, которыя мы имѣемъ для отказа вѣрить чудотворамъ. А между тѣмъ это было ихъ тяжкой виной, что они, отказываясь отъ пророковъ на основаніи ихъ чудесъ, отказались и отъ Іисуса Христа. Если бы они не видѣли вовсе чудесъ, они не были бы виновны. „Если бы Я не сотворилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха“ *). Итакъ, все вѣрованіе основано на чудесахъ.

Доказательства, которыя Іисусъ Христосъ и апостолы извлекаютъ изъ Св. Писанія, не совсѣмъ убѣдительны. Ибо они только ссылаются на слова Моисея, что придетъ пророкъ, но они не доказываютъ этимъ, что это онъ самый и есть, а въ этомъ-то и заключался весь вопросъ. Итакъ, въ этихъ мѣстахъ показывается только, что въ данномъ случаѣ нѣтъ противорѣчія съ Св. Писаніемъ, а не доказывается того, что тутъ полное согласіе. А если нѣтъ противорѣчія, то этого и достаточно, коль скоро есть чудеса.

III.

Іисусъ Христосъ говоритъ, что Св. Писаніе свидѣтельствуетъ о Немъ, но не показываетъ—въ чемъ.

Даже пророчества не могли доказать истинности Іисуса Христа, пока Онъ былъ живъ. Такимъ образомъ, люди не были бы виновны, что не вѣрили въ Него до Его смерти, если бы не было достаточно чудесъ, даже безъ всякаго особаго ученія, Люди не вѣрившіе въ Него при жизни Его, были грѣшниками, какъ Онъ самъ говоритъ объ этомъ, и притомъ не заслуживающими прощенія. Значитъ, было какое-то доказательство, которому они противились. А такимъ доказательствомъ были чудеса. Итакъ, чудесъ достаточно, если ученіе имъ не противорѣчитъ, и въ нихъ должно вѣрить.

---

*) *Іоанн.* XV, 24.

Іисусъ Христосъ доказывалъ, что Онъ—Мессія, не сличеніемъ своего ученія съ Св. Писаніемъ и пророчествами, а всегда—чудесами. Онъ доказывалъ, что Онъ отпускаетъ грѣхи, и опять съ помощью чуда.

Никодимъ, благодаря чудесамъ, призналъ, что Его ученіе — Божіе: „Равви! мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога; ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ". Онъ не о чудесахъ судитъ по ученію, а по чудесамъ объ ученіи.

Между Богомъ и людьми—взаимная обязанность. „Что еще надлежало бы сдѣлать для виноградника Моего?" спрашиваетъ Богъ. „Какъ Я помыслилъ, такъ и будетъ; какъ Я опредѣлилъ, такъ и состоится" (*Ис.* V и XIV).

Долгъ людей передъ Богомъ—принимать вѣру, которую Онъ имъ посылаетъ. А Богъ долженъ—не вводить людей въ заблужденіе. Они впали бы въ заблужденіе, если бы такіе чудотворцы провозглашали ученіе, которое съ перваго вида не казалось бы ложнымъ при обыкновенномъ людскомъ пониманіи, и если бы величайшій Творецъ чудесъ не предупредилъ уже раньше, что такимъ ложнымъ чудотворцамъ нельзя вѣрить. Такимъ образомъ, если бы въ церкви произошло раздѣленіе и, напр., аріане, которые, какъ и католики, утверждали, что опираются на Св. Писаніе, стали бы творить чудеса, а католики нѣтъ, то люди введены были бы въ заблужденіе. Ибо подобно тому, какъ человѣкъ, провозвѣщающій намъ тайны Божіи, не заслуживаетъ еще того, чтобы ему вѣрили, опираясь на его частный авторитетъ, — изъ-за этого-то и сомнѣваются нечестивые,—точно такъ же, если кто, въ доказательство своего общенія съ Богомъ, воскрешаетъ мертвыхъ, предсказываетъ будущее, переходитъ моря, исцѣляетъ болѣзни, то нѣтъ такого нечестивца, который не сдался бы на такія доказательства, а невѣріе Фараона и фарисеевъ есть результатъ неестественнаго огрубѣнія. Итакъ, когда мы видимъ чудеса и не-подозрительное ученіе — то и другое на одной сторонѣ, то мы безъ труда вѣримъ. Но когда мы видимъ чудеса и подозрительное ученіе

на одной и той же сторонѣ, то нужно разсмотрѣть, которая изъ этихъ вещей яснѣе всего. Іисусъ Христосъ внушалъ іудеямъ такое именно подозрѣніе.

Большая разница — искушать и вводить въ заблужденіе. Богъ искушаетъ, но не вводитъ въ заблужденіе. Искушать значитъ доставлять такіе случаи, когда человѣкъ, не будучи подавленъ необходимостью, если не любитъ Бога, то сдѣлаетъ то-то. Вводить въ заблужденіе значитъ ставить человѣка въ необходимость ложно заключать и слѣдовать лжи-

---

Въ силу указанной обязанности со стороны Бога, невозможно, чтобы какой-нибудь человѣкъ, скрывая дурныя стороны своего ученія, обнаруживая только хорошую и называя себя согласнымъ съ Богомъ и церковью, творилъ чудеса, съ цѣлью незамѣтно распространять свое ложное и ловкое ученіе. Еще менѣе возможно, чтобы Богъ, знающій сердца, Самъ творилъ чудеса во вниманіе къ такому человѣку.

IV.

Большая разница между тѣми, которые не признаютъ Іисуса Христа и прямо говорятъ это, и тѣми, которые не признаютъ Его, но притворяются признающими. Одни могутъ совершать чудеса, другіе нѣтъ; ибо относительно однихъ очевидно, что они идутъ противъ истины, относительно другихъ—нѣтъ; такимъ образомъ тутъ чудеса яснѣе ученія *).

Чудеса показываютъ разницу въ вещахъ сомнительныхъ, различая іудеевъ отъ язычниковъ, іудеевъ отъ христіанъ, католиковъ отъ еретиковъ, оклеветанныхъ отъ клеветниковъ, крестъ Спасителя отъ креста разбойника. Но для еретиковъ чудеса были бы безполезны, ибо церковь, пріобрѣтшая авто-

*) Это темное мѣсто объясняютъ такъ: громко заявляющимъ о своемъ невѣріи Богъ можетъ дать силу творить чудеса, ибо они не могутъ обмануть вѣрующихъ — нелѣпость ихъ ученія очевиднѣе чудесъ ихъ. Но тѣ, ученіе которыхъ двусмысленно и въ сущности лживо, своими чудесами могли бы обольстить вѣрующихъ, такъ какъ ихъ чудеса могли бы быть очевиднѣе ихъ ученія; поэтому Богъ не позволяетъ имъ творить чудесъ.

ритетъ, благодаря чудесамъ, уже раньше сникавшимъ себѣ довѣріе, говоритъ намъ, что еретики не имѣютъ истинной вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ и нѣтъ истинныхъ чудесъ, потому что чудеса церкви, бывшія прежде, исключаютъ вѣру въ ихъ чудеса. Такимъ образомъ, одно чудо стоитъ противъ другого чуда, а первыя и болѣе великія чудеса—на сторонѣ церкви.

Сопоставимъ Авеля и Каина, Моисея и магиковъ, Илію и ложныхъ пророковъ, Іеремію и Ананію, Михея и ложныхъ пророковъ, Іисуса Христа и фарисея, апостола Павла и Варіисуса, апостоловъ и заклинателей, христіанъ и невѣрующихъ, католиковъ и еретиковъ, Илію, Еноха и антихриста. Постоянно истинное беретъ верхъ въ чудесахъ. Сопоставимъ, наконецъ, два креста.

Никогда въ преніяхъ объ истинномъ Богѣ, объ истинной религіи, не происходило чуда на сторонѣ заблужденія, а не истины.

Между іудеями происходилъ споръ (*Іоан.* VII, 40), какъ теперь между христіанами. Одни вѣрили въ Іисуса Христа, другіе не вѣрили, основываясь на пророчествахъ, говорившихъ, что Онъ долженъ произойти изъ Виѳлеема. Имъ бы лучше было постараться узнать, не Онъ ли это. Ибо коль скоро чудеса Его были достаточно убѣдительны, они должны были вполнѣ увѣриться, что противорѣчія Его ученія съ Св. Писаніемъ только мнимыя; эта неясность не извиняла ихъ, а ослѣпляла. Точно также не заслуживаютъ извиненія и тѣ, которые отказываются вѣрить теперешнимъ чудесамъ въ виду ихъ мнимаго противорѣчія законамъ природы.

Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго и дѣлалъ много чудесъ въ субботу. Черезъ это самое Онъ ослѣплялъ фарисеевъ, которые говорили, что о чудесахъ нужно судить по ученію.

„Мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ; сего же не знаемъ, откуда Онъ“ *).

*) *Іоанн.* IX, 29.

— Удивительно, какъ это вы не знаете, откуда Онъ! Вѣдь Онъ творитъ такія чудеса!

Іисусъ Христосъ не говорилъ ни противъ Бога, ни противъ Моисея. Антихристъ и ложные пророки, предсказанные въ томъ и другомъ Завѣтѣ, станутъ говорить открыто противъ Бога и противъ Іисуса Христа. Кто — скрытый врагъ, тому Богъ не позволилъ бы творить чудеса открыто.

Если есть Богъ, то должна быть на землѣ вѣра въ Бога. Чудеса Христа не предсказаны антихристомъ, а чудеса антихриста предсказаны Іисусомъ Христомъ; такимъ образомъ, если бы Іисусъ Христосъ не былъ Мессіей, то Онъ легко ввелъ бы въ заблужденіе, но антихристъ не можетъ ввести въ заблужденіе.

Неужели Христосъ, предсказавши чудеса антихриста, думалъ этимъ разрушить вѣру въ свои собственныя чудеса?— Моисей предсказалъ Христа и повелѣлъ слѣдовать за Нимъ, Христосъ предсказалъ антихриста и запретилъ слѣдовать за нимъ.

Во время Моисея люди не могли сохранять вѣры въ антихриста: онъ имъ былъ неизвѣстенъ; но во времена антихриста очень легко вѣрить въ Іисуса Христа: Онъ будетъ уже извѣстнымъ.

Нѣтъ ни одного основанія вѣрить въ антихриста, которое не было бы основаніемъ и для вѣры въ Христа; но для вѣры въ Христа есть и другія основанія, которыя не служатъ основаніями для вѣры въ антихриста.

V.

Чудеса важнѣе, чѣмъ вы думаете: они послужили основанію и послужатъ продолженію церкви, вплоть до антихриста, до конца міра.

Богъ разстроилъ ложныя чудеса или предсказалъ ихъ; въ томъ и другомъ случаѣ, Онъ поднялся надъ тѣмъ, что сверхъестественно на нашъ взглядъ, и поднялъ насъ самихъ.

Чудеса имѣютъ такую силу, что, какъ ни ясно, что есть Богъ, Онъ все-таки предупредилъ, чтобы не замышляли ихъ противъ Него, а иначе они способны были бы привести въ смущеніе.

Указанныя мѣста Второзаконія (XIII) не только не говорятъ противъ авторитета чудесъ, но даже, какъ нельзя лучше, доказываютъ силу ихъ. Тоже можно сказать и о чудесахъ антихриста, которыя будетъ совершать онъ, чтобы „прельстить, если возможно, и избранныхъ“.

VI.

Причиной, почему не вѣрятъ истиннымъ чудесамъ, служитъ недостатокъ любви. „Но вы не вѣрите, ибо вы не изъ овецъ Моихъ“ *). Причиной вѣры въ ложныя чудеса служитъ тоже недостатокъ любви (II *Θессал.* II, 10).

Разсмотрѣвши, почему это люди питаютъ такую вѣру къ столькимъ обманщикамъ, утверждающимъ, что у нихъ есть средства противъ болѣзней, и часто даже вручаютъ свою жизнь въ ихъ руки, я вижу истинную причину этого въ томъ, что есть и настоящія средства; ибо невозможно было бы появленіе столькихъ ложныхъ цѣлителей, невозможно было бы такое довѣріе къ нимъ, если бы не было истинныхъ. Если бы вовсе не было средства противъ какой-нибудь болѣзни, если бы всѣ болѣзни были неизлѣчимы, то невозможно было бы, чтобы эти цѣлители воображали, что могутъ дать такое средство, а тѣмъ болѣе невозможно, чтобы столько другихъ людей вѣрило имъ, когда они хвастаются, что имѣютъ это средство. Если бы кто хвастался, что можетъ помѣшать умереть, никто ему не вѣрилъ бы, потому что не было ни одного подобнаго примѣра. Но такъ какъ есть масса средствъ, признанныхъ настоящими даже со стороны великихъ людей, то это обстоятельство склонило людскую довѣрчивость: разъ что-нибудь возможно, то выводятъ заключеніе, что на этотъ разъ именно это самое и было. Ибо народъ обыкновенно разсуждаетъ такъ: вещь воз-

*) *Іоанн.* XI, 26.

можна; значитъ, она есть. Коль скоро вещь нельзя отрицать вообще, потому что есть на лицо нѣсколько частныхъ, но подлинныхъ ея дѣйствій, то народъ, не будучи въ состояніи различить, какія изъ ея дѣйствій истинны, вѣритъ имъ всѣмъ. Точно также, если люди вѣрятъ въ столько ложныхъ дѣйствій луны, то это потому, что есть истинныя дѣйствія, напр., приливъ и отливъ.

Тоже можно сказать о пророчествахъ, чудесахъ, снога-даніяхъ, колдовствѣ и т. д. Если бы во всемъ этомъ ничего не было истиннаго, то ничему подобному и не вѣрили бы. Такимъ образомъ, мы приходимъ не къ тому заключенію, что, разъ есть столько ложныхъ чудесъ, то нѣтъ истинныхъ, а напротивъ, къ заключенію, что, разъ есть столько ложныхъ, то несомнѣнно есть истинныя чудеса, что ложныя чудеса только тѣмъ и объясняются, что есть истинныя.

Точно такъ же нужно разсуждать и о религіи; ибо невозможно, чтобы люди придумали себѣ столько ложныхъ религій, если бы не было истинной. Противъ этого возразятъ, что вѣдь и дикари имѣютъ религію. На это отвѣчу, что они потому имѣютъ, что слышали о ней, какъ это видно изъ преданій о потопѣ, изъ обряда обрѣзанія, изъ преданій о крестѣ св. Андрея, и т. д.

VII.

Сказано: „вѣрьте въ церковь!“ но не сказано: „вѣрьте въ чудеса“, потому что послѣднее естественно, а первое нѣтъ. Одно имѣло нужду въ предписаніи, другое—нѣтъ.

VIII.

Эти дѣвы *) удивлены слухами, которые распускаютъ про нихъ; говорятъ, будто онѣ—на пути къ погибели, будто духовники совращаютъ ихъ въ женевское ученіе **), внушаютъ имъ, что Іисусъ Христосъ не присутствуетъ въ Евхаристіи и не сидитъ одесную Отца. Онѣ знаютъ, что все это ложь. Онѣ поручаютъ себя Богу, говоря: „Смотри, есть ли во мнѣ путь

*) Рѣчь идетъ о монахиняхъ Поръ-Рояля.
**) Ученіе Кальвина.

беззаконія". Что же выходитъ изъ этого? Мѣсто, которое называютъ храмомъ діавола, Богъ дѣлаетъ Своимъ храмомъ. Говорятъ, что нужно удалить оттуда дѣтей; а Богъ ихъ исцѣляетъ. Говорятъ, что тамъ адское скопище, а Богъ дѣлаетъ это мѣсто святилищемъ Своей благодати. Имъ грозятъ наконецъ всѣми яростями, всѣми местями неба, а Богъ осыпаетъ ихъ Своими милостями. Послѣ этого нужно потерять всякій смыслъ, чтобы прійти къ заключенію, что онѣ—на пути къ погибели.

Чтобы ослабить своихъ противниковъ, вы обезоруживаете всю церковь.

Если они *) говорятъ, что наше спасеніе зависитъ только отъ Бога, то это ересь. Если они говорятъ, что они подчинены папѣ, то это лицемѣріе. Они готовы подписаться подъ всѣми его установленіями, но этого недостаточно. Если они говорятъ, что не нужно убивать изъ-за яблока, то этимъ они оспариваютъ нравственное ученіе католиковъ. Если между ними творятся чудеса, то это не есть признакъ святости, а напротивъ, внушаетъ подозрѣніе въ ереси.

Три признака религіи: вѣчное продолженіе, добрая жизнь, чудеса. Вѣчность ея они **) разрушаютъ ученіемъ о вѣроятности, добрую жизнь — своею моралью, а чудеса—непризнаніемъ ихъ истинности или важности. Если вѣрить чудесамъ, то необходимо признать, что съ церковью связаны вѣчность, святая жизнь и чудеса. Еретики отрицаютъ ихъ вовсе или отрицаютъ ихъ важность. Янсенисты—то же самое. Но отрицать ихъ значитъ не имѣть вовсе искренности, а не признавать ихъ важности—значитъ, кромѣ того, потерять смыслъ.

Что бы тамъ ни было, но церковь остается безъ доказательствъ, если они правы.

---

*) Рѣчь идетъ объ янсенистахъ.

**) Рѣчь идетъ объ іезуитахъ.

У церкви три сорта враговъ: іудеи *), которые никогда не принадлежали къ ея тѣлу; еретики, которые удалились отъ нея, и дурные христіане, которые терзаютъ ее внутри. Эти три различные сорта противниковъ обыкновенно нападаютъ на нее различнымъ образомъ. Но тутъ они употребляютъ всѣ одинъ и тотъ же способъ. Такъ какъ они не имѣютъ чудесъ, а церковь имѣетъ, въ качествѣ оружія противъ нихъ, чудеса, то они всѣ одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы издѣваться надъ ними, и всѣ пользуются тою уловкою, что судятъ о чудесахъ по ученію, а не объ ученіи по чудесамъ. Между людьми, слышавшими ученіе Іисуса Христа, было двѣ партіи: одни слѣдовали Его ученію, опираясь на Его чудеса, другіе говорили... Двѣ партіи были во времена Кальвина. Теперь тоже двѣ партіи іезуитовъ...

Не здѣсь мѣстопребываніе истины: она блуждаетъ въ неизвѣстности между людьми. Богъ покрылъ ее покровомъ тайны, который мѣшаетъ познать ее тѣмъ, которые не слышатъ ея голоса. Мѣсто открыто для хулы,—и даже на истины вполнѣ очевидныя. Проповѣдуя евангельскія истины, они проповѣдуютъ и противоположное и затемняютъ вопросы такъ, чтобы народъ не могъ въ нихъ разобраться. Они спрашиваютъ: „Что у васъ есть такого, что заставило бы васъ вѣрить больше другихъ? Какое знаменіе вы можете сдѣлать? У васъ только слова и у насъ то же. Если бы у васъ были чудеса, другое дѣло“. Это правда, что ученіе должно быть подкрѣплено чудесами; но они злоупотребляютъ этимъ положеніемъ, чтобы хулить ученіе. А если происходятъ чудеса, они говорятъ, что чудесъ недостаточно безъ ученія: и эта истина служитъ имъ для хулы на чудеса.

Какъ вамъ пріятно знать общія правила! Вы думаете этимъ путемъ посѣять смущеніе и сдѣлать все безполезнымъ. Но вамъ, отцы, помѣшаютъ въ этомъ: истина—едина и незыблема.

---

*) Паскаль говоритъ объ іудеяхъ, жившихъ послѣ пришествія Мессіи.

IX.

Чудо между схизматиками не внушаетъ столькихъ опасеній; ибо схизма, будучи очевиднѣе чуда, ясно указываетъ на ихъ заблужденіе. Но когда нѣтъ схизмы и когда заблужденіе спорно, то дѣло рѣшается чудомъ.

„Не отъ Бога этотъ человѣкъ, потому что не хранитъ субботы. Другіе говорили: какъ можетъ человѣкъ грѣшный творить такія чудеса?“ (*Іоанн.* IX, 16).

На чьей сторонѣ больше ясности?

„Это не Божій домъ, ибо здѣсь не вѣрятъ въ пять предложеній Янсенія“. А другіе говорятъ: „это домъ Божій, ибо Богъ совершаетъ здѣсь чудеса“. На чьей сторонѣ больше ясности?

„Ты что скажешь о Немъ? Онъ сказалъ: это пророкъ“.—„Если бы Онъ не былъ отъ Бога, не могъ бы творить ничего“ *).

„Когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ“. Христосъ отсылаетъ ихъ къ дѣламъ, какъ къ самому сильному доказательству.

Богъ сказалъ іудеямъ, а также и христіанамъ, чтобы они не всегда вѣрили пророкамъ. Тѣмъ не менѣе фарисеи и книжники считаютъ важнымъ фактомъ чудеса Іисуса Христа и пытаются показать, что они ложны или сотворены діаволомъ, такъ какъ они по необходимости должны бы были повѣрить, если бы признали, что они отъ Бога.

Намъ теперь не зачѣмъ производить подобное различеніе. Однако его очень легко сдѣлать: кто не отрицаетъ ни Бога, ни Іисуса Христа, тотъ не творитъ такихъ чудесъ, въ которыхъ можно сомнѣваться.

Но намъ не нужно дѣлать подобныхъ различеній. Вотъ священная реликвія—тернъ отъ вѣнца Спасителя міра; надъ

---

*) *Іоанн.* IX.

нимъ не имѣетъ власти князь міра сего *), онъ совершаетъ чудеса своею собственною силою, силою крови, пролитой за насъ. Самъ Богъ избираетъ это мѣсто **), чтобы въ немъ блистало Его всемогущество. Не люди совершаютъ эти чудеса и не съ помощью неизвѣстной и сомнительной силы, которая обязывала бы насъ производить трудное изслѣдованіе. Ихъ совершаетъ самъ Богъ: орудіе страданія Его Единороднаго Сына изъ многихъ мѣстъ избрало это мѣсто и заставило людей стекаться сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы получить тутъ чудесное облегченіе своимъ болѣзнямъ.

Въ чудесахъ уже нѣтъ необходимости, потому что они были уже. Но когда люди не слышатъ уже преданія, когда они не признаютъ главою папу, когда они его заподозрили, когда такимъ образомъ они исключили истинный источникъ истины—преданіе и предубѣждены противъ хранителя его—папы, то истина не имѣетъ уже свободы проявиться: разъ люди не говорятъ уже объ истинѣ, истина должна сама говорить о себѣ. Такъ было и во времена Арія.—„Вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились“ (*Іоанн.* VI, 26).

Кто слѣдуетъ Іисусу Христу по причинѣ Его чудесъ, тотъ почитаетъ Его могущество во всѣхъ чудесахъ, которыя оно производитъ. Но кто, заявляя, что слѣдуетъ Ему за Его чудеса, на самомъ дѣлѣ идетъ за Нимъ только потому, что Онъ утѣшаетъ его и насыщаетъ его мірскими благами, тотъ начинаетъ безславить Его чудеса, если они противорѣчатъ его собственнымъ удобствамъ.

О несправедливые судьи***), не составляйте законовъ на одинъ часъ! Судите по тѣмъ законамъ, которые уже установлены, и притомъ вами же самими. Горе вамъ, если вы создаете несправедливые законы!

---

*) Діаволъ, *Іоанн.* XII, 31.

**) Монастырь Поръ-Рояль.

***) Обращеніе къ іезуитамъ.

Причина, почему церковь постоянно существовала, состоитъ въ томъ, что истина оставалась неоспоренной; если ее оспаривали, то былъ папа; если же его не было, то была церковь.

Для царей, князей важно пользоваться уваженіемъ за благочестіе; изъ-за этого-то они и исповѣдуются у васъ.

Янсенисты своими мудрствованіями по поводу нравственности походятъ на еретиковъ, а вы походите на нихъ своимъ зломъ.

ГЛАВА XXIV.

О разумѣ, милости, вѣрѣ, церкви и различныхъ вопросахъ догмы и морали.

I.

Пирронизмъ правъ, ибо до Іисуса Христа люди, при всемъ томъ, не знали, гдѣ они, велики ли они или ничтожны. А тѣ, которые утверждали то или другое, тоже ничего не знали и угадывали случайно, безъ всякаго основанія; они тоже постоянно были въ заблужденіи, искючая то одно, то другое.

Единственная противная здравому разсудку и человѣческой природѣ вещь одна только неизмѣнно и существовала между людьми *).

II.

Неужели вы думаете, что невозможно, чтобы Богъ былъ безконеченъ и недѣлимъ? Если такъ, то я хочу показать вамъ безконечную и недѣлимую вещь—это точка, движущаяся повсюду съ безконечною скоростью: она—во всѣхъ мѣстахъ и въ то же время вся цѣликомъ въ каждомъ мѣстѣ.

---

*) Ср. гл. XII, § IX.

Пусть это природное явленіе, которое прежде казалось вамъ невозможнымъ, заставитъ васъ признать, что могутъ быть и другія такія явленія, о которыхъ вы еще не знаете. Но не извлекайте изъ этого перваго вашего опыта того заключенія, что вамъ ничего не остается знать: вамъ нужно еще безконечно многое знать.

III.

Проявляя кротость во всемъ устройствѣ міра, Богъ такъ сдѣлалъ, чтобы человѣкъ, воспринимая вѣру умомъ, опирался на доводы разума, а сердцемъ вѣрилъ бы — въ силу благодати. Но внушать вѣру уму или сердцу силою и угрозами—это значитъ внушать не вѣру, а ужасъ.

Нужно пожалѣть невѣрующихъ: они достаточно несчастны уже въ силу своего состоянія. Поносить ихъ нужно было бы только въ томъ случаѣ, если это послужило бы имъ въ пользу; но это имъ вредитъ.

IV.

Вся вѣра состоитъ въ Іисусѣ Христѣ и Адамѣ, вся мораль—въ признаніи похоти и благодати.

V.

Міръ существуетъ для проявленія милосердія и осужденія, но это не значитъ, чтобы люди въ немъ — постоянно оказывались выходящими изъ рукъ Божіихъ; это значитъ, что они стали врагами Бога, которымъ Онъ даетъ по Своей милости достаточно свѣта, чтобы снова прійти къ Нему, если они хотятъ искать Его и слѣдовать за Нимъ; но Онъ ихъ накажетъ, если они отказываются искать Его или слѣдовать за Нимъ.

VI.

Что бы тамъ ни говорили, а нужно признаться, что религія христіанская заключаетъ въ себѣ нѣчто удивительное.

— „Это потому, что вы родились въ ней“, скажутъ намъ.

— Далеко нѣтъ. Я противился бы ей на этомъ самомъ осно-

ваніи, боясь, какъ бы не быть жертвой этого предубѣжденія. Но хотя я родился въ ней, я не перестаю находить ее таковою.

VII.

Кто знаетъ только природу, не оказывается ли онъ, вслѣдствіе одного уже этого, несчастнымъ? Не тотъ ли только несчастенъ, кто одну ее знаетъ?

Не нужно, чтобы человѣкъ вовсе ничего не видѣлъ; но и достаточно много видѣть онъ долженъ не для того, чтобы вѣрить въ свое обладаніе, а для того, чтобы знать, что онъ потерялъ: чтобы знать свои потери, для этого нужно и видѣть и не видѣть. А въ такомъ именно положеніи и находится природа человѣка.

Истинная религія должна ознакомить съ величіемъ и ничтожествомъ, должна вести къ самоуваженію и самоуниженію, къ любви и къ отвращенію.

VIII.

Религія есть нѣчно столь великое, что ея справедливо лишены тѣ, которые не желаютъ искать вѣры, разъ она темна. На что же имъ жаловаться, разъ она такова, что ее можно найти, если только искать?

Гордость составляетъ противовѣсъ нашей нищетѣ и прогоняетъ всѣ несчастія. Какое это странное чудовище, какое вполнѣ очевидное заблужденіе! Вотъ гордецъ упалъ съ своей высоты: онъ ищетъ мѣста съ безпокойствомъ. Такъ поступаютъ всѣ люди. Посмотримъ, кто его найдетъ!

Когда говорите, что Іисусъ Христосъ умеръ не за всѣхъ, то вы злоупотребляете дурною склонностью людей, которые это исключеніе постоянно относятъ къ себѣ, а это значитъ содѣйствовать отчаянію, вмѣсто того, чтобы отвращать его и благопріятствовать надеждѣ. Вѣдь путемъ внѣшнихъ привычекъ люди привыкаютъ и къ внутреннимъ добродѣтелямъ.

IX.

Заслуга человѣка при его невинности состояла въ пользованіи тварями и господствѣ надъ ними, а теперь она состоитъ въ отдѣленіи отъ нихъ и подчиненіи себя имъ.

X.

Церковь всегда оспаривалась противорѣчащими другъ другу заблужденіями, но никогда, можетъ-быть, этого не было одновременно, какъ теперь. Если она терпитъ больше, при множествѣ заблужденій, зато она тѣмъ выигрываетъ, что послѣднія уничтожаютъ другъ друга.

Она жалуется на тѣхъ и другихъ *), но гораздо больше на кальвинистовъ, за то что они отпали.

Несомнѣнно, что многіе въ той и другой противной партіи обманулись: нужно ихъ образумить.

Вѣра обнимаетъ собою многія истины, которыя, повидимому, противорѣчатъ другъ другу.

Источникъ соединенія двухъ природъ—въ Іисусѣ Христѣ.

Существуетъ два міра. Съ Іисусомъ Христомъ связано сотвореніе новаго неба и новой земли, новая жизнь и новая смерть; всѣ вещи—вдвойнѣ, а мы остаемся одними и тѣми же.

Наконецъ, въ праведникахъ—два человѣка, ибо въ нихъ два міра, каждый изъ нихъ—членъ (міра) и образъ Іисуса Христа. Такимъ образомъ, къ нимъ примѣнимы всѣ имена: они—праведники и грѣшники, мертвые и живые, живые и мертвые, избранные и отверженные и т. д.

Очень многія истины въ области вѣры и морали кажутся противорѣчащими, но онѣ все-таки стоятъ всѣ въ удивительномъ порядкѣ.

Источникъ всѣхъ ересей есть исключеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ истинъ, а источникъ всѣхъ возраженій, которыя намъ дѣлаютъ еретики, есть незнаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ истинъ. Обыкновенно случается, что, не будучи въ состояніи понять отношенія двухъ противоположныхъ истинъ и думая, что признаніе одной заключаетъ въ себѣ исключеніе

*) На кальвинистовъ и іезуитовъ.

другой, еретики привязываются къ одной, исключая другую, и расходятся съ нами въ мысляхъ. Исключеніе есть причина ихъ ереси; а незнаніе того, что принимаемъ мы, причина ихъ возраженій.

Вотъ примѣры. Іисусъ Христосъ есть Богъ и человѣкъ. Аріане, не будучи въ состояніи соединить эти вещи и считая ихъ непримиримыми, утверждаютъ, что Онъ—человѣкъ; въ этомъ отношеніи они согласны съ католиками. Но они отрицаютъ, что Онъ—Богъ; въ этомъ отношеніи они—еретики. Они воображаютъ, что мы отрицаемъ Его человѣческую природу; въ этомъ они оказываются незнающими.

Вторымъ примѣромъ служитъ ученіе о св. Тайнахъ. Мы вѣримъ, что, такъ какъ существо хлѣба измѣнилось и стало единосущнымъ тѣлу Господа Нашего, то Іисусъ Христосъ дѣйствительно присутствуетъ въ св. Тайнахъ. Вотъ одна истина. Другая истина заключается въ томъ, что это таинство есть въ то же время одинъ изъ образовъ крестной смерти и славы и воспоминаніе того и другого. Католическая вѣра и обнимаетъ обѣ эти истины, которыя на первый взглядъ кажутся противоположными.

Теперешняя ересь *), не понимая, что это таинство содержитъ одновременно и присутствіе Іисуса Христа, и Его образъ, что оно—жертва и воспоминаніе о жертвѣ, полагаетъ, что нельзя допустить одну изъ этихъ истинъ, не исключая тѣмъ самымъ другой. Они присоединяются къ тому единственному пункту, что это таинство—образное; въ этомъ пунктѣ они не еретики. По ихъ мнѣнію, мы исключаемъ эту истину; поэтому-то они выставляютъ намъ столько возраженій на тѣ мѣста св. Отцовъ, которыя говорятъ объ этомъ. Но они отрицаютъ присутствіе: въ этомъ отношеніи они—еретики.

Третій примѣръ — индульгенціи.

Вотъ почему самый короткій способъ помѣшать распространенію ересей — это научить всѣмъ истинамъ; самый вѣрный способъ опровергнуть ереси — это освѣтить всѣ истины. Что тогда скажутъ еретики?

Каждый заблуждается тѣмъ болѣе опасно, что слѣдуетъ

---

* Кальвинизмъ.

одной лишь изъ истинъ. Ошибка не въ томъ, что люди слѣдуютъ лжи, а въ томъ, что не слѣдуютъ другой истинѣ.

Благодать (какъ и природа) всегда будетъ въ мірѣ, такъ что она въ нѣкоторомъ родѣ естественна. Такимъ образомъ, всегда будутъ пелагисты и истинные христіане, и всегда будетъ споръ, потому что однихъ создаетъ первоначальное рожденіе, другихъ — благодать второго рожденія.

XI.

Между обыденною жизнью людей и жизнью святыхъ та общая черта, что тѣ и другіе стремятся къ блаженству; разница только въ предметѣ, въ которомъ они полагаютъ его. Тѣ и другіе называютъ своимъ врагомъ того, кто мѣшаетъ имъ достигнуть счастья.

Судить о томъ, что хорошо и что дурно, нужно по волѣ Божьей, которая не можетъ быть ни несправедливою, ни слѣпою, а не по нашей собственной волѣ, которая всегда полна злобы и заблужденія.

XII.

Когда св. Петръ и другіе апостолы разсуждали объ уничтоженіи обрѣзанія — гдѣ приходилось поступать противъ закона Божьяго — они не обращались за руководствомъ къ пророкамъ, но просто приняли въ расчетъ воспріятіе Св. Духа въ лицѣ необрѣзанныхъ. Они основывались скорѣе на томъ, что Богъ оправдываетъ людей, которыхъ Онъ наполняетъ Своимъ Духомъ, а не на томъ, что нужно соблюдать законъ; они знали, что цѣль закона состояла въ сообщеніи Св. Духа, что, такимъ образомъ, коль скоро люди имѣли Его безъ обрѣзанія, то оно не было необходимымъ.

XIII.

Двухъ законовъ *) достаточно, чтобы управлять всей христіанской республикой лучше всѣхъ гражданскихъ законовъ.

---

*) Разумѣется любовь къ Богу и любовь къ ближнему.

Христіанская религія соотвѣтствуетъ всякаго рода умамъ. Одни останавливаются только на ея основаніи, а эта религія такова, что одного ея основанія достаточно, чтобы доказать ея истинность. Другіе идутъ дальше, до апостоловъ. Самые просвѣщенные идутъ до начала міра. Ангелы видятъ ееще лучше, еще дальше.

Богъ, чтобы сохранить за однимъ Собою право просвѣщать насъ, чтобы сдѣлать познаніе нашего существа непостижимо труднымъ для насъ, скрылъ узелъ его отъ насъ столь высоко, или, лучше сказать, столь низко, что мы неспособны достигнуть его, такъ что истинно познать себя мы можемъ не путемъ тревожныхъ изысканій нашего разума, а простымъ подчиненіемъ его.

XIV.

Нечестивые, заявляющіе, что они слѣдуютъ разуму, должны были имѣть удивительно сильную опору въ этомъ разумѣ. А что же они говорятъ?—„Не видимъ ли мы“, говорятъ они, „что и звѣри умираютъ и живутъ точно такъ же, какъ люди, и турки точно такъ же, какъ христіане? У турокъ, какъ и у насъ, свои обряды, свои пророки, свои ученые, свои святые, свои монахи и т. д.“ Но развѣ это противно Св. Писанію? развѣ оно не говоритъ всего этого? Если вы почти не заботитесь знать истину, съ васъ этого и довольно, чтобы остаться въ покоѣ. Но если вы всѣмъ своимъ сердцемъ желаете познать истину, этого не достаточно: всмотритесь въ подробности. Этого было бы довольно для философскаго вопроса; но здѣсь, гдѣ идетъ дѣло обо всемъ... этого недостаточно. А между тѣмъ, легкомысленно поразмысливъ что-нибудь въ этомъ родѣ, вы успокоиваетесь... Нѣтъ, нужно изслѣдовать въ подробности самую религію, не объяснитъ ли она этой темноты: можетъ-быть, она насъ и научитъ.

Ужасное состояніе — чувствовать, что все, чѣмъ люди обладаютъ, минуетъ.

Приходится различнымъ образомъ вести жизнь въ мірѣ, смотря по тому, всегда ли мы будемъ въ этомъ мірѣ, или,

наоборотъ, мы увѣрены, что не долго будемъ жить въ немъ, и не знаемъ даже, проживемъ ли хоть часъ. А мы живемъ въ мірѣ какъ разъ среди этихъ послѣднихъ условій.

XV.

По вашему положенію, вы должны трудиться надъ розысканіемъ истины, ибо, если вы умрете, не поклоняясь Истинному Началу, вы погибли. „Но если бы Оно хотѣло“, скажете вы, „чтобы я Ему поклонялся, Оно дало бы мнѣ знаменія своей воли“. Оно такъ и дѣлаетъ, но вы пренебрегаете ими. Ищите же ихъ! Это стоитъ труда.

XVI.

Пророчества, самыя чудеса и другія доказательства нашей религіи не такого свойства, чтобы о нихъ можно было сказать, что они абсолютно убѣдительны. Но въ то же время они таковы, что мы не можемъ сказать, что вѣрить имъ—значитъ быть безъ разума. Такимъ образомъ, въ нихъ заключается и очевидность и неясность, чтобы освѣтить однихъ и затемнить другихъ. Но очевидность эта — такого свойства, что она превосходитъ или, по крайней мѣрѣ, равна очевидности противоположнаго, такъ что разумъ не можетъ рѣшиться не слѣдовать ей; это можетъ сдѣлать лишь похоть и злоба сердца. При такомъ положеніи дѣла очевидности достаточно, чтобы осудить; но ея недостаточно для того, чтобы убѣдить; кто слѣдуетъ ей, въ томъ очевидно дѣйствуетъ благодать, а не разумъ; кто избѣгаетъ ея, въ томъ очевидно дѣйствуетъ похоть, а не разумъ.

Кто можетъ не удивляться и не любить религіи, которая до глубины знаетъ то, что люди могутъ знать лишь по мѣрѣ свѣта, ихъ освѣщающаго?

Вотъ наслѣдникъ, который находитъ документы на свой домъ. Неужели онъ скажетъ: „а можетъ-быть, они фальшивы?“ и не сочтетъ все-таки нужнымъ изслѣдовать ихъ?

XVII.

Два сорта людей сознаютъ истину: тѣ, которые имѣютъ смиренное сердце и любятъ униженіе, все равно, какую бы

степень ума они не имѣли, высокую или низкую, и тѣ, которые имѣютъ достаточно ума, чтобы видѣть истину, какія бы ни были препятствія къ этому.

Мудрецы, говорившіе, что есть Богъ, подвергались преслѣдованію; іудеевъ ненавидѣли, христіанъ еще болѣе.

Какое основаніе имѣютъ атеисты говорить, что нельзя воскреснуть? Что труднѣе, родиться или воскреснуть? Тому ли труднѣе быть, чего никогда не было, или тоту, что уже было? Получить вновь бытіе труднѣе или возвратиться къ бытію? Привычка дѣлаетъ вещь для насъ понятною, недостатокъ привычки дѣлаетъ вещь невозможною. Это обычная основа сужденія.

XVIII—XIX.

...„Но *вѣроятно* ли, чтобы *вѣроятность* удостовѣряла?“ Есть же разница между успокоеніемъ совѣсти и ея покоемъ. Увѣренности ничто ни даетъ, кромѣ истины. Но зато ничто, кромѣ искренняго исканія истины, не даетъ покоя.

XX.

Примѣры благородной смерти у лакедемонянъ и другихъ почти не трогаютъ насъ; ибо что намъ извлечь изъ этого для самихъ себя? Но примѣръ смерти мучениковъ насъ трогаетъ, ибо это — наши члены. Мы имѣемъ общую связь съ ними: ихъ рѣшимость можетъ создать нашу, не только въ силу примѣра, но и потому, что она заслужила, можетъ-быть, передъ Богомъ эту силу созданія. Нѣтъ ничего подобнаго въ примѣрахъ язычниковъ: мы не имѣемъ связи съ ними, какъ, напр., человѣкъ не дѣлается богатымъ, при видѣ иностранца, который богатъ; но другое дѣло, если богатъ отецъ, мужъ и т. п.

XXI.

Избранные не будутъ знать своихъ добродѣтелей, а отверженные—тяжести своихъ преступленій. „Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждущимъ“, и т. д.

Іисусъ Христосъ не хотѣлъ свидѣтельства демоновъ или тѣхъ, которые не имѣли призванія: Онъ хотѣлъ свидѣтельства отъ Бога и Іоанна Крестителя.

XXII.

Сравнивать то, что происходило нѣкогда въ церкви, съ теперешнимъ ея состояніемъ—обыкновенно мѣшаетъ намъ то обстоятельство, что на св. Аѳанасія, св. Терезію и другихъ святыхъ смотрятъ, какъ на увѣнчанныхъ славою.... какъ на боговъ. Теперь, когда время выяснило вещи, это все видно. Но въ то время, какъ его преслѣдовали, этотъ великій святой былъ просто человѣкомъ, которому было имя Аѳанасій, а св. Терезія была его дочерью. „Илія былъ человѣкъ подобный намъ“, говоритъ ап. Іаковъ (V, 17), чтобы разувѣрить христіанъ въ той ложной мысли, которая заставляетъ насъ отвергать примѣръ святыхъ, какъ несоотвѣтственный нашему положенію. „Это были святые“, говоримъ мы, „а не такіе люди, какъ мы“. Но посмотримъ, какъ было дѣло. Оказывается, что это былъ просто человѣкъ, по имени Аѳанасій, обвиненный въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, осужденный въ такомъ-то судилищѣ за такую-то вину. Всѣ епископы сочувствовали этому, даже папа. А что говорятъ о тѣхъ, которые противятся епископамъ и папѣ? Что они смущаютъ миръ, вносятъ расколъ и т. д.

Есть четыре сорта людей: бываетъ усердіе безъ знанія; знаніе безъ усердія; отсутствіе знанія и усердія; знаніе съ усердіемъ. Три первые сорта людей осуждаютъ его *), а послѣдніе оправдываютъ, но они отлучены отъ церкви, хотя и спасаютъ церковь.

XXIII.

Иные люди питаютъ презрѣніе къ религіи, ненависть къ ней, и въ то же время боятся, не истинна ли она. Чтобы исцѣлить эти болѣзни, нужно прежде всего указать, что религія вовсе не противна разуму, потомъ,—что она достойна уваженія, а затѣмъ, внушивши къ ней уваженіе, нужно представить ее достойной любви, а добрымъ внушить желаніе,

*) Рѣчь, очевидно, идетъ о св. Аѳанасіи.

чтобы она была истинной; послѣ всего этого нужно показать, что она истинна.

Достойна уваженія она потому, что хорошо поняла человѣка; достойна любви потому, что обѣщаетъ истинное благо.

О такихъ выраженіяхъ Давида или Моисея, какъ, напр.: „И обрѣтетъ Господь Богъ твой сердце свое“ (*Втор.* XXX, 6), нужно судить лишь по духу ихъ. Пусть всѣ другія разсужденія двусмысленны, пусть при всѣхъ возникаетъ сомнѣніе, философскія они или христіанскія,—одно подобное выраженіе уже опредѣляетъ всѣ прочія, подобно тому, какъ, напр., и слово „Эпиктетъ“ опредѣляетъ все остальное, придавая ему смыслъ противоположный Св. Писанію; двусмысленность существуетъ до встрѣчи съ такимъ словомъ, а не послѣ.

Вмѣсто того, чтобы опасаться, какъ бы не обмануться, повѣривши въ истинность христіанской религіи, я бы гораздо больше боялся того, какъ бы не оказалось, что я обманулся и что христіанская религія истинна.

XXIV.

Самыя легкія условія для мірской жизни являются самыми трудными для жизни, угодной Богу, и наоборотъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ вести по-мірскому религіозную жизнь; нѣтъ ничего легче, какъ вести ее по-божьему. Нѣтъ ничего легче, какъ по-мірскому занимать высокую должность и обладать большими благами; нѣтъ ничего труднѣе, какъ, живя по-божьему, не принимать въ мірскихъ благахъ никакого участія и не питать къ этому охоты.

XXV.

Ветхій Завѣтъ содержалъ образы будущей радости, Новый содержитъ средства ея достигнуть. Тѣ были образами радости, средства же—это раскаяніе; но агнца пасхальнаго ѣли все-таки съ горькими травами.

XXVI.

Слово „Галилея“, произнесенное случайно толпою іудеевъ, обвинявшихъ Іисуса Христа передъ Пилатомъ, дало поводъ

Пилату отослать Іисуса Христа къ Ироду: въ этомъ исполнилась тайна, именно, что Онъ долженъ быть судимъ іудеями и язычниками. Случайность оказалась причиной исполненія тайны.

XXVII.

Одна особа говорила мнѣ однажды, что она испытывала большую радость и довѣріе, выходя отъ исповѣди; другая говорила мнѣ, что она оставалась въ страхѣ. Я подумалъ по этому поводу, что изъ обѣихъ ихъ вмѣстѣ вышло бы нѣчто хорошее, что каждой не хватало того чувства, которое имѣла другая. То же самое часто бываетъ и въ другихъ дѣлахъ.

XXVIII.

Есть удовольствіе быть на кораблѣ, подвергшемся бурѣ, когда люди уже увѣрены, что онъ не погибнетъ. Преслѣдованія, которыя терзаютъ церковь, ведутъ къ такому же результату.

Исторія церкви должна собственно быть названа исторіей истины.

XXIX.

Такъ какъ у нашихъ грѣховъ два источника—гордость и лѣность, то Богъ открылъ намъ два свойства въ Себѣ, чтобы исцѣлить насъ отъ нихъ, — милосердіе Свое и справедливость Свою. Свойство справедливости — поражать гордость, какъ бы ни были святы дѣла; а свойство милосердія поражать лѣность, приглашая къ добрымъ дѣламъ, согласно съ Св. Писаніемъ, которое гласитъ, что Богъ призываетъ къ покаянію: царь Ниневіи, призывая жителей къ покаянію, говорилъ: „Кто знаетъ, можетъ-быть, еще Богъ умилосердится“ *). Такимъ образомъ, милосердіе не только не даетъ права на нерадѣніе, но даже напротивъ: съ этимъ именно порокомъ оно и борется: мы не должны разсуждать такъ: „Если бы не было въ Богѣ милосердія, то, дѣйствительно, нужно было бы употреблять всѣ усилія въ стремленіи къ добродѣтели“; напротивъ, мы должны сознать, что, коль скоро

*) *Прор. Іоны.* III, 9.

есть у Бога милосердіе, то необходимо употреблять всѣ усилія.

XXX.

Все, что есть у міра, является похотью плоти, похотью очей или гордостью жизни: это—страсть чувствованія, страсть знанія, страсть господства *). Несчастна земля проклятія, которую эти три огненныя рѣки скорѣе воспламеняютъ, чѣмъ орошаютъ! Счастливы тѣ, которые, будучи на этихъ потокахъ, не погрузились, не увлечены ими, но укрѣпились неподвижно— и не стоя, но сидя, въ низкомъ и безопасномъ мѣстѣ, съ котораго они не поднимутся, пока не будетъ свѣта! Мирно отдохнувши здѣсь, они простираютъ руки къ Тому, Кто долженъ ихъ поднять и поставить твердо и прочно въ преддверіи святого Іерусалима, гдѣ гордость не будетъ уже въ состояніи нападать и поражать ихъ; а пока они въ слезахъ, но не потому, что видятъ, какъ плывутъ мимо всѣ тлѣнныя вещи, увлекаемыя потокомъ, но потому, что вспоминаютъ свое дорогое отечество, небесный Іерусалимъ, который постоянно приходитъ имъ на мыслъ въ ихъ долгомъ изгнаніи.

XXXI.

Любовь не есть образное предписаніе. Ужасно говорить, что Іисусъ Христосъ, пришедшій съ цѣлью, вмѣсто образовъ, дать истину, явился только для того, чтобы дать „образъ“ любви вмѣсто той дѣйствительности, которою она была прежде. Если свѣтъ есть мракъ, то что же такое мракъ?

XXXII.

Сколько зрительныя стекла открыли намъ существъ, которыхъ прежде не существовало для нашихъ философовъ! Они злобно уличали Св. Писаніе въ томъ, что оно считаетъ великимъ число звѣздъ, и говорили: „Ихъ всего только 1022 **), мы это знаемъ“.

---

*) Libido sentiendi, libido sciendi, libido dominandi.

**) Это число звѣздъ по Птоломеевскому каталогу, по наблюденіямъ Гиппарха.

XXXIII.

Человѣкъ такъ устроенъ, что стоитъ ему втолковать, что онъ глупецъ, онъ и вѣритъ; мало того стоитъ ему самому назвать себя глупцомъ, онъ и себѣ вѣритъ. Онъ самъ съ собою ведетъ внутреннюю бесѣду; важно хорошо направить ее: „дурными бесѣдами портятся добрые нравы“. Нужно, сколько можно, хранить молчаніе, а бесѣдовать только о Богѣ, въ которомъ, какъ мы знаемъ, заключается истина: такимъ-то путемъ человѣкъ убѣждаетъ самого себя въ истинѣ.

XXXIV.

Какая разница между солдатомъ и картезіанскимъ монахомъ въ отношеніи повиновенія? Они одинаково покорны и зависимы, одинаково исполняютъ трудныя дѣла. Но солдатъ всегда надѣется сдѣлаться владыкою, хотя никогда имъ не дѣлается, ибо полководцы, даже князья, всегда оказываются рабами и зависимыми; но онъ все-таки надѣется на это и постоянно старается итти къ этой цѣли, между тѣмъ какъ картезіанецъ даетъ обѣтъ всегда быть въ зависимости. Такимъ образомъ, они одинаково находятся въ постоянномъ рабствѣ, но они въ различномъ положеніи въ отношеніи къ надеждѣ: одинъ всегда ее имѣетъ, другой никогда.

XXXV.

Собственная воля никогда не удовлетворитъ себя, если будетъ имѣть власть надъ всѣмъ, чего она хочетъ; но человѣкъ удовлетворенъ съ того момента, какъ ему отказываютъ въ этомъ. Безъ нея онъ не можетъ быть недовольнымъ; черезъ нее онъ не можетъ быть довольнымъ.

Истинная и единственная добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы ненавидѣть себя—ибо человѣкъ достоинъ ненависти за свою похоть—и искать Существа, истинно достойнаго любви, чтобы любить Его. Но разъ мы не можемъ любить того, что внѣ насъ, то нужно любить существо, которое находится въ насъ самихъ, но которое не то, что мы сами; это и есть „истинное“ въ каждомъ изъ людей. А таково лишь

Существо Всеобъемлющее. Царство Божіе—въ насъ; всеобщее благо—въ насъ, но это не мы.

Не хорошо такъ привязываться ко мнѣ, —!хотя это дѣлается съ удовольствіемъ и охотой. Я обманулъ бы тѣхъ, въ комъ я зародилъ бы надежду, ибо я не служу ни для кого цѣлью и мнѣ нечѣмъ ихъ удовлетворить. Не наканунѣ ли я смерти? Умретъ предметъ ихъ привязанности! Какъ я былъ бы виновенъ ¡въ томъ, что внушалъ ложь, даже если бы я убѣждалъ въ ней кротко, если бы даже вѣрили ей съ удовольствіемъ, доставляя этимъ удовольствіе и мнѣ! Я виновенъ даже въ томъ, что внушаю любовь и привязываю къ себѣ. Я долженъ предупредить людей, готовыхъ сочувствовать лжи, что они не должны ей вѣрить, какъ бы это выгодно мнѣ ни было; я долженъ предупредить ихъ, что они не должны привязываться ко мнѣ, ибо они должны направлять свою жизнь и свои заботы лишь на то, чтобы угодить Богу или искать Его.

XXXVI.

Полагать свою надежду въ обрядахъ—значитъ быть суевѣрнымъ; но не желать имъ подчиниться — значитъ быть гордымъ.

XXXVII.

Всѣ религіи и секты въ мірѣ имѣли руководителемъ естественный разумъ. Одни только христіане принуждены брать себѣ правила внѣ себя самихъ и основываться на тѣхъ правилахъ, которыя Іисусъ Христосъ оставилъ древнимъ для передачи всѣмъ вѣрнымъ. Но это принужденіе надоѣдаетъ этимъ „добрымъ отцамъ“ *). Имъ хочется имѣть, какъ другіе народы, свободу слѣдовать своимъ фантазіямъ. Напрасно мы имъ кричимъ, какъ нѣкогда пророки говорили іудеямъ: „Идите въ среду церкви! основывайтесь на законахъ, оставленныхъ ей древними, слѣдуйте по готовымъ путямъ!“. Они отвѣчаютъ, какъ іудеи, которые твердили: „Не пой-

*) Іезуитамъ.

демъ: мы послѣдуемъ за мыслями нашего сердца". Они тоже говорятъ: „Почему же намъ не поступать якъ, какъ поступаютъ другіе народы"?

XXXVIII.

Есть три пути къ вѣрѣ: разумъ, привычка, вдохновеніе. Христіанская религія, единственная имѣющая разумное основаніе, не допускаетъ въ число своихъ истинныхъ сыновъ тѣхъ, которые вѣрятъ безъ вдохновенія. Но это не значитъ, что она исключаетъ разумъ и привычку. Напротивъ, нужно давать доступъ въ свой умъ доказательствамъ и укрѣпляться въ ней привычкою; но нужно со смиреніемъ воспринимать и вдохновеніе, которое только и можетъ произвести истинно-спасительное дѣйствіе. „Чтобы не упразднить креста Христова"... *).

XXXIX.

Никогда люди не дѣлаютъ зла такъ много и такъ радостно, какъ тогда, когда дѣлаютъ его сознательно.

XL.

Іудеи, призванные покорить народы и царей, были рабами грѣха; а христіане, призваніе которыхъ было — служить и быть подчиненными, оказываются сынами свободы.

XLI.

Неужели это есть мужество, если умирающій человѣкъ станетъ, среди слабости и агоніи, вооружаться противъ Бога, всемогущаго и вѣчнаго?

XLII.

(По поводу исторіи Китая). Я вѣрю только такимъ событіямъ, свидѣтели которыхъ готовы итти на смерть **).

Не нужно массы такихъ фактовъ. Увѣряю васъ, что тутъ есть чѣмъ ослѣпить и чѣмъ освѣтить. Однимъ этимъ словомъ я разрушаю всѣ ваши мудрствованія. „Но китайская

*) I *Коринѳ.* I, 17.

**) Лишь бы не отказаться отъ истинности своего свидѣтельства.

исторія только затемняетъ дѣло", скажете вы. А я вамъ отвѣчу: это вѣрно, но въ ней можно найти и ясность. Ищите только! Вѣдь все, о чемъ вы говорите, показываетъ только одну сторону и ничуть не противорѣчитъ другой. Это даже служитъ дѣлу, а не вредитъ. Нужно, значитъ, разсмотрѣть все въ подробностяхъ, нужно прямо книгу на столъ.

XLIII.

Суевѣріе и похоть. Мученія совѣсти, дурныя желанія. Дурной страхъ.

Я говорю о страхѣ, который происходитъ не оттого, что люди вѣрятъ въ Бога, а оттого, что они сомнѣваются, есть Онъ или нѣтъ Его. Добрый страхъ происходитъ отъ вѣры, а ложный страхъ отъ сомнѣнія. Добрый страхъ соединенъ съ надеждою, потому что онъ рождается изъ вѣры и потому что люди надѣются на Бога, въ котораго вѣруютъ; ложный страхъ соединенъ съ отчаяніемъ, потому что человѣкъ боится Бога, въ котораго онъ не имѣетъ вѣры. Одни боятся потерять Его, другіе боятся найти Его.

XLIV.

Соломонъ и Іовъ лучше всего знали и лучше всего говорили о ничтожествѣ человѣка: одинъ былъ самымъ счастливымъ, другой — самымъ несчастнымъ, одинъ испыталъ суетность удовольствій, другой—дѣйствительность бѣдствій.

XLV.

Всѣ язычники говорили о злѣ, въ которое былъ погруженъ Израиль, и пророкъ (Іезекіиль) тоже говорилъ. Израильтяне не имѣли бы права сказать ему: „Ты говоришь, какъ язычники". Наоборотъ, онъ даже почерпалъ для себя больше силы въ томъ, что язычники говорили такъ же, какъ онъ.

XLVI.

Есть три сорта людей: одни служатъ Богу, нашедши Его; другіе усердно ищутъ Его, но не нашли еще; третьи живутъ, не ища Его и не нашедши. Первые разумны и сча-

стливы, послѣдніе безумны и несчастны, а которые занимаютъ середину, тѣ—хотя и разумны, но несчастны.

XLVII.

Люди часто принимаютъ свое воображеніе за свое сердце и вѣрятъ, что они обращены, если только начнутъ думать, какъ бы обратиться.

XLVIII.

Разумъ дѣйствуетъ медленно; ему приходится имѣть дѣло съ такой массой началъ,—которыя должны постоянно быть на лицо,—что онъ ежечасно засыпаетъ и впадаетъ въ ошибку, не будучи въ состояніи охватить всѣ ихъ разомъ. Чувство не такъ поступаетъ: оно дѣйствуетъ моментально и всегда готово дѣйствовать. Нужно, значитъ, перенести свою вѣру въ чувство, а иначе она постоянно будетъ шаткой.

XLIX.

Человѣкъ, очевидно, созданъ для того, чтобы мыслить; въ этомъ все его достоинство, вся его заслуга; а вся его обязанность въ томъ, чтобы мыслить, какъ должно; истинный порядокъ мышленія требуетъ, чтобы мы начинали съ себя, съ своего Творца и своей цѣли. А о чемъ думаютъ люди? Вовсе не объ этомъ, но о томъ, какъ бы потанцовать, поиграть на лютнѣ, попѣть, написать стихи, покататься на карусели и т. д., какъ бы построить домъ, сдѣлаться королемъ,—не помышляя о томъ, что такое значитъ быть королемъ, что значитъ быть человѣкомъ.

Все достоинство человѣка въ его мысли. Но что такое эта мысль? Какъ она глупа!

L.

Если есть Богъ, то Его лишь и должно любить, а не преходящую тварь. Разсужденіе нечестивыхъ въ книгѣ Премудрости вызвано предположеніемъ, что нѣтъ Бога. „Если это такъ“, говорятъ они, „станемъ-же наслаждаться тварью“. Это крайній исходъ. Если бы для нихъ существовалъ Богъ, достойный любви, они не сдѣлали бы такого заключенія, а поступили бы напротивъ. Мудрецы должны разсуждать такъ:

„Богъ есть; не будемъ же услаждаться тварью!“ Итакъ, все, что побуждаетъ насъ привязываться къ твари, дурно, потому что это мѣшаетъ намъ служить Богу, если мы Его познали, или искать Его, если мы Его еще не знаемъ. А мы полны похоти; значитъ, мы полны дурного, а слѣдовательно, мы должны ненавидѣть самихъ себя и все то, что возбуждаетъ въ насъ другія привязанности, помимо привязанности къ одному Богу.

LI.

Все, что отвращаетъ насъ отъ мыслей о Богѣ, когда мы желаемъ думать о Немъ, и вводитъ въ искушеніе думать о другомъ,—все это дурно и рождено вмѣстѣ съ ними.

LII.

Нельзя думать, будто мы достойны того, чтобы другіе насъ любили: несправедливо намъ и желать этого. Если бы мы родились разумными, хладнокровными, понимающими себя и другихъ, мы не дали бы такой наклонности нашей волѣ. Межъ тѣмъ съ этою наклонностью мы рождаемся; значитъ, мы рождаемся несправедливыми, ибо всякій печется лишь о себѣ. А это противно всякому порядку: нужно стремиться къ общей цѣли, склонность же къ самому себѣ есть начала всякаго безпорядка, будь то на войнѣ, въ сферѣ благочинія, къ хозяйствѣ, или въ отдѣльномъ тѣлѣ человѣка. Воля, значитъ, испорчена.—Если члены обществъ, естественныхъ и гражданскихъ, стремятся къ своему личному благу, то самыя общества должны стремиться къ благу другого тѣла, болѣе обширнаго и общаго, котораго они суть члены. Они должны, слѣдовательно, стремиться къ общему. Въ концѣ концовъ выходитъ, что мы рождаемся и несправедливыми и испорченными.

Кто не питаетъ отвращенія къ своему самолюбію, къ тому инстинкту, который заставляетъ его дѣлать себя богомъ, тотъ вполнѣ ослѣпленъ. Неужели мы не видимъ, что это совершенно противоположно справедливости и истинѣ? Ибо ложно думать, что мы заслуживаемъ этого *); да и несправ-

*) Т.-е. заслуживаемъ стать центромъ для другихъ, „быть богомъ“.

ведливо и невозможно этого достигнуть *), разъ всѣ требуютъ себѣ одного и того же. Это—очевидная несправедливость, въ которой мы рождены, отъ которой мы должны, хотя и не можемъ, избавиться.

Между тѣмъ, ни одна религія, кромѣ христіанской, не замѣтила, что это—грѣхъ, что мы рождены въ немъ и обязаны бороться съ нимъ, и ни одна не подумала дать намъ средствъ отъ этой болѣзни.

LIII.

Между разумомъ и страстями идетъ въ человѣкѣ междоусобная война. Ея не было бы, если бы въ немъ былъ только разумъ, безъ страстей, или только страсти, безъ разума. Но такъ какъ въ немъ то и другое, то онъ не можетъ избѣжать борьбы, не можетъ быть въ мирѣ съ однимъ иначе, какъ воюя съ другимъ. Онъ всегда раздѣленъ и противится самъ себѣ.

Если жить, не задаваясь вопросомъ, что такое человѣкъ,—значитъ быть въ сверхъестественномъ ослѣпленіи, то дурную жизнь, при вѣрѣ въ Бога, мы должны уже назвать *страшнымъ* ослѣпленіемъ.

LIV.

Несомнѣнно, что изъ того, смертна душа или безсмертна, вытекаетъ полное различіе въ морали. Межъ тѣмъ философы создали мораль, независимую отъ этого. Они разсуждаютъ, какъ будто вся жизнь—одинъ часъ.

Платонъ—подходящій авторъ для того, чтобы расположить къ христіанству.

Послѣдній актъ—кровавый, какъ бы ни была прекрасна комедія во всемъ остальномъ. Въ концѣ концовъ хлопаются головой о-земь, и это навсегда!

LV.

Богъ, сотворивши небо и землю, которыя не чувствуютъ счастья своего существованія, захотѣлъ сотворить существа,

*) Т.-е. чтобы каждый руководился только своимъ самолюбіемъ и требовалъ уваженія къ себѣ другихъ.

которыя сознавали бы это счастье и составляли бы тѣло изъ мыслящихъ членовъ. Наши члены не чувствуютъ счастья своего соединенія, своего удивительнаго разумѣнія, не чувствуютъ, какъ заботится природа влить въ нихъ духъ, заставить ихъ расти и существовать. А какъ они были бы счастливы, если бы чувствовали это, если бы видѣли это! Но для этого нужно, чтобы они имѣли разумѣніе, для пониманія этого, и добрую волю, которая сочувствовала бы волѣ общей души. Поэтому, если бы, получивши разумѣніе, они пользовались имъ для того, чтобы удержать въ самихъ себѣ пищу, они были бы не только несправедливы, но и несчастны и скорѣе ненавидѣли бы себя, чѣмъ любили: ихъ блаженство, равно какъ и обязанность, состоитъ въ сочувствіи поведенію общей души, къ которой они принадлежатъ и которая любитъ ихъ больше, чѣмъ они сами себя.

Быть членомъ значитъ имѣть жизнь, существованіе и движеніе только для тѣла и только съ помощью духа, находящагося въ тѣлѣ. Отдѣленный членъ, не видя уже тѣла, къ которому онъ принадлежитъ, долженъ погибнуть и умереть. А между тѣмъ онъ думаетъ, что онъ—все; не видя тѣла, отъ котораго зависитъ, онъ думаетъ, что онъ зависитъ только отъ самого себя, и хочетъ самого себя сдѣлать центромъ и тѣломъ. Но не имѣя въ себѣ начала жизни, онъ только заблуждается и удивляется себѣ, находясь въ неизвѣстности относительно своего существа, хорошо чувствуя, что онъ—не тѣло, и все-таки не видя, что онъ—членъ тѣла. Когда, наконецъ, онъ доходитъ до пониманія себя, онъ какъ бы возвращается къ самому себѣ и любитъ себя уже только для тѣла; ему жаль его прошлыхъ заблужденій. По природѣ своей онъ можетъ любить ту или иную вещь только ради самого себя, съ цѣлью подчинить себѣ, потому что каждая вещь себя любитъ больше всего. А любя тѣло, онъ какъ разъ и любитъ самого себя, потому что онъ существуетъ только въ немъ, черезъ него и для него. „Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ“ *).

Тѣло любитъ руку, и рука, если бы она имѣла волю,

*) I *Коринѳ.* VI, 17.

должна была бы точно такъ же любить себя, какъ тѣло любитъ ее. Всякая любовь, которая выходитъ изъ этихъ предѣловъ, несправедлива.

Онъ любитъ себя, потому что онъ—членъ Іисуса Христа. Онъ любитъ Іисуса Христа, потому что Іисусъ Христосъ—тѣло, котораго самъ онъ является членомъ. Все составляетъ одно, одинъ—то же, что другой; и всего какъ бы трое.

Чтобы справедливо направить любовь, которую мы должны имѣть къ самимъ себѣ, нужно вообразить себѣ тѣло, полное мыслящихъ членовъ (ибо мы—члены цѣлаго), и посмотрѣть, какъ каждый членъ долженъ былъ бы любить себя и т. д.

Если бы ноги и руки имѣли особую волю то онѣ были бы на своемъ мѣстѣ только въ томъ случаѣ, если бы подчиняли эту частную волю основной волѣ, которая управляетъ цѣлымъ тѣломъ. Внѣ ея онѣ—сбиты съ толку и несчастны, и только въ желаніи блага всему тѣлу онѣ могутъ найти свое собственное благо.

Нужно любить только Бога и ненавидѣть только себя.

Если бы нога никогда не знала о своей принадлежности тѣлу и о существованіи тѣла, отъ котораго она зависитъ, если бы она знала и любила только самое себя, и потомъ вдругъ узнала бы что она принадлежитъ тѣлу и отъ него зависитъ, то какое ею овладѣло бы сожалѣніе, какъ она устыдилась бы своей прошлой жизни, когда она была безполезна для тѣла, которое дало ей жизнь, которое уничтожило бы ее, если бы отвергло и отдѣлило отъ себя, какъ она отдѣлялась отъ него! Какъ она стала бы упрашивать сохранить себя въ цѣлости! Съ какимъ смиреніемъ она позволила бы управлять собою волѣ, которая руководитъ тѣломъ! Она согласилась бы даже быть отрѣзанной, если нужно. А иначе она потеряла бы свое значеніе, какъ члена: всякій членъ долженъ охотно погибнуть для спасенія тѣла: оно—единственная вещь, для которой существуетъ все остальное.

Чтобы быть счастливыми, члены должны имѣть волю и сообразовывать ее съ тѣломъ.

Похоть и сила — суть источники всѣхъ нашихъ дѣйствій похоть производитъ добровольныя, сила — невольныя дѣйствія.

LVI.

Философы думаютъ, что Богъ одинъ достоинъ быть предметомъ любви и удивленія; въ то же время они и сами желаютъ быть предметомъ любви и удивленія со стороны людей, не сознавая своей испорченности. Если они видятъ себя исполненными чувствъ любви къ Богу, если въ поклоненіи Ему они находятъ главную свою радость, то пусть они почитаютъ себя добрыми — въ добрый часъ! Но если они оказываются противными Богу, если всѣ ихъ заботы направлены на то, какъ бы пріобрѣсти уваженіе людей, если, вмѣсто всякаго усовершенствованія, они только и дѣлаютъ, что, не насилуя воли людей, заставляютъ ихъ находить свое счастье въ любви къ нимъ, то я назвалъ бы такое усовершенствованіе ужаснымъ. Какъ? Они познали Бога и не того единственно желаютъ, чтобы люди любили Его, а хотятъ, чтобы люди на нихъ остановили свою любовь! Они хотятъ, чтобы люди добровольно искали въ нихъ предметъ своего счастья!

LVII.

Правда, что трудно вступать на путь благочестія. Но эта трудность происходитъ не отъ благочестія, которое зарождается въ насъ, но отъ нечестія, которое остается еще въ насъ. Если бы наши чувства не противились раскаянію, если бы наша испорченность не противостояла чистотѣ Бога, то въ этомъ не было бы ничего труднаго для насъ. Мы терпимъ лишь настолько, насколько врожденный намъ порокъ противодѣйствуетъ благодати, которая выше нашей природы. Наше сердце чувствуетъ себя растерзаннымъ этими противоположными усиліями. Но было бы очень несправедливо приписывать это насиліе Богу, который привлекаетъ насъ, а не міру, который удерживаетъ насъ. Это все равно, что дитя, котораго мать вырываетъ изъ рукъ воровъ: оно должно, хотя и терпитъ боль, любить законное и полное любви насиліе той, которая доставляетъ ему свободу, а отвращеніе питать только къ буйному и тиранническому насилію людей, незаконно его задерживавшихъ. Самая жестокая борьба,

какую только можно вообразить, была бы въ этой жизни между людьми, если бы Богъ оставилъ ихъ безъ той борьбы, которую Онъ пришелъ принести въ міръ. „Думаете ли вы", говоритъ Онъ, „что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе". Чтобы научить этой борьбѣ, Онъ говоритъ: „Огонь пришелъ я низвесть на землю" *). До Него міръ жилъ среди ложнаго мира.

LVIII.

Богъ смотритъ только на внутреннее содержаніе, церковь судитъ только по внѣшности. Онъ прощаетъ тотчасъ, какъ видитъ раскаяніе въ сердцѣ, а церковь, — когда видитъ его въ дѣлахъ. Богъ сдѣлаетъ чистою внутри церковь, которая своею внутреннею и совершенно духовною святостью разоблачаетъ внутреннее нечестіе гордыхъ мудрецовъ и фарисеевъ; и церковь будетъ собраніемъ людей, внѣшніе нравы которыхъ будутъ столь чисты, что пристыдятъ собою нравы язычниковъ. Если въ ней есть лицемѣры, столь хорошо замаскированные, что она не узнаетъ ихъ яда, она ихъ терпитъ; ибо, хотя они не приняты Богомъ, котораго они не могутъ обмануть, они все-таки приняты людьми, которыхъ обманываютъ. Такимъ образомъ, ее не безчеститъ ихъ притворно-доброе поведеніе. Но вы хотите, чтобы церковь не судила ни по внутреннему содержанію, такъ какъ эта возможность принадлежитъ только Богу, ни по внѣшности, такъ какъ Богъ останавливается только на внутреннемъ содержаніи; отнимая такимъ образомъ, у нея возможность выбора людей, вы удерживаете въ церкви самыхъ развратныхъ и тѣхъ, которые столь сильно ее безчестятъ, что синагоги іудеевъ и школы философовъ изгнали бы ихъ, какъ недостойныхъ, и чуждались бы ихъ, какъ нечестивыхъ.

LIX.

Законъ не разрушаетъ природы: онъ ее просвѣщаетъ; благодать не разрушаетъ закона: она заставляетъ исполнять его. Вѣра, полученная въ крещеніи, есть источникъ всей жизни христіанина и обращенныхъ.

*) *Лук.* XII, 49, 51.

Иные изъ истины даже дѣлаютъ себѣ идола, ибо истина внѣ любви не есть Богъ: это Его изображеніе, идолъ, котораго не нужно ни любить, ни почитать; а еще менѣе нужно любить и почитать вещь, противоположную ему, т.-е. ложь.

Я легко могу полюбить совершенную темноту; но если Богъ ставитъ меня въ состояніе полутемноты, то мнѣ не нравится та небольшая доля темноты, которую я вижу; я не вижу въ своемъ положеніи достоинствъ полной темноты, — и оно мнѣ не нравится. Но это — недостатокъ, признакъ того, что я создаю себѣ идола изъ темноты, отдѣльно отъ мірового порядка, устроеннаго Богомъ. А нужно почитать только Его порядокъ.

LX.

Всѣ важнѣйшія развлеченія опасны для христіанской жизни; но между всѣми изобрѣтенными міромъ нѣтъ опаснѣе комедіи. Это — столь естественное и тонкое воспроизведеніе страстей, что оно возбуждаетъ и зарождаетъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, и прежде всего страсть любви, особенно если эта страсть представлена очень чистою и очень честною; ибо, чѣмъ безупречнѣе она кажется невиннымъ душамъ, тѣмъ болѣе онѣ способны тронуться ею. Ея сила нравится нашему самолюбію и тотчасъ же порождаетъ желаніе толковать о тѣхъ самыхъ ея проявленіяхъ, которыя мы видѣли такъ хорошо представленными; въ то же время является убѣжденіе въ честности видѣнныхъ чувствованій, заглушающее страхъ чистыхъ душъ: онѣ воображаютъ себѣ, что любить любовью, которая имъ кажется столь благоразумною, не значитъ вредить своей чистотѣ. Такимъ образомъ, когда уходятъ изъ театра, послѣ представленія комедіи, то сердце бываетъ столь наполнено всѣми прелестями и всѣми сладостями любви, душа и умъ бываютъ столь убѣжденными въ ея невинности, что люди совершенно готовы воспринять ея первыя впечатлѣнія или даже искать случая зародить ихъ въ чьемъ-нибудь сердцѣ, чтобы получить тѣ самыя удовольствія и тѣ самыя жертвы, которыя столь хорошо изображены въ комедіи.

LXI.

Развратныя мысли такъ нравятся людямъ, что странно, какъ это ихъ *) сужденія не нравятся. Это значитъ, что они вышли изъ всякой мѣры; тѣмъ болѣе, что людей, которые видятъ истинное, но не могутъ его достигнуть, много, а людей, которые не знали бы, что чистота религіи противоположна нашей развращенности, мало. Смѣшно сказать, что вѣчная награда будетъ воздана за лицемѣрные нравы.

LXII.

Обязательство молчать — самое большое преслѣдованіе; святые никогда не молчали о себѣ. Правда, что (для того, чтобы говорить) нужно призваніе, но ужъ не по приговорамъ же Совѣта **) справляться, призванъ ли такой-то человѣкъ; тутъ рѣшаетъ дѣло необходимость. А разъ Римъ высказался и многіе думаютъ, что инквизиція ***) осудила истину, разъ книги, высказавшіяся въ противоположномъ смыслѣ, запрещены, нужно тѣмъ громче кричать, чѣмъ несправедливѣе это запрещеніе и чѣмъ насильственнѣе хотятъ заглушить слово, пока не явится папа, который выслушаетъ обѣ стороны и справится съ древностью, чтобы разсудить противниковъ. Кромѣ того, добрые папы вызовутъ все-таки въ церкви ропотъ.

Инквизиція и общество іезуитовъ ****)—вотъ два бича истины.

.... Что вы не обвиняете ихъ въ аріанствѣ? Вѣдь они говорятъ, что Іисусъ Христосъ — Богъ: можетъ-быть, они считаютъ Его не по природѣ Богомъ, а въ томъ смыслѣ, какъ сказано: „Вы — Боги!“ *****).

Если мои „Письма“ осуждены въ Римѣ, то вѣдь, что я осуждаю въ нихъ, то осуждено и на небѣ. „Къ Твоему, Господи, суду прибѣгаю!“

---

*) Іезуитовъ?

**) Намекъ на приговоръ 1660 г., осудившій на сожженіе латинскій переводъ *„Провинціальныхъ Писемъ“* Паскаля.

***) Въ текстѣ: *„она“ (?)*.

****) Въ текстѣ: „Общество“.

*****) *Пс.* LXXXI, 6; *Іоанн.* X, 34.

... Вы вѣдь и сами—тлѣнны.

... Видя себя осужденнымъ, я боялся, не дурно ли я написалъ, но примѣръ осужденія столькихъ благочестивыхъ сочиненій убѣждаетъ меня въ противномъ. Теперь уже не позволяется хорошо писать: настолько инквизиція испорчена и невѣжественна!

... Лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ.

... Я ничего не боюсь, ни на что не надѣюсь. Епископы—другое дѣло. Поръ-Рояль боится, а это плохая политика — раздѣлять ихъ, ибо они уже не будутъ бояться, а скорѣе заставятъ бояться себя.

... Я не боюсь и вашихъ запрещеній, если они не основаны на правилахъ преданія. Неужели вы все запретите? Какъ! вы запретите мнѣ даже уваженіе? А если нѣтъ, такъ скажите, что̀ запрещаете, а иначе вы ничего не сдѣлаете, если не обозначите, что̀ худо и почему оно худо. А это-то именно вамъ и трудно сдѣлать.

LXIII.

Природа заключаетъ въ себѣ совершенства, чтобы показать, что она есть — изображеніе Бога, но она же имѣетъ недостатки, чтобы показать, что она — только изображеніе Его.

LXIV.

Людямъ столь необходимо страдать безуміемъ, что не быть безумнымъ,—значитъ страдать другого рода безуміемъ.

LXV.

Отнимите вѣроятность, и послѣ этого нельзя уже будетъ угодить міру; допустите вѣроятность, и вы поневолѣ ему угодите.

LXVI.

Горячее стремленіе святыхъ розыскивать и проводить въ жизнь благо было бы безполезнымъ, если бы вѣроятность стала несомнѣнностью.

LXVII.

Чтобы изъ человѣка сталъ святой, для этого необходимо дѣйствіе благодати; а кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ не знаетъ, что такое святой и что такое человѣкъ.

LXVIII.

Люди любятъ несомнѣнность; любятъ, чтобы папа былъ непогрѣшимъ въ вѣрѣ, чтобы суровые ученые были непогрѣшимы въ нравахъ,—чтобы въ нихъ можно было имѣть увѣренность.

LXIX.

О томъ, что̀ такое папа, нужно судить не по нѣкоторымъ выраженіямъ св. Отцовъ, не по тому, какъ говорили греки на соборѣ, а главнымъ образомъ по дѣйствіямъ церкви и св. Отцовъ и по каноническимъ правиламъ.

LXX.

Папа — первое лицо. Кто другой извѣстенъ всѣмъ? Кто другой признанъ всѣми? Онъ имѣетъ власть проникать во все тѣло, потому что въ его рукахъ самый главный нервъ, проникающій во все тѣло. Какъ легко было бы этой власти выродиться въ тираннію! Поэтому-то Іисусъ Христосъ положилъ для папъ главнымъ правиломъ: „А вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій“ *). Единство неразлучно со множествомъ („Гдѣ два или три собраны“...). Ошибочно исключать одно изъ двухъ, какъ это дѣлаютъ паписты, исключая множество, или гугеноты, исключая единство.

LXXI.

Одинаково будетъ ересью, если подъ словомъ „всѣ“ всегда разумѣть всѣхъ и если дѣлать некстати исключенія; нельзя въ выраженіи: „Пейте изъ нея всѣ“, разумѣть всѣхъ безъ исключенія—и гугенотовъ, и еретиковъ. А въ выраженіи: „всѣ согрѣшили“ **), разумѣются и еретики, и гугеноты, — всѣ,

*) *Лук.* XXII, 26.
**) *Римл.* III, 23.

исключая дѣтей вѣрныхъ. Итакъ, нужно слѣдовать св. Отцамъ и преданію, чтобы знать, когда какъ понимать слово „всѣ", разъ приходится бояться ереси съ той и другой стороны.

LXXII.

Все можетъ быть для насъ смертоноснымъ, даже вещи, сдѣланныя для того, чтобы служить намъ; напр., въ природѣ, стѣны могутъ насъ убить, ступени могутъ тоже убить, если мы пойдемъ слишкомъ неосторожно.

Малѣйшее движеніе касается всей природы; цѣлое море измѣняется изъ-за одного камня. Точно также и въ благодати: малѣйшее дѣйствіе касается своими послѣдствіями всего. Итакъ, все—важно. Въ каждомъ дѣйствіи нужно, кромѣ дѣйствія, принимать въ расчетъ наше настоящее, прошедшее и будущее состояніе и другія вещи, которыхъ оно касается, и видѣть связь со всѣми этими вещами. Тогда только человѣкъ будетъ хорошо выдержаннымъ.

LXXIII.

Всѣ люди ненавидятъ отъ природы одинъ другого. Они пользовались, какъ могли, похотью, чтобы заставить ее служить общественному благу. Но это только притворство, ложное представленіе любви, ибо въ сущности это ненависть.—Эта мерзкая основа человѣка только скрыта, но не изъята.

LXXIV.

Если хотятъ сказать, что человѣкъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы заслужить общеніе съ Богомъ, то нужно быть очень великимъ, чтобы судить объ этомъ.

LXXV.

Человѣкъ не достоинъ Бога, но онъ способенъ стать достойнымъ. Недостойно Бога соединиться съ ничтожнымъ человѣкомъ, но нельзя считать недостойнымъ Бога—извлечь его изъ ничтожества.

LXXVI.

Несчастны тѣ, которые обязали меня говорить о сущности религіи!.. Они видятъ очищенныхъ грѣшниковъ безъ раскаянія, оправданныхъ праведниковъ безъ любви, христіанъ безъ благодати Іисуса Христа, Бога безъ власти надъ волею людей, предопредѣленіе безъ таинственности, искупленіе безъ несомнѣнности!

LXXVII.

(Церковь) — множество и единство. Если разсматривать церковь какъ единство, то папа, какимъ бы онъ ни былъ, есть глава и какъ бы все. Если же ее разсматривать, какъ множество, папа—только часть. Отцы церкви разсматривали ее то такъ, то иначе; поэтому они не одинаково выражались о папѣ. Св. Кипріанъ называетъ его „жрецомъ Божіимъ“. Но принимая одну изъ этихъ двухъ истинъ, они не исключали другой. Множество, которое не сводится къ единству, есть безпорядокъ; единство, которое не зависитъ отъ множества, есть тираннія. Почти только въ одной Франціи позволено говорить, что соборъ выше папы.

LXXVIII.

Богъ не творитъ чудесъ при обыкновенномъ управленіи своею церковью. Это было бы чудомъ, если бы непогрѣшимость была въ одномъ лицѣ; но если она — во множествѣ, то это кажется вполнѣ естественнымъ: руководство Божіе скрыто подъ покровомъ природы, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ Бога.

LXXIX.

Разумъ не только не убѣждаетъ, что христіанская религія—не истинная религія, но напротивъ, онъ показываетъ, что она — истинна.

LXXX.

Если бы мы вездѣ должны были имѣть въ виду несомнѣнный результатъ, то человѣкъ не долженъ бы былъ ничего дѣлать для религіи, ибо она не носитъ въ себѣ несомнѣн-

ности. Но сколько вещей дѣлаетъ онъ ради сомнительнаго результата! Припомнимъ морскія путешествія, битвы. Я утверждаю, что тогда совсѣмъ не пришлось бы ничего дѣлать, ибо нѣтъ ничего несомнѣннаго. Въ религіи больше несомнѣнности, чѣмъ въ томъ, что мы увидимъ завтрашній день, ибо несомнѣнно, что мы доживемъ до завтра, но конечно возможно и то, что мы и не доживемъ. Нельзя этого сказать о религіи. Несомнѣнно, что она есть; но кто осмѣлится утверждать, что несомнѣнно возможно и то, что ея нѣтъ? Работая для завтрашняго дня, для сомнительнаго, мы поступаемъ разумно. Точно также мы должны, въ силу указаннаго расчета, работать и ради сомнительнаго результата.

LXXXI.

Всѣ хорошія правила у насъ на лицо; дѣло за тѣмъ только, чтобы примѣнить ихъ; напримѣръ, несомнѣнно что нужно жертвовать жизнью для защиты общественнаго блага, иные это и дѣлаютъ; но для религіи этого никто не дѣлаетъ.

LXXXII.

Иные пороки держатъ насъ во власти только съ помощью другихъ пороковъ; если отнять стволъ, они погибаютъ, какъ вѣтви.

LXXXIII.

Когда злоба права, она дѣлается гордою и выставляетъ свою правоту во всемъ ея блескѣ; когда суровый нравственный подвигъ или строгій выборъ не привелъ къ истинному благу и приходится вернуться во слѣдъ природѣ, то это возвращеніе дѣлаетъ злобу гордою.

LXXXIV.

Зло легко, оно въ безконечныхъ видахъ; благо — почти единственно. Но извѣстный родъ зла такъ же трудно найти, какъ и то, что называется благомъ, и часто по этому признаку это особаго рода зло выдаютъ за благо. Чтобы достигнуть до него, нуженъ даже необыкновенный подъемъ души,— какъ это нужно для достиженія блага.

LXXXV.

Природа человѣка не предназначаетъ его къ тому, чтобы всегда итти; онъ то идетъ, то останавливается. У лихорадки есть ознобъ и жаръ: холодъ такъ же хорошо показываетъ величину жара при лихорадкѣ, какъ самый жаръ. Изобрѣтенія людей изъ вѣка въ вѣкъ идутъ тѣмъ же способомъ. То же можно сказать о добротѣ и грѣховности міра вообще.

LXXXVI.

Тотъ и священникъ, кто хочетъ имъ быть, — какъ при Іеровоамѣ. Ужасная вещь! Теперешніе церковные порядки выставляютъ намъ столь совершенными, что желаніе измѣнить ихъ считаютъ преступнымъ. Нѣкогда они были тоже вѣдь непогрѣшимо хорошими, и все-таки оказалось, что ихъ можно были измѣнить, не совершая грѣха; а теперь, каковы бы они ни были, перемѣны нельзя и желать! Прежде было вполнѣ позволительно отмѣнить порядокъ, при которомъ священниковъ ставили съ такою осмотрительностью, что почти не оказывалось достойныхъ; а теперь нельзя и жаловаться на обычай, при которомъ ставятъ столько недостойныхъ!

LXXXVII.

Дѣти, пугаясь напачканной рожи, поступаютъ по-дѣтски; но если такъ немного нужно, чтобы напугать дѣтей, зато какъ сильно это средство въ отношеніи къ взрослымъ! Въ послѣднемъ случаѣ только измѣняютъ фантастичный образъ.

LXXXVIII.

Одинаково непостижимы положенія, что есть Богъ и что нѣтъ Его, что есть душа въ тѣлѣ и что нѣтъ въ насъ души, что міръ сотворенъ и что онъ не сотворенъ, что есть первородный грѣхъ и что нѣтъ его.

LXXXIX.

Атеисты должны говорить вещи совершенно ясныя; а у нихъ ясно только то, что душа матеріальна.

XC.

Невѣрующіе—самые легковѣрные люди. Они вѣрятъ въ чудеса Веспасіана, лишь бы не зѣрить въ чудеса Моисея.

XCI.

Нужно высказаться и противъ тѣхъ, которые слишкомъ углубляются въ науки (Декартъ).

XCII.

Атеизмъ—признакъ *) силы ума, но только до извѣстной степени.

XCIII.

Недостатки Монтэня велики. Припомнимъ его сладострастныя выраженія (они никуда не годятся, вопреки мнѣнію г-жи Журне), довѣрчивость (вѣритъ въ существованіе людей безъ глазъ), невѣжество (см. его рѣчи о квадратурѣ круга, о болѣе обширномъ мірѣ), его чувства по поводу преднамѣреннаго человѣкоубійства, по поводу смерти. Онъ внушаетъ „безъ страха и упрека“ нерадѣніе къ своему спасенію. Коль скоро его книга составлена не съ цѣлью побудить къ благочестію, онъ не былъ обязанъ этого дѣлать; но всякій и всегда обязанъ не отвращать отъ благочестія. Можно извинить его чувства, нѣсколько свободныя и сладострастныя, въ отношеніи къ нѣкоторымъ жизненнымъ случаямъ, но нельзя извинить его совершенно языческихъ чувствъ по поводу смерти; ибо нужно отказаться отъ всякаго благочестія, если не желать умереть, по крайней мѣрѣ, по-христіански; а онъ во всей своей книгѣ думаетъ только о томъ, какъ бы свободнѣе и изнѣженнѣе умереть.

XCIV.

Ариѳметическая машина **) производитъ дѣйствія, которыя ближе къ дѣйствіямъ мысли, чѣмъ все то, что могутъ произвести животныя; но она ничего не можетъ сдѣлать такого, что указывало бы на то, что у нея есть воля, какъ она есть у животныхъ.

---

*) Въ прежнихъ изданіяхъ (до изслѣдованія Кузена) читалось: „атеизмъ есть *недостатокъ* силы ума“ (manque вм. marque).

**) Она изобрѣтена Паскалемъ.

XCV.

Иные авторы, говоря о своихъ трудахъ, употребляютъ выраженія: „моя книга“, „мои комментаріи“, „моя исторія“ и т. д. Такъ и кажется, что это буржуа, имѣющіе собственный домъ и постоянно твердящіе: „въ моемъ собственномъ домѣ“. Имъ лучше было бы говорить: наша книга, нашъ комментарій и т. д.; такъ какъ обыкновенно тутъ больше чужого добра, чѣмъ ихъ собственнаго.

XCVI.

Краснорѣчіе есть искусство такъ говорить о вещахъ, чтобы, во-первыхъ, тѣ, къ кому обращаются, безъ труда и съ удовольствіемъ могли все понять, во-вторыхъ, чтобы они чувствовали себя заинтересованными, чтобы самолюбіе располагало ихъ къ размышленію объ этихъ вещахъ. Оно, значитъ, состоитъ въ соотвѣтствіи, которое стараются установить между умомъ и сердцемъ слушателей, съ одной стороны, и между мыслями и выраженіями, которыми пользуется ораторъ, съ другой стороны; а это предполагаетъ, что ораторъ хорошо изучилъ сердце человѣка, чтобы знать всѣ его пружины и найти потомъ правильное соотношеніе между нимъ и рѣчью, которая должна проникнуть въ него. Нужно поставить себя на мѣсто тѣхъ, которые должны насъ слушать, и сдѣлать надъ своимъ собственнымъ сердцемъ опытъ убѣжденія въ ту сторону, въ какую хочетъ убѣдить ораторъ, чтобы видѣть, создано ли одно для другого и можно ли быть увѣреннымъ, что слушатель будетъ какъ бы вынужденъ сдаться. Нужно слѣдовать, какъ можно больше, естественной простотѣ и не дѣлать малаго великимъ и великаго малымъ. Недостаточно, чтобы рѣчь была прекрасна, она должна быть свойственна предмету: въ ней ничего не должно быть излишняго или недостаточнаго.

Краснорѣчіе есть живопись мысли; въ живописи тоже— кто, нарисовавши лицо, прибавляетъ еще кое-что, тотъ дѣлаетъ картину, а не портретъ.

XCVII.

Если выражаешься о вещахъ, какъ народъ, все-таки нужно имѣть болѣе глубокую заднюю мысль и по ней судить о вещахъ.

XCVIII.

Сила, а не мнѣніе—царь міра; но именно мнѣніе и пользуется силою.

Соображается со слухомъ тотъ, кто не имѣетъ сердца.

Всякій разговоръ, всякую рѣчь нужно такъ вести, чтобы можно было сказать людямъ, которые обижаются ими: „да на что же вы жалуетесь?“

ГЛАВА XXV.

Мысли, обнародованныя послѣ 1843 г.

I.

Когда страсть заставляетъ насъ дѣлать что-нибудь, мы забываемъ свой долгъ. Когда намъ люба книга, мы читаемъ ее, хотя бы намъ должно было дѣлать что-нибудь другое. Чтобы прійти въ себя, мы должны приняться за такое дѣло, которое намъ ненавистно: и тогда мы откажемся отъ него, ссылаясь на то, что намъ предстоитъ дѣлать нѣчто другое, и, такимъ образомъ, вспомнимъ о своемъ долгѣ.

II.

Какая неправильность въ нашемъ сужденіи, коль скоро нѣтъ человѣка, который не подчинялъ бы себя всему остальному въ мірѣ, который свое собственное благо, продолжительность своего счастья и своей жизни не предпочиталъ бы благу и счастью всего остального въ мірѣ!

III.

„Есть травы на землѣ; мы ихъ видимъ, съ луны ихъ было бы не видно. На этихъ травахъ есть нити, въ этихъ нитяхъ—маленькія животныя, но дальше этого ничего ужъ нѣтъ“. Какая самонадѣянность! „Сложныя тѣла состоятъ изъ элементовъ, а элементы неразложимы“. Какая самонадѣянность! Впрочемъ, тутъ есть и тонкая черта: не слѣдуетъ говорить, что есть то, чего не видно. Говорить, значитъ, нужно, какъ и всѣ прочіе, но нельзя думать, какъ они.

IV.

Мы не только съ другихъ сторонъ смотримъ на вещи, но даже другими глазами; мы не имѣемъ возможности найти эти вещи такими же, какими находятъ они.

V.

Чиханье, какъ и половой актъ, парализуетъ всѣ способности души, но отсюда мы не дѣлаемъ тѣхъ же выводовъ противъ величія человѣка, потому что чиханье происходитъ помимо его воли. Хотя онъ дѣйствуетъ тутъ самъ по себѣ, но дѣйствуетъ противъ воли и имѣетъ въ виду не самое дѣйствіе, а другую цѣль; такимъ образомъ, это не есть признакъ слабости человѣка или рабскаго подчиненія этому дѣйствію.

VI.

Не стыдно человѣку предаваться печали, ему стыдно изнемогать отъ удовольствія. Это происходитъ не оттого, что печаль приходитъ къ намъ извнѣ, а удовольствія мы ищемъ, потому что можно искать и печали и предаваться ей нарочно, безъ всякаго униженія. Отчего же это игомъ печали гордится разумъ, а подчиняться игу удовольствія стыдится? Это оттого, что не печаль искушаетъ насъ и тянетъ къ себѣ. Мы сами добровольно выбираемъ ее и желаемъ, чтобы она господствовала надъ нами, такъ что мы сами—владыки своего положенія; здѣсь человѣкъ подчиняется самому себѣ, а при удовольствіи онъ подчиняетъ себя удовольствію. Только владычество и власть даютъ славу; только рабство ведетъ за собою стыдъ.

VII.

Когда кто въ докучливомъ дѣлѣ постоянно питаетъ свѣтлую надежду и радуется счастливымъ случайностямъ, то можно подумать — если и неудачи его тоже не удручаютъ—что онъ радъ потерять дѣло; онъ въ восхищеніи оттого, что находитъ эти поводы надѣяться,—ему хочется показать, что онъ заинтересованъ, и подъ притворною радостью скрыть удовольствіе по поводу того, что дѣло потеряно.

VIII.

Наша природа—движеніе; полный покой—это смерть.

IX.

Мы такъ мало знаемъ себя, что иной разъ думаетъ, что готовы умереть, между тѣмъ какъ мы вполнѣ здоровы, а иной разъ увѣрены въ своемъ здоровьѣ, между тѣмъ, какъ мы близки къ смерти,—мы не чувствуемъ приближенія лихорадки или готоваго образоваться нарыва.

X.

Природа вѣчно снова начинаетъ одно и то же—годы, дни, часы; пространства и числа тоже идутъ непрерывно, одно за другимъ. Такимъ путемъ образуется родъ безконечнаго и вѣчнаго. Это не значитъ, впрочемъ, что тутъ есть нѣчто изъ всего того, что безконечно и вѣчно; это означаетъ лишь, что эти ограниченныя вещи безконечно умножаются, такъ что безконечно, какъ мнѣ кажется, только число, которое ихъ умножаетъ.

XI.

Когда намъ говорятъ, что тепло есть не что иное, какъ движеніе какихъ-то шариковъ, а свѣтъ—ихъ „стремленіе удалиться“ (conatus recedendi), чувствуемое нами, то это насъ удивляетъ. Какъ! и удовольствіе не что иное, какъ пляска духовъ? *). А мы получили о немъ совсѣмъ не такое понятіе! Намъ эти чувствованія кажутся совершенно далекими отъ тѣхъ другихъ, съ которыми ихъ отожествляютъ. Ощущеніе огня **), этотъ жаръ, причина котораго вовсе не прикосновеніе, ощущеніе звука и свѣта,—все это кажется намъ таинственнымъ, а между тѣмъ оказывается, что это такое же грубое явленіе, какъ ударъ камня. Правда, намъ говорятъ о незначительной величинѣ „духовъ“, которые входятъ въ поры и касаются разныхъ нервовъ, но все-таки тутъ вѣдь идетъ рѣчь лишь о соприкосновеніи съ нервами.

*) Разумѣются spiritus animales Декарта („животные духи“ или „пары“).

**) Рѣчь идетъ, очевидно, о лихорадочномъ „огнѣ“.

XII.

Если бы животное въ силу ума дѣлало то, что оно дѣлаетъ по инстинкту, если бы оно въ силу ума выражало то, что выражаетъ по инстинкту, во время, напр., охоты или когда предупреждаетъ своихъ товарищей, что добыча найдена или ускользнула, то оно одинаково могло бы выражать и такія вещи, гдѣ больше чувствуется привязанности, напримѣръ, могло бы выразить мысль: „перегрызите эту веревку, которая меня давитъ и которой я не могу достать".

XIII.

Въ добродѣтели мы поддерживаемся не своею собственною силою, но противовѣсомъ двухъ противоположныхъ пороковъ: мы какъ будто стоимъ на ногахъ подъ напоромъ двухъ противоположныхъ вѣтровъ; отнимите одинъ изъ этихъ пороковъ, и мы впадемъ въ другой.

XIV.

Говорятъ, что затменія предсказываютъ несчастіе; это потому, что несчастія слишкомъ обыкновенны, такъ что дурное случается такъ же часто, какъ часто его предсказываютъ. Между тѣмъ, если бы говорили, что затменія предсказываютъ счастье, то пришлось бы часто обманываться. Счастье приписываютъ только рѣдкимъ небеснымъ явленіямъ и поэтому не часто ошибаются въ подобныхъ предсказаніяхъ.

XV.

Память необходима для всѣхъ умственныхъ операцій.

XVI.

Инстинктъ и разумъ—признаки двухъ различныхъ природъ.

XVII.

Когда я размышляю о кратковременности моей жизни, поглощаемой предшествующею и послѣдующею вѣчностью, о ничтожности пространства, которое я наполняю и даже

которое я вижу—пространства, пропадающаго въ безконечной неизмѣримости другихъ пространствъ, которыхъ я не знаю и которыя меня не знаютъ, то я прихожу въ ужасъ и изумляюсь, почему я въ одномъ, а не въ другомъ мѣстѣ; ибо нѣтъ никакого основанія быть мнѣ здѣсь, а не тамъ, въ настоящую минуту, а не раньше или позже. Кто меня помѣстилъ сюда? По чьему повелѣнію и распоряженію мнѣ назначено именно это мѣсто, именно это время? Жизнь это „воспоминаніе объ одномъ мимолетномъ днѣ, проведенномъ въ гостяхъ".

XVIII.

Сколько царствъ не знаетъ насъ!

Вѣчное молчаніе этихъ безконечныхъ пространствъ ужасаетъ меня.

XIX.

Я завидую тѣмъ, которые въ вѣрѣ живутъ съ такою небрежностью и столь дурно употребляютъ этотъ даръ, изъ котораго я, кажется мнѣ, сдѣлалъ бы совсѣмъ иное употребленіе.

XX.

Каждый для самого себя—есть все, ибо онъ умеръ,—и все для него умерло. А отсюда происходитъ, что каждый думаетъ, что онъ—все для всѣхъ. О природѣ нужно судить не—приноравливаясь къ себѣ, но сообразно съ нею самою.

XXI.

Обыкновенные люди имѣютъ возможность не разсуждать о томъ, о чемъ не хотятъ разсуждать.—„Не разсуждай по поводу такихъ-то мѣстъ, касающихся Мессіи", говорилъ іудей своему сыну. Точно такъ же часто поступаютъ и у насъ. Этимъ путемъ и сохраняются ложныя религіи; такъ сохраняется даже истинная у многихъ людей. Но есть и такіе люди, которые не имѣютъ силы удержать себя такимъ образомъ отъ размышленій и которые тѣмъ больше разсуждаютъ, чѣмъ больше имъ запрещаютъ. Эти люди не увлекаются

ложными религіями; они теряютъ даже истинную, если ихъ разсужденія не прочно обоснованы.

XXII.

Какъ далеко отъ познанія Бога до любви къ Нему!

XXIII.

Неужели ты менѣе будешь рабомъ, если тебя любитъ и ласкаетъ твой господинъ? Въ тебѣ много выгоды, и вотъ твой господинъ льститъ тебѣ. Но онъ же скоро и накажетъ тебя.

XXIV

Не въ Монтэнѣ, а въ себѣ самомъ я нахожу все то, что вижу здѣсь.

XXV.

Нѣтъ ничего столь невыносимаго для человѣка, какъ быть въ полномъ покоѣ, безъ страсти, безъ дѣла, безъ развлеченія, безъ употребленія своихъ силъ. Онъ почувствуетъ тогда свое ничтожество, свою безпомощность, недостаточность, зависимость, безсиліе, пустоту. И тотчасъ же онъ извлечетъ изъ глубины своей души скуку, мрачность, печаль, грусть, досаду, отчаяніе.

Когда солдатъ или рабочій станутъ жаловаться на трудъ свой, дайте имъ возможность ничего не дѣлать.

XXVI.

Человѣкъ руководится въ дѣйствіяхъ не разумомъ, который составляетъ его существо.

XXVII.

Человѣкъ до того низокъ, что подчиняется звѣрямъ и даже обожаетъ ихъ.

XXVIII.

Всѣ принципы пирронистовъ, стоиковъ, атеистовъ и т. д. истинны, но ихъ заключенія ложны, потому что и противоположные принципы тоже истинны.

XXIX.

Философы освятили пороки, приписывая ихъ даже божеству; христіане освятили добродѣтели.

XXX.

Если душа матеріальна, то какую же матерію могли бы сдѣлать душою тѣ философы, которые укротили свои страсти?

XXXI.

Странно кричать человѣку, который не знаетъ себя, чтобы онъ отъ самого себя переходилъ къ Богу! Хорошо говорить это человѣку, который знаетъ себя.

XXXII.

Большинство людей благо полагаетъ въ богатствѣ и внѣшнемъ благосостояніи или, по крайней мѣрѣ, въ развлеченіяхъ. Философы показывали суетность всего этого и полагали благо во всемъ, въ чемъ только могли.

Для философовъ 288 высшихъ благъ *).

„Будь доволенъ самимъ собою и происходящими изъ тебя благами". Тутъ есть противорѣчіе, ибо тутъ дается совѣтъ въ концѣ концовъ убить себя. Счастлива же жизнь, отъ которой приходится избавляться, какъ отъ заразы!

Хорошо, если кто утомится безполезными поисками за истиннымъ благомъ и протянетъ руки къ Избавителю.

XXXIII.

Боже мой, какъ глупы разсужденія, въ родѣ такихъ. „Для того ли Богъ создалъ міръ, чтобы осудить его? на что Ему нужно столько такихъ слабыхъ людей?" и т. д. Пирронизмъ—лѣкарство противъ этой болѣзни: онъ собьетъ эту спесь.

---

*) По вычисленіямъ Варрона, столько было мнѣній о высшемъ благѣ у различныхъ философовъ.

XXXIV.

Неужели кто скажетъ: люди потому и познали первородный грѣхъ, что справедливость, какъ сказано, есть удѣлъ земли?

—„Никто не бываетъ счастливъ прежде смерти“. Не значитъ ли это, что со смертью начинается вѣчное и дѣйствительное блаженство?

XXXV.

(Люди часто) принуждены говорить: „Вы не чистосердечно поступаете; вы не должны были бы“, и т. д. Какъ пріятно мнѣ впдѣть этотъ гордый разумъ униженнымъ и умоляющимъ. Вѣдь не у языка же человѣческаго въ подобныхъ случаяхъ оспариваютъ права, не языкъ защищается съ оружіемъ въ рукахъ. Не для забавы говорятъ, что такіе-то люди поступаютъ не чистосердечно, а для того, чтобы силою возраженія наказать ихъ за эту неискренность.

XXXVI.

Экклезіастъ показываетъ, что человѣкъ безъ Бога находится въ полнѣйшемъ невѣдѣніи и въ неизбѣжномъ несчастіи, ибо желать, но не мочь—это и значитъ быть несчастнымъ. Онъ хочетъ быть счастливымъ и увѣреннымъ въ какой-нибудь истинѣ, а межъ тѣмъ не можетъ ни знать, ни избавиться отъ желанія знать. Онъ не въ силахъ даже сомнѣваться.

XXXVII.

Мы очень обязаны тѣмъ, которые указываютъ намъ наши недостатки, ибо они укрощаютъ насъ. Они научаютъ насъ, что мы были въ презрѣніи, но они не мѣшаютъ намъ стать такими же на будущее время, ибо мы имѣемъ для этого много другихъ недостатковъ. Но они все-таки подготовляютъ постепенное исправленіе и освобожденіе отъ недостатка.

XXXVIII.

Ни одна секта, ни одна религія, кромѣ христіанской, не существовала на землѣ постоянно.

Одна только христіанская религія дѣлаетъ человѣка одно-

временно и достойнымъ любви и счастливымъ. А при условіяхъ обыденной добропорядочности, нельзя одновременно быть и любимымъ и счастливымъ.

XXXIX.

Вѣра есть даръ Божій. Не подумайте, что мы скажемъ, что это даръ размышленія. И другія религіи не говорятъ подобнаго о своей вѣрѣ: онѣ предоставляютъ размышленію только дойти до вѣры, хотя оно все-таки не приводитъ къ ней.

XL.

Образы совокупнаго искупленія—подобнаго солнцу, которое свѣтитъ для всѣхъ,—означаютъ именно совокупность; вещи же, изображающія исключеніе, напр., избранныхъ іудеевъ при исключеніи язычниковъ, означаютъ не цѣлое, а именно только эти исключенія.

— „Іисусъ Христосъ искупилъ всѣхъ“.—Да, это вѣрно, ибо Онъ предложилъ. Представимъ, напр., человѣка, который рѣшилъ выкупить всѣхъ, кто захочетъ къ нему прійти. Кто умретъ на дорогѣ—его бѣда; что же касается человѣка этого, то онъ вѣдь все-таки предлагалъ выкупить.—„Это хорошо въ вашемъ примѣрѣ, гдѣ выкупающій и избавляющій отъ смерти,—два разныя лица, но не подходитъ къ Іисусу Христу, который совершаетъ то и другое“.—Неправда; ибо Іисусъ Христосъ, въ качествѣ Искупителя, не есть, быть-можетъ, владыка всѣхъ; такимъ образомъ, поскольку это зависитъ отъ Него, Онъ все-таки есть Искупитель всѣхъ.

XLI.

Вы *), можетъ-быть, думаете, что пророчества, на которыя ссылается Евангеліе, приведены для того, чтобы заставить васъ вѣрить. Нѣтъ, это сдѣлано для того, чтобы удалить васъ отъ вѣрованія.

Чудеса служатъ не для обращенія, а для осужденія.

*) Обращеніе къ невѣрующимъ.

XLII.

Эпиктетъ, вполнѣ ясно видя путь, говоритъ людямъ: „Вы идете по ложной дорогѣ“. Онъ указываетъ, что есть другой путь, но онъ не ведетъ по нему. Богъ хочетъ, чтобы у насъ явилось желаніе, а ведетъ по истинному пути одинъ Іисусъ Христосъ: Онъ—„путь“ и „истина“.

XLIII.

Я усматриваю Іисуса Христа во всякой личности и въ насъ самихъ: какъ отецъ, Онъ въ Отцѣ Своемъ; какъ братъ—въ братьяхъ своихъ; какъ бѣднякъ—Онъ въ бѣднякахъ; какъ богатый—Онъ въ богатыхъ; какъ ученый и священникъ—Онъ въ священникахъ; какъ верховный владыка—Онъ въ князьяхъ, и т. д. По своей славѣ Онъ, какъ Богъ, есть все, что только есть великаго, а по своей земной жизни Онъ—все, что только есть жалкаго и отверженнаго; для того Онъ и принялъ это низкое состояніе, чтобы быть во всѣхъ лицахъ, быть образцомъ всякихъ состояній.

XLIV.

Псалмы поются по всей землѣ.

Кто свидѣтельствуетъ о Магометѣ? Онъ самъ. А Іисусъ Христосъ желаетъ, чтобы Его собственнаго свидѣтельства вовсе не было.

Свидѣтели хороши — когда они есть всегда и всюду, а онъ, жалкій *), стоитъ въ одиночку.

XLV.

Нерѣдко приходится упрекать людей въ излишней послушности; это такой же естественный и гибельный порокъ, какъ и недовѣрчивость.

XLVI.

Мало истинныхъ христіанъ, — я говорю даже о вѣрѣ. Много такихъ, которые вѣрятъ, но въ силу суевѣрія; много и такихъ, которые не вѣрятъ, но въ силу распущенности; немного людей, занимающихъ середину.

*) Магометъ.

Я не разумѣю здѣсь тѣхъ, которые хранятъ истинное благочестіе въ нравахъ, и всѣхъ тѣхъ, которые вѣруютъ въ силу сердечнаго чувства.

XLVII.

Не любящіе истины предлогъ оспаривать ее находятъ въ многочисленности отрицающихъ ее. Такимъ образомъ, ихъ заблужденіе происходитъ лишь оттого, что они не любятъ истины или не имѣютъ любви, а поэтому [ихъ нельзя извинить.

XLVIII.

То обстоятельство, что вы слышали объ извѣстной вещи, далеко не служитъ основаніемъ вашей вѣры въ нее; напротивъ, вы не должны ничему вѣрить, если не станете въ такое положеніе, какъ будто вы никогда не слыхали объ этомъ предметѣ. Вѣру вамъ должно дать — ваше согласіе съ самими собою, упорный голосъ вашего разума, а не разума другихъ; какъ важно — вѣровать! Сотни противорѣчій оказались бы истиной....

Если бы древность была основаніемъ для вѣрованія, то древніе, послѣ этого, оказались бы не имѣвшими этого основанія. Если основаніе—всеобщее согласіе, то что вышло бы, если бы люди погибли?

Ложное униженіе—та же гордость. Нечего скрываться,— поднимите занавѣсъ! Что бы вы ни дѣлали, вамъ можно только или вѣрить, или отрицать, или сомнѣваться. Неужели, значитъ, у насъ такъ и не будетъ никакой основы? О животныхъ мы судимъ, что, поступая такъ-то, они поступаютъ хорошо: неужели у насъ не будетъ основанія для того, чтобы судить о людяхъ? Отрицать, вѣрить и сомнѣваться такъ же свойственно человѣку, какъ лошади — бѣгать.

XLIX.

Наша религія и мудра и безумна. Мудра она потому, что она самая свѣдущая, тверже всѣхъ основана на чудесахъ, пророчествахъ и т. д.; безумна потому, что все это все-таки не заставляетъ людей слѣдовать ей: это содѣйствуетъ лишь осужденію тѣхъ, которые не слѣдуетъ ей, а не вѣрѣ людей,

слѣдующихъ ей. Вѣрить ихъ заставляетъ—крестъ. „Чтобы не упразднить креста Христова“... *). Поэтому-то ап. Павелъ, который пришелъ съ мудростью и знаменіями, говоритъ, что онъ пришелъ не съ мудростью и не съ знаменіями, ибо онъ пришелъ, чтобы обратить къ вѣрѣ. А тѣ, которые имѣютъ цѣлью только убѣдить, могутъ сказать о себѣ, что они приходятъ съ мудростью и знаменіями.

L.

Законъ обязывалъ къ тому, чего не давалъ. Благодать даетъ то, къ чему обязываетъ.

LI.

Христіанская религія даже дѣтей своихъ научала всему тому, что только люди могли узнать, съ помощью наивысшаго естественнаго разумѣнія.

LII.

Какъ я ненавижу эти глупости—невѣріе въ Евхаристію и т. п. Если Евангеліе истинно, если Іисусъ Христосъ есть Богъ, какое же можетъ быть тутъ затрудненіе?

LIII.

Праведный опирается на вѣру и въ самыхъ маловажныхъ вещахъ: когда онъ порицаетъ своихъ слугъ, онъ желаетъ, чтобы Духъ Божій ихъ обратилъ къ правдѣ, молитъ Бога исправить ихъ, отъ Бога ожидаетъ столько же, сколько отъ своихъ выговоровъ, молитъ Бога благословить его попытки къ исправленію. Точно такъ же онъ поступаетъ и въ другихъ случаяхъ.

Изъ всего, что есть на землѣ, онъ принимаетъ участіе только въ неудовольствіяхъ и вовсе не ищетъ удовольствій. Онъ любитъ своихъ ближнихъ, но его любовь не ограничивается этими предѣлами, она распространяется и на его враговъ, а потомъ и на враговъ Бога.

*) I *Коринѳ.* I, 17.

LIV.

Богъ установилъ молитву, во-первыхъ, для того, чтобы дать Своему творенію достоинство причинности; во-вторыхъ, чтобы научить насъ, чему мы обязаны добродѣтелью, и, въ-третьихъ, чтобы заставить насъ заслужить трудомъ и другія добродѣтели. Мнѣ возразятъ: но люди подумаютъ, что молитва — дѣло ихъ рукъ.— Это было бы нелѣпо. Разъ, имѣя вѣру, мы не можемъ имѣть добродѣтелей *), то какимъ же образомъ у насъ окажется вѣра? Не больше ли разстояніе между невѣріемъ и вѣрою, чѣмъ между вѣрою и добродѣтелью?

Богъ обязанъ исполнить только Свои обѣщанія. Онъ обѣщалъ даровать по молитвѣ справедливость, но Онъ обѣщалъ исполненіе молитвъ только сынамъ завѣта.

LV.

Де-Роанецъ **) говорилъ: „Основанія приходятъ мнѣ на умъ впослѣдствіи, а съ перваго разу вещь нравится мнѣ или отталкиваетъ меня безъ сознанія съ моей стороны основаній, и все-таки отталкиваетъ она по тому самому основанію, которое я открываю только потомъ“. Но по моему мнѣнію, не вещь отталкиваетъ по тѣмъ основаніямъ, которыя находятъ послѣ, а наоборотъ: люди потому только и находятъ эти основанія, что вещь отталкиваетъ ихъ.

LVI.

Онъ не любитъ уже той личности, которую любилъ десять лѣтъ тому назадъ. Я вполнѣ этому вѣрю: она уже не та, да и онъ не тотъ же. Онъ былъ молодъ и она тоже: теперь она—совершенно другое. Онъ, можетъ-быть, любилъ бы еще ее, если бы она была такою же, какъ тогда.

LVII.

Нужно бояться смерти внѣ опасности, а не въ опасности, ибо нужно быть человѣкомъ.

*) Такой результатъ получился бы, если бы мы признали, что молитва—дѣло нашихъ рукъ, т. е. что мы могли бы обойтись и безъ молитвы.

**) Артюръ Гуфье, герцогъ де-Роанецъ, управлявшій провинціей Пуату, поступилъ потомъ въ религіозную конгрегацію *оратор* з.

Только внезапная смерть внушаетъ страхъ: поэтому - то вельможи и держатъ при себѣ духовниковъ.

LVIII.

Нужно познать самого себя: если это не поможетъ найти истину, это поможетъ, по крайней мѣрѣ, хорошо направить жизнь, а въ этомъ заключается вся справедливость.

LIX *)—LX.

Какъ я ненавижу тѣхъ, которые выдаютъ себя сомнѣвающимися въ чудесахъ! Монтэнь правильно объ этомъ высказывается въ двухъ мѣстахъ. Изъ одного мѣста видно, насколько онъ разсудителенъ, но въ другомъ мѣстѣ онъ все-таки оказывается вѣрующимъ и порицаетъ невѣрующихъ.

LXI.

Когда кто хочетъ довести добродѣтели до крайности съ той и другой стороны, то навстрѣчу ему являются пороки, которые внѣдряются нечувствительно, незамѣтными путями, начинаясь съ безконечно малаго; затѣмъ они являются кучею— доходящей до безконечно большого, такъ что человѣкъ теряется въ порокахъ и не видитъ уже добродѣтелей.

LXII.

Богословіе есть наука, но въ то же время сколько здѣсь наукъ! Человѣкъ— совокупность членовъ, но если его анатомировать, будетъ ли человѣкомъ голова, сердце, желудокъ, вены, каждая вена въ отдѣльности, каждая частица вены, кровь, каждая капля крови?

Городъ, деревня издали кажутся городомъ, деревней, но по мѣрѣ того, какъ къ нимъ приближаются, оказывается, что это—дома, деревья, черепицы, листья, травы, муравьи, ноги муравья и т. д. до безконечности. Все это развертывается передъ нами подъ видомъ деревни.

---

*) Тоже, что въ I §.

LXIII.

Два сорта людей уравниваютъ между собою вещи, напр., праздники—съ буднями, христіанъ—съ священниками, грѣшниковъ—другъ съ другомъ, и т. д.; отсюда одни заключаютъ, что, если что-нибудь дурно для священниковъ, то, значитъ, дурно и для всѣхъ христіанъ, другіе—что, если что-нибудь не дурно для христіанъ, то, значитъ, это позволительно и для священниковъ.

LXIV.

Природа подражаетъ себѣ. Зерно, брошенное въ хорошую землю, производитъ плодъ. Мысль, брошенная въ здравый умъ, тоже даетъ плодъ. Числа подражаютъ пространству, хотя они столь не похожи на него по природѣ. Все сдѣлано и устроено однимъ Владыкою: корень, вѣтвь, плоды, принципы, слѣдствія изъ нихъ.

LXV.

Удивленіе портитъ все съ дѣтства. „Ахъ, какъ хорошо это сказано! какъ онъ хорошо поступилъ! какъ онъ уменъ!“ и т. д. Чада Поръ-Рояля, которымъ не представляется подобныхъ побужденій къ зависти и славѣ, впадаютъ въ нерадѣніе.

LXVI.

Опытъ заставляетъ насъ видѣть огромную разницу между набожностью и добротою.

LXVII *)—LXVIII.

Людямъ не скучно всякій день ѣсть и спать, ибо голодъ и сонъ все снова и снова возникаютъ; а безъ этого имъ наскучило бы ѣсть и спать. Точно такъ же люди скучаютъ, если не имѣютъ возможности насытиться духовными вещами. Припомнимъ алчущихъ правды (въ нагорной проповѣди).

---

*) То же, что въ § II.

LXIX.

Есть два сорта людей: одни—праведны, но считаютъ себя грѣшниками; другіе—грѣшны, но считаютъ себя праведниками.

LXX.

Не хорошо быть слишкомъ свободнымъ. Не хорошо имѣть все необходимое.

LXXI.

Надежда христіанъ на обладаніе безконечнымъ благомъ перемѣшана какъ съ радостью, такъ и со страхомъ; они поступаютъ не какъ тѣ, которые надѣятся на царство, безъ всякаго основанія, будучи сами подданными; христіане надѣются на святость, на искупленіе отъ неправды, но имѣютъ для этого нѣкоторое основаніе.

LXXII.

Смиренное сердце (ап. Павелъ)—вотъ христіанскій характеръ.

„Альба васъ назвалъ, я васъ больше не знаю"... (Корнель). Вотъ нечеловѣчный характеръ! Человѣчный характеръ противоположенъ этому.

LXXIII.

Симметрія это то, что мы видимъ съ одного взгляда. Она основана на томъ, что нѣтъ основанія сдѣлать иначе. Она основана также на фигурѣ человѣка, поэтому-то симметрію соблюдаютъ въ ширину, а не въ высоту или глубину.

LXXIV.

Нравственность и языкъ суть предметы частныхъ наукъ, которыя въ то же время всеобщи.

LXXV.

Невозможно, чтобы Богъ имѣлъ когда-нибудь конецъ, если Онъ не имѣетъ начала. Люди направляютъ свой взоръ кверху, но опираются на песокъ; земля рушится, и они упадутъ, смотря на небо.

LXXVI.

Скучно покидать занятія, къ которымъ мы привязались. Мужчина доволенъ своей семейной обстановкой; но пусть онъ увидитъ женщину, которая ему понравится, пусть она пять-шесть дней доставитъ ему удовольствіе, и вотъ онъ уже несчастенъ, если возвращается къ прежнему своему занятію. Это самое обыкновенное явленіе.

LXXVII.

Плачевная вещь—видѣть, что всѣ люди только и разсуждаютъ о средствахъ, но вовсе не заботятся о цѣли. Каждый заботится, какъ бы расквитаться съ своимъ положеніемъ, но выборъ положенія, выборъ роли житейской — дѣло случая. Жалко смотрѣть, какъ столько турокъ, еретиковъ, невѣрующихъ слѣдуютъ по пятамъ за своими отцами единственно на основаніи предубѣжденія, что взгляды ихъ отцовъ лучше всего. Это предубѣжденіе опредѣляетъ для каждаго его положеніе, для слесаря, для солдата и т. д. Поэтому-то провансальцы слывутъ дикарями.

LXXVIII.

Зависимость, желаніе независимости, нужда—вотъ изображеніе человѣка.

LXXIX.

Нельзя быть жалкимъ тому, что не имѣетъ чувства; разрушенный домъ не жалокъ. Только человѣкъ жалокъ.

LXXX.

Природа человѣка — это всякая природа, omne animal. Нѣтъ ничего такого, чего онъ не могъ бы сдѣлать природнымъ для себя; нѣтъ ничего природнаго, чего онъ не могъ бы потерять.

Если онъ потерялъ истинную природу, все, что угодно, дѣлается его природой; точно такъ же, если потеряно истинное благо, все, что угодно, дѣлается его истиннымъ благомъ.

LXXXI.

Юрисдикція дается не для чиновника, а для людей, прибѣгающихъ къ ней. „Опасно говорить это народу“. Но народъ имѣетъ слишкомъ много довѣрія къ вамъ; это не повредитъ ему, а вамъ можетъ послужить въ пользу. Нужно, значитъ, обнародовать это. „Паси овецъ моихъ“, а не твоихъ. „Вы мнѣ обязаны пастбищемъ“.

LXXXII.

Премудрость призываетъ насъ къ дѣтству. „Если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, то не войдете въ царство небесное“.

LXXXIII.

Истинная религія научаетъ насъ обязанностямъ, знакомитъ насъ съ нашими слабостями (гордость и похоть) и средствами противъ нихъ (униженіе, умерщвленіе плоти).

LXXXIV.

Св. Писаніе доставляетъ средства утѣшить во всѣхъ положеніяхъ и внушить страхъ во всѣхъ положеніяхъ.

Природа въ естественномъ и нравственномъ мірѣ проявила безконечность въ одной и той же вещи: мы всегда будемъ имѣть верхъ и низъ, болѣе и менѣе просвѣщенныхъ, болѣе возвысившихся и болѣе жалкихъ, для того, чтобы унизить свою гордость и поднять свою отверженность.

LXXXV.

Вѣчное Существо существуетъ постоянно, если существуетъ одинъ разъ.

LXXXVI.

Поврежденіе разума обнаруживается во всей этой массѣ различныхъ и нелѣпыхъ обычаевъ.

Чтобы человѣкъ не жилъ больше въ самомъ себѣ, нужно было появленіе истины.

LXXXVII.

Привычка—наша природа. Кто привыкаетъ къ своей вѣрѣ, тотъ вѣритъ, тотъ не можетъ уже не бояться ада и не

вѣритъ ни во что другое. Кто привыкаетъ вѣрить, что король страшенъ... и т. д. Кто послѣ этого станетъ сомнѣваться, что душа наша привыкла видѣть число, пространство, движеніе, поэтому и вѣритъ во все это и не считаетъ вѣрнымъ ничего другого?

LXXXVIII.

Ложность другихъ религій видна въ томъ, что онѣ не имѣютъ за себя свидѣтелей, а наша имѣетъ. Богъ вызываетъ другія религіи представить такіе признаки истинности. (*Ис.* LXIII, 9; XLIV,8).

LXXXIX.

Двѣ древнѣйшія книги въ мірѣ — это книги Моисея и Іова; одинъ — іудей, другой — язычникъ, но оба видятъ въ Іисусѣ Христѣ свое общее средоточіе и предметъ своихъ стремленій. Моисей относитъ къ Нему обѣщанія Божіи, данныя Аврааму, Іакову и т. д., и свои пророчества. Іовъ говоритъ: „Я знаю, Искупитель мой живъ."

XC.

„Я не былъ бы христіаниномъ, не будь чудесъ", говоритъ св. Августинъ.

Если бы не было чудесъ, люди не согрѣшили бы, не вѣря въ Іисуса Христа.

Невозможно разумно разсуждать противъ чудесъ.

„Гдѣ твой Богъ?" Чудеса Его указываютъ; они суть сіяніе Его.

XCI.

Для религіи нужно быть искреннимъ; есть истинные язычники, истинные іудеи, истинные христіане.

XCII.

Истинные христіане повинуются тѣмъ не менѣе *) безумію, — но не потому, что они уважаютъ безуміе, а потому что исполняютъ повелѣніе Бога, который для наказанія людей заставилъ ихъ служить этому безумію. Всякая тварь подвержена суетѣ. Но она „будетъ освобождена“. **)

Св. Ѳома, объясняя одно мѣсто у ап. Іакова о преимуществѣ богатыхъ, говоритъ, что, если они не дѣлаютъ этого ***) въ виду Бога, то они нарушаютъ повелѣніе церкви.

XCIII.

Авраамъ не взялъ ничего для себя, но взялъ только для своихъ слугъ; точно также праведный ничего отъ міра не беретъ для себя и не принимаетъ рукоплесканій міра: онъ властвуетъ только надъ своими страстями, говоря одной: „уйди!“ другой: „приходи“!

Укрощенныя такимъ образомъ страсти суть добродѣтели. Ревность, гнѣвъ — Богъ даже Себѣ ихъ приписываетъ — (если укрощены) такія же добродѣтели, какъ милосердіе, жалость, постоянство, которыя, въ свою очередь, суть страсти. Ими пользоваться нужно, какъ рабами и, предоставляя имъ пищу, нужно препятствовать, чтобы душа не брала ихъ пищи; ибо, когда страсти владычествуютъ, онѣ суть пороки, онѣ даютъ душѣ свою пищу, душа ею питается и отравляетъ себя.

XCIV.

Удаляясь отъ любви, люди удаляются отъ Бога. Наши молитвы и наши добродѣтели суть мерзость передъ Богомъ, если онѣ не бываютъ молитвами и добродѣтелями Іисуса

---

*) Т. е. хотя они „истинные“, хотя знаютъ „истину“.

**) *Римл.* VIII, 19 — 21.

***) Не подчиняются безумію другихъ, ниспосланному Богомъ для наказанія людей.

Христа. И наши грѣхи никогда не будутъ предметомъ милосердія, но будутъ предметомъ справедливости Божіей, если это не тѣ грѣхи, которые принялъ на Себя Іисусъ Христосъ. Онъ принялъ наши грѣхи и допустилъ насъ къ союзу съ Собою; ибо добродѣтели Ему свойственны, грѣхи чужды, а намъ добродѣтели чужды, грѣхи свойственны.

Перемѣнимъ употреблявшійся нами доселѣ критерій для сужденія о томъ, что такое благо. Мы критеріемъ брали свою волю, возьмемъ теперь волю Божію: все, что Онъ хочетъ, хорошо для насъ и справедливо; все, чего Онъ не хочетъ, дурно для насъ.

Все, чего Богъ не хочетъ, запрещено. Грѣхи запрещены общимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ Богомъ, что Онъ не хочетъ ихъ. Другія вещи, которыя оставлены безъ общаго запрещенія и которыя на этомъ основаніи люди называютъ дозволенными, не всегда все-таки дозволены. Когда Богъ удаляетъ отъ насъ какую-либо вещь, когда по какому-нибудь случаю, который есть указаніе на волю Божію, оказывается, что Богъ не желаетъ, чтобы мы имѣли извѣстную вещь, то, значитъ, она запрещена намъ, какъ грѣхъ, потому что воля Божія заключается въ томъ, чтобы мы не имѣли ни того, ни другого. Разница здѣсь только въ томъ, что то обстоятельство, что Богъ никогда не захочетъ грѣха, — несомнѣнно, а что Онъ никогда не захочетъ упомянутой вещи, въ этомъ нѣтъ несомнѣнности. Пока Богъ ея не хочетъ, мы должны смотрѣть на нее, какъ на грѣхъ; а отсутствіе Божіей воли, которая единственно заключаетъ въ себѣ все благое и все справедливое, дѣлаетъ эту вещь несправедливою и дурною.

XCV.

„Я соблюлъ Себѣ семь тысячъ человѣкъ“ *). Я люблю поклонниковъ, неизвѣстныхъ ни міру, ни даже самымъ пророкамъ.

---

*) Отвѣтъ Бога на жалобу Иліи, что Израиль избилъ пророковъ. *Римл.* XI, 4.

XCVI.

Люди, привыкши не создавать заслугу, а только награждать за нее, когда находить ее уже произведенною, и о Богѣ судятъ по себѣ.

XCVII.

Я бы охотно повелъ рѣчь, напр., въ такомъ порядкѣ: указалъ бы суетность всѣхъ отдѣльныхъ состояній, потомъ суетность всѣхъ видовъ общественной жизни, наконецъ суетность всѣхъ видовъ философской жизни (говорю о пирронистахъ, стоикахъ); но мнѣ не пришлось бы сохранить этого порядка. Я мало знакомъ съ этими вопросами и знаю, какъ мало людей понимаютъ все это. Ни одна человѣческая наука не можетъ сохранить этого порядка. Не могъ этого сдѣлать и св. Ѳома. Математика строго держится своего порядка, но она здѣсь безполезна со всею своею глубиною.

XCVIII.

Другъ мой, ты родился по сю стороны горы: поэтому справедливость требуетъ, чтобы твой старшій сынъ получилъ все.

XCIX.

Мы молимъ Бога о милосердіи не за тѣмъ, чтобы Онъ оставилъ насъ въ мірѣ среди нашихъ пороковъ, но за тѣмъ, чтобы Онъ освободилъ насъ отъ нихъ.

C.

Если бы Богъ давалъ намъ владыкъ отъ Своей руки, съ какою сердечною готовностью нужно было бы повиноваться имъ! Необходимость и случайности власти неминуемы.

CI.

„Вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“. Весь міръ воображаетъ себя богомъ, потому что судитъ. Это и хорошо для него, и дурно; множество событій то печалятъ его, то радуютъ.

СП.

Малыя дѣла совершаются, какъ великія, въ силу величія Іисуса Христа, который совершаетъ ихъ въ насъ и живетъ нашей жизнью; великія дѣла становятся малыми и легкими — силою Его всемогущества.

Оглавленіе.

Стр.

Паскаль какъ моралистъ, очеркъ Прево-Парадоля 3

Мысли Паскаля

ГЛАВА I. Противъ невѣрія атеистовъ 31

ГЛАВА II. Величіе и ничтожность человѣка. Удивительныя противорѣчія въ его природѣ. 39

ГЛАВА III. Тщеславіе человѣка. Результаты самолюбія. Человѣческое „я“ 51

ГЛАВА IV. Воображеніе. Шаткость природныхъ познаній человѣка. Привычка. Сомнѣніе. Нравственность 56

ГЛАВА V. Безпокойство человѣка. Занятія и развлеченія. . . . 70

ГЛАВА VI. О нѣкоторыхъ мнѣніяхъ и обычаяхъ. 77

ГЛАВА VII. Неравенство положеній, законы, справедливость, сила, политическая власть. 84

ГЛАВА VIII. Различные вопросы нравственности. 88

ГЛАВА IX. О различнаго рода талантахъ. О разумѣ и чувствѣ. О слогѣ, краснорѣчіи, поэтической красотѣ. 101

ГЛАВА X. О томъ, что съ одной философіей человѣкъ непостижимъ для самого себя, что онъ познаетъ себя только съ помощью тайны преемственности грѣха и что истинное благо онъ можетъ найти только съ помощью вѣры. 113

ГЛАВА XI. О конечномъ и безконечномъ. О томъ, что, держа пари за существованіе Бога, человѣкъ имѣетъ всѣ шансы выиграть. О познаніи Бога 120

ГЛАВА XII. Признаки истинной вѣры. Присутствіе этихъ признаковъ въ христіанствѣ. 129

ГЛАВА XIII. О томъ, что одна христіанская религія понимаетъ человѣка и противорѣчіе между его величіемъ и ничтожествомъ. 137

ГЛАВА XIV. О разумѣ и вѣрѣ 145

ГЛАВА XV. О томъ, что человѣкъ внѣ христіанства не находитъ никакой надежной опоры. Іудейская исторія—какъ одна изъ несомнѣнныхъ основъ христіанской религіи. 149

Стр.

ГЛАВА XVI. О томъ, что іудейская религія, какъ и христіанская, предписываетъ любовь къ Богу. 164
ГЛАВА XVII. Изобразительность древняго закона. 166
ГЛАВА XVIII. Пророчества о Христѣ, и ихъ исполненіе. 176
ГЛАВА XIX. Доказательства, извлеченныя изъ рожденія и смерти Іисуса Христа. 183
ГЛАВА XX. Истинность Евангельской исторіи. Чудеса. Разница между Мессіей и Магометомъ. 187
ГЛАВА XXI. О томъ, что Богъ не скрываетъ и не открываетъ себя всецѣло, что Мессію могли узнать лишь добрые люди, что истинность христіанской религіи можно познать даже изъ ея темныхъ для пониманія истинъ. 192
ГЛАВА XXII. О томъ, что человѣкъ можетъ познать Бога и самого себя только черезъ Іисуса Христа. Таинственное приготовленіе Іисуса Христа къ смерти. 198
ГЛАВА XXIII. О чудесахъ. 207
ГЛАВА XXIV. О разумѣ, милости, вѣрѣ, церкви и различныхъ вопросахъ догмы и морали 220
ГЛАВА XXV. Мысли, обнародованныя съ 1843 г. 254

Находятся въ продажѣ слѣдующіе переводы П. Первова:

Лависсъ. ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ЕВРОПЫ. Цѣна 50 коп.

Лабрюйеръ. ХАРАКТЕРЫ ИЛИ НРАВЫ ЭТОГО ВѢКА. Съ предис. Прево-Парадоля и Сентъ-Бева. Цѣна 2 руб.

Гоу и Рейнахъ. МИНЕРВА. Введеніе къ изученію школьныхъ классиковъ. Цѣна 1 р. 60 к.

Ж. Ж. Руссо. ЭМИЛЬ ИЛИ О ВОСПИТАНІИ. Цѣна 3 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ книги Паскали въ типографіи Д. А. Бонч-Бруевича

(*Москва, Кузнецкій мостъ, д. Князя Голицына*).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. А. КАРЦЕВА

(**Москва**, Фуркасовскій переулокъ, домъ Обидиной),

И ВЪ ДРУГ. КНИЖН. МАГАЗ. МОСКВЫ, ПЕТЕРБУРГА, КІЕВА И ОДЕССЫ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Прессансэ. ХРИСТІАНСКАЯ СЕМЬЯ. Переводъ съ французскаго, подъ редакціею профессора *Н. И. Барсова*. *Содержаніе:* I. Христіанскій принципъ семейной жизни. II. Христіанскій бракъ. III. Христіанское воспитаніе. IV. Молодые люди въ семьѣ и обществѣ. V. Господа и слуги. VI. Христіанская семья въ радости. VII. Христіанская семья въ скорби. Ц. **75** к., съ перес. **90** к., налож. платежомъ **1** р.

Изъ отзыва о книгѣ: Христіанская семья новаго богословскаго журнала *Вѣра и Церковь* (Январь, 1898 г.).

„Богатая своимъ содержаніемъ, полная самыхъ глубокихъ мыслей, говорящихъ не только уму, но и сердцу, живая въ своемъ изложеніи, по мѣстамъ художественно - поэтическая книжка Прессансэ и съ внѣшней стороны заслуживаетъ похвалы. Прекрасная бумага, четкая печать, отсутствіе грубыхъ опечатокъ, и недорогая цѣна дѣлаютъ ее пріятною и общедоступною.

Изъ отзыва о книгѣ: Христіанская семья журн. *Христіанское чтеніе* (кн. 8, 1898 г.).

„Въ настоящемъ сочиненіи особенно выдается всесторонее знаніе современной жизни общества — плодъ многолѣтней пастырской практики и наблюдательности.... Христіанскіе и пастырскіе совѣты, какіе предлагаетъ проповѣдникъ относительно семейныхъ отношеній, полны основательности и убѣдительности. По вашему мнѣнію, Прессансэ одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей-моралистовъ и такимъ онъ является особенно въ настоящемъ сочиненіи".

Навиль, Эрн. СВИДѢТЕЛЬСТВО ХРИСТА И ЕДИНСТВО ХРИСТІАНСКАГО МІРА. *Содержаніе:* Предисловіе. Часть первая. *Свидѣтельство Христа.* Гл. I. Сверхъестественное и авторитетъ. Гл. II. Содержаніе свидѣтельства Христа. Гл. III. Доказательство свидѣтельства Христа. Гл. IV. Авторитетъ Христа. Гл. V. Христіанская философія и вѣра. Часть вторая. *Единство христіанскаго міра.* Гл. I. Современныя раздѣленія въ Христіанствѣ. Гл. II. Единство въ области вѣрованій. Гл. III. Единство въ области нравственности. Гл. IV. Единство въ области чувствованій. Гл. V. Признаки сближенія. Гл. VI. Общехристіанскіе предметы дѣятельности. Практическіе выводы. *Приложеніе.* I. Логическая важность свидѣтельства. II. Изслѣдованіе о „Жизни Іисуса" Ренана. Переводъ съ французскаго подъ редакціею профессора *Н. И. Барсова*. Ц. **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **75** к.

Килленъ. НАШИ ДРУЗЬЯ НА НЕБѢ, или узнаютъ люди другъ друга на томъ свѣтѣ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею *С. П. Никитскаго*. Ц. **80** к., съ перес. **1** р.

Дидонъ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БОЖЕСТВЕННОСТИ І. ХРИСТА. Переводъ съ французскаго, подъ редакціею *С. П. Никитскаго*. Ц. **1** р.

Бинэ. РАЗМЫШЛЕНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ. Перев. съ французскаго.

Бевэ, Генрихъ. ДОСТОВѢРНОСТЬ НАШИХЪ ЕВАНГЕЛІЙ. Апологетическій опытъ. *Содержаніе:* Отд. 1-й: *Новѣйшія мнѣнія о происхожденіи и характерѣ нашихъ евангелій.* Отд. 2-й, состоящій изъ девяти главъ: *Свидѣтельство исторіи въ пользу древности нашихъ евангелій и ихъ апостольскаго происхожденія.* Отд. 3, въ трехъ главахъ: *Достовѣрность нашихъ евангелій.* Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею *С. П. Никитскаго*. Ц. **1** р. **25** к., съ пересылкой **1** р. **50** к.

13 264ST BRT 4198 GBC
07/93 53-005-00

Типо-Литографія Д. А. Бонч-Бруевича, Кузнецкій мостъ, домъ князя Голицына.

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

GAYLORD